

ISSN 2072-8514

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**Психологические
науки**

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАВИСТИ

ПЕРЕЖИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫМИ
ГРУППАМИ ЛЮДЕЙ

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
АДАПТАЦИИ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ
В УСЛОВИЯХ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИРЕКТОРОВ ШКОЛ

2014/ №1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514

Серия

2014 / № 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

2014 / № 2

Series

ISSN 2072-8514

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к. филол. н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Никитин О.В. – д. филол. н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)

Абрамов А.В. – к. пол. н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»

Асмолов А.Г. – академик РАО, д. псих. н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Белозеров В.Е. – д. ф. м. н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)

Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д. пед. н., проф.

Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ

Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)

Коничев А.С. – д. б. н., проф. МГОУ

Лекант П.А. – д. филол. н., проф. МГОУ

Марченко М.Н. – д. ю. н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Нелюбин Л.Л. – д. филол. н., проф. МГОУ

Ницевич В.Ф. – д. пол. н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Пасечник В.В. – д. пед. н., проф. МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., гл. ред. «Литературной газеты»

Пусько В.С. – д. ф. н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана

Ху Гумин – д. филол. н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

ISSN 2072-8514

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2014. № 2. – М.: ИИУ МГОУ. – 102 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26137.

**Индекс серии «Психологические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40717**

© МГОУ, 2014.

© Издательство МГОУ, 2014.

Редакционная коллегия серии «Психологические науки»

Ответственный редактор серии:

Шульга Т.И. – доктор психологических наук, профессор

Заместитель ответственного редактора серии:

Климова Е.М. – кандидат психологических наук

Ответственный секретарь:

Филинкова Е.Б. – кандидат психологических наук

Члены редакционной коллегии серии:

Фирсов М.В. – доктор исторических наук, профессор;

Утлик Э.П. – доктор психологических наук, профессор;

Резванцева М.О. – кандидат психологических наук,

доцент; **Барабанщиков В.А.** – доктор психологических наук, профессор (Психологический институт РАО,

г. Москва); **Кондратьев М.Ю.** – доктор психологических наук, профессор (Психологический сервисный центр

«Форум социальной психологии» г. Москва); **Марцинковская Т.Д.** – доктор психологических наук, профессор

(Психологический институт РАО, г. Москва); **Шнейдер Л.Б.** – доктор психологических наук, профессор (Московский психолого-социальный институт); **Бигерт Ханс** –

доктор педагогических наук, Почетный профессор, доцент,

(Хемницкий технический университет, Германия)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

— Issued 4 times a year —

Series editorial board «Psychology»

Editor-in-chief:

T.I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor

Deputy editor-in-chief:

Y.M. Klimova – Ph.D. in Psychology

Executive secretary:

Y.B. Filinkova – Ph.D. in Psychology, Associate Professor

Members of Editorial Board:

M.V. Firsov – Doctor of History, Professor;

E.P. Utlik – Doctor of History, Professor;

M.O. Rezvantseva – Ph.D. in Psychology, Associate Professor;

V.A. Barabanshikov – Doctor of Psychology, Professor (Institute of Psychology, RAS, Moscow);

M.Yu. Kondratiev – Doctor of Psychology, Professor (Psychological Servicing Center "Social Psychology Forum", Moscow);

T.D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor (Psychological Institute, RAE, Moscow);

L.B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor (Moscow Psychology-Social Institute);

Hans Biegert – Doctor of Pedagogical Sciences, Honorary Professor, Associate Professor (Technical University, Chemnitz, Germany)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru;

Site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (Chairman of the Council)

O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (Deputy Chairman of the Council)

A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University

A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University

B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)

L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU

K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)

A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU

P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University

L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University

Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

ISSN 2072-8514

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Psychology». 2014. № 2. – M.: MSRU Publishing house. – 102 p.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26137.

Index series «Psychology» according to the union catalog «Press of Russia» 40717

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Корнилова Т.В., Веденеева Н.В.</i> САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ И РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ САМООЦЕНКИ, ПРОЯВЛЯЕМЫЕ ПРИ ЛИЧНОСТНОМ ВЫБОРЕ ДЛЯ СЕБЯ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИ ВЫБОРЕ ЗА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА	6
--	---

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Жучкова С.М.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ЖИЗНЬЮ В ПОЖИЛОМ И СТАРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	18
<i>Кышитымова И.М.</i> ПСИХОСЕМАНТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В РЕКЛАМЕ (НА ПРИМЕРЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ)	25
<i>Соколовская И.Э.</i> ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ.....	36
<i>Читао Р.А.</i> ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАМЕЩАЮЩИХ РОДИТЕЛЯХ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	47

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Барановская И.В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.	59
<i>Евенко С.Л.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У ПОДРОСТКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	64
<i>Зотова Л.Э.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	69
<i>Чигринова И.А., Новикова М.А.</i> СВЯЗИ РИГИДНОСТИ, ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И УРОВНЕЙ НРАВСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ С АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТЬЮ СТУДЕНТОВ.....	78

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Кобец А.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОТБОР КАДРОВ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ	84
<i>Шахова И.П.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ	93
НАШИ АВТОРЫ	100

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

<i>M. Mishina.</i> SPECIFICS OF A PERSON'S INTELLECTUAL ACTIVITY.....	6
<i>D. Parrish.</i> LOOK AT THE ANXIETY AND DEPRESSION FROM THE POSITION OF THE PSYCHOLOGIST-PSYCHOTHERAPIST.....	13

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>N. Zueva.</i> VOLUNTEER MOVEMENT DEVELOPMENT AMONG FOSTER PARENTS IN VOLOGDA REGION	24
<i>M. Rosenova.</i> PROJECTIVE MECHANISMS OF ENVY.....	30
<i>T. Shulga, V. Levyts'ka.</i> THE WAY VARIOUS GROUPS OF PEOPLE COME THROUGH SOCIAL TENSION	41

SECTION III. PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

<i>M. Zamishchak.</i> MOTIVATORS OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN'S MORAL SELF-APPRAISAL	58
<i>I. Lotova.</i> PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF EDUCATIONAL PROCESS.....	66
<i>Yu. Panenkova.</i> APPLIED ASPECTS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF GIFTED CHILDREN'S ADAPTATION IN PRIMARY SCHOOL.....	73
<i>E. Filinkova, I. Knizeva.</i> TEACHERS' UNDERSTANDING OF SCHOOL DIRECTORS' ACTIVITIES.....	83
<i>M. Firsov, I. Namesnikova, E. Studenova, R. Biryukova.</i> STADARDIZATION OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SPESIALISTS WORKING WITH A FAMILY: FOREIGN EXPERIENCE	93

SECTION IV. PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

<i>I. Noss.</i> DEFORMATION OF THE IMAGE OF A PROFESSION WITHIN PERSONAL AND PROFESSIONAL EXAMINATION OF THE STAFF	107
<i>P. Putivtsev.</i> FORMING STUDENTS' PSYCHOLOGICAL READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITIES	114
<i>T. Savina, E. Kiseleva.</i> PSYCHO-PEDAGOGICAL PECULIARITIES OF PREVENTING A TEACHER'S PROFESSIONAL AND PERSONAL DESTRUCTIONS.....	123
OUR AUTHORS	129

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.423

Корнилова Т.В., Веденева Н.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ И РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ САМООЦЕНКИ, ПРОЯВЛЯЕМЫЕ ПРИ ЛИЧНОСТНОМ ВЫБОРЕ ДЛЯ СЕБЯ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИ ВЫБОРЕ ЗА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА¹

Аннотация. На выборке студентов-психологов (n=97) рассмотрены связи самоэффективности с личностными свойствами толерантности – интолерантности к неопределенности, готовностью к риску и рациональностью, а также с ретроспективными самооценками свойств, проявленных в регуляции сделанного выбора. В 8 вербальных задачах испытуемый делал выбор, причем в 4-х «для себя» (личный) и в 4-х – за другого человека (предполагаемое большинство). Показано, что самооценки свойств, связываемых с самоэффективностью, различаются в позициях «за Себя» и «за Другого»; испытуемые показывают различную включенность в регуляцию выбора личностных усилий, исходя из этой самой позиции.

Ключевые слова: принятие решений, саморегуляция, личностный выбор, самоэффективность, ретроспективная самооценка, рациональность, готовность к риску, толерантность к неопределенности.

T. Kornilova, N. Vedeneva

Lomonosov Moscow State University

SELF-EFFICACY AND RETROSPECTIVE SELF-ESTEEM IN SITUATIONS OF CHOICE: CHOOSING FOR SELF AND OTHERS

Abstract. The authors studied the connection of self-efficacy with a person's abilities to be tolerant, among which are: tolerance-intolerance to uncertainty, risk tolerance and rationality, and, finally, the retrospective evaluation of traits manifested in the regulation of choice. 97 students of the department of psychology were recruited psychology as participants of the test. The person under test was to make choice in 8 verbal tasks: in 4 tasks to make choices «for self» (personal), and in 4 other tasks – for another person (“the supposed majority”). The results demonstrated that self-evaluations of personality traits related to self-efficacy differ in the conditions of choice made “for self” and “for others”. Due to these positions the participants of the test showed different personal involvement into the regulation of choice of personal efforts.

Key words: decision making, self-regulation, personal choice, self-efficacy, retrospective self-esteem, rationality, readiness for risk, tolerance to uncertainty.

© Корнилова Т.В., Веденева Н.В., 2014.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ (проект № 13-06-00049).

Понятие самоэффективности, разработанное в зарубежной психологии [1], должно быть осмыслено в контексте отечественной психологии, поскольку в ней процессы целеполагания выступили связующими для изучения единства интеллектуальной и аффективно-волевой сферы, самосознания личности и целевой регуляции ее действий и решений. В постановке целей (как осознаваемых предвосхищениях будущих результатов действий, по А.Н. Леонтьеву) субъектом охватываются и процессы прогнозирования возможности их достижения, в том числе включающие оценивание соответствия им собственного интеллектуально-личностного потенциала. В школе Тихомирова в 1970-е гг. целеобразование как процесс, фокусирующий на себе и эмоционально-мотивационные компоненты саморегуляции мышления, и становление когнитивных структур, было исследовано наиболее тщательно; при этом сами процессы целеполагания интерпретировались иначе, чем в вюрцбургской школе, положившей начало их изучению в мышлении человека [3].

В исследованиях принятия решений роль в этих процессах свойств саморегуляции, а значит и самоэффективности, начала высвечиваться более ярко, поскольку именно использование человеком своего интеллектуально-личностного потенциала, причем не как ресурса, а как динамических иерархий ряда процессов, фокусирующих психологические новообразования (в виде динамических регулятивных систем – ДРС), стало рассматриваться как условие преодоления ситуации неопределенности при принятии решений [7]. Готовность и умение челове-

ка использовать свои возможности (а не их оценка сама по себе) – один из аспектов саморегуляции при принятии решений [6], включающей и оценку самоэффективности.

Самоэффективность (СЭ) определялась как «убежденность индивидуума в том, что он сможет успешно осуществить поведение, необходимое для достижения ожидаемых результатов» [1]. Автор понятия подчеркивал необходимость различения ожидания результатов собственных действий и ожидания эффективности при их выполнении – самоэффективности, так как человек может знать о том, что некие действия ведут к определенному результату, не веря при этом в то, что лично он может эти действия произвести. Уверенность выступила свойством, характеризующим и особенностями, а точнее качеством принятия решений [5].

При принятии решений человек оценивает не только альтернативы и условия принятия решения (будь то так называемые рациональный или личностный выборы), но и себя, свои возможности, свое Я. Он примеривает личностную цену выбора к себе, но может иначе оценить возможность такого же выбора другим человеком.

Мы предположили, что не только оценивание себя в своих действиях, поступках и решениях (оценивание «Я» в действии, что рассмотрено В. Лекторским как аспект неклассического подхода к сознанию [8]), но и соответствующие самооценки приложенных усилий при принятии решений за других людей могут раскрывать компоненты самоэффективности. Такие ретроспективные самооценки могут помочь дифференцировать обыч-

но слитые в регуляции личностного выбора компоненты самооценивания, по разному связываемые с применением интеллектуальных и личностных усилий в решениях «за Себя» и «за Другого».

Такая постановка вопроса о регулятивной роли самоэффективности включает и аспект оценивания человеком самого себя, своих знаний и возможностей при принятии решений, и аспект возможности применения своего интеллектуально-личностного потенциала для понимания решений и действий других людей в ситуации неопределенности. Если раньше в психологии ставилась проблема опоры на чужие знания при принятии решений, то мы выделяем связанную с ней другую: как при такой опоре можно принимать решения не только за себя, но и за другого человека, подразумевая под этим другим то мыслимое лицо, которое вместо личности самого испытуемого будет принимать последствия решения, принятого самим испытуемым.

Для поиска ответа на поставленные вопросы мы провели исследование, в котором моделировались ситуации личностного выбора при принятии решений с возможностью взятия подсказки и при разведении позиций выбора «для Себя» и «для Другого». Наряду с самоэффективностью и показателями принятия решений в нем была представлена процедура получения ретроспективных самооценок как оценок приложенных усилий при принятии решений.

А. Бандура отмечал, что человеческая мотивация зависит и от продуцирования несоответствия между целями и возможностями человека, и от снижения несоответствия. Таким

образом, появляется необходимость как в проактивном контроле, так и в контроле обратной связи (то есть реактивном контроле). Контроль обратной связи предполагает последующее корректирование усилий с целью достижения желательных результатов [1]. Данное утверждение особенно важно в рамках нашего исследования, целью которого является прослеживание связи между конструктом самоэффективности (по сути отвечающим за перспективу) и *ретроспективными самооценками* (отражающими обратную связь по итогам деятельности).

В отечественной психологии функция *самооценки* понимается как процедура оценивания общего потенциала субъекта или отдельных свойств с помощью той или иной шкалы ценностей. Результат оценивания может также повлиять на самоотношение, задавая его определенный модус, а также на «образ-Я», внося в него качественно новые знания. Функция же ретроспективной самооценки – оценка субъектом достигнутых уровней развития, итогов деятельности, последствий поступков и т. п. Однако ее назначение не ограничивается лишь подведением итогов, она участвует в определении субъектом перспектив своего развития, поскольку в ходе ее актуализации он отмечает как позитивные, так и негативные стороны своей деятельности и личности. Ретроспективная самооценка детерминирует процессы «каузальной атрибуции» – объяснение субъектом причин успехов или неудач собственного поведения и деятельности.

Мы предположили, что фиксация ретроспективных самооценок не как обращенных к итогам деятельности, но как образований, субъективно отражающих

приложенные при принятии решений усилия, способна «развернуть» актуализацию принятия решений именно в контексте личностной регуляции выбора.

При задании условий выбора мы предполагали также обосновать использование еще одного методического приема, а именно ретроспективной самооценки усилий, предполагаемых для прогноза решений других людей, причем при понимании Другого как представляющего «большинство». Исследования Э.Р. Стоун и Л. Эллгейнер показали, что социальные ценности влияют на решения, предполагаемые для других людей, куда в большей степени, нежели для себя [14]. Проверка подобных заключений проводилась Е.М. Ординовой при построении имплицитных теорий риска [10], однако в этом исследовании была замечена тенденция давать схожие ответы в обеих позициях. Таким образом, могут быть получены разные результаты, поддерживающие противоположные позиции в понимании изменения (или нет) в регуляции принятия решений за другого человека. Мы руководствовались, исходя из модели многоуровневой и мультипликативной регуляции выбора и гипотезы о динамических регулятивных системах, третьей позицией [6]. Можно предположить, что большую значимость при принятии решений за себя (собственно личностный выбор) играет прогнозируемая собственная самоэффективность, а

значит связи ее с ретроспективными оценками эффективности своих действий и эмоциональной включенности, в то время как для решений за Других как большинства, самоэффективность в основном будет связана с оценкой их рациональности.

В задачи исследования входила проверка следующих гипотез:

1. Ретроспективные самооценки, отражающие включенность личностных усилий в регуляцию выбора, будут различаться при принятии решений за себя и за другого человека.

2. Самоэффективность должна быть положительно связано со свойствами саморегуляции, представляющими умение принимать условия неопределенности.

Связи шкал *готовность к риску* и *рациональности* как свойств личностной саморегуляции со свойствами *толерантности к неопределенности* и *интолерантности к неопределенности* уже были представлены в литературе [4]. Однако не было пока работ, устанавливающих связи этих личностных свойств, манифестирующих принятие неопределенности и, напротив, уход от неопределенности, с *самоэффективностью*.

3. Самоэффективность, измеренная нормативным опросником, будет коррелировать с разными *ретроспективными самооценками* личностных свойств в позициях принимающего решения за Себя и за Другого.

Методика

В исследовании приняло участие 97 человек в возрасте от 18 до 37 лет ($M = 19,7$, $Med = 19$, дисперсия = 5,5), из них – 62 женщины и 35 мужчин. Испытуемые – студенты 3-го курса пси-

хологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Нами была разработана методика «Вербальные задачи-8», которая была автоматизирована – для прохожде-

ния методики испытуемые заходили на специальный сайт с персонального компьютера. Методика включает восемь вербальных задач с тремя альтернативами выбора. Половину задач испытуемый решал с инструкцией «Как бы я поступил Сам», а другую половину задач с инструкцией «Как бы поступили Другие» (здесь испытуемый должен был принять решение в соответствии с тем, как поступило бы подавляющее большинство в данной ситуации, по его мнению)¹.

После принятия решений испытуемому предлагалось оценить проявленные при выборе личностные свойства по шкале от 1 до 9 для двух блоков задач. Так как испытуемый решал половину задач с инструкцией «Как бы я поступил Сам», то для этих задач он оценивал личностные свойства при выборе «за Себя», для другой половины задач испытуемому было предложено оценить личностные свойства, проявленные в выборе «за Других». При определении, какие личностные свойства вводить в шкалы ретроспективного оценивания, мы исходили из анализа литературы [2; 7] по принятию решений и модели личностной саморегуляции Т.В. Корниловой, которая включает в себя три компонента принятия решений: Личностный компонент – Интеллектуальный компонент – Новообразования (шкала, отражаю-

щая усилия человека при ПР) (2013). В результате были предложены следующие личностные свойства, которые могли быть проявлены при принятии решений:

- рациональность;
- толерантность к неопределенности;
- умение понимать свои эмоции;
- ум;
- интуитивность;
- рефлексия;
- эффективность действий;
- критичность;
- адекватность;
- умение понимать других;
- рискованность действий.

Психодиагностические методики:

1. Шкала общей *самоэффективности* [11].

2. Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН [4]. Позволяет оценивать шкалы *толерантности к неопределенности* (ТН), *интолерантности к неопределенности* (ИТН) и *межличностной интолерантности к неопределенности*.

3. Опросник «Личностные шкалы принятия решений – ЛФР-21» [5].

Шкалы для оценки личностной *готовности к риску* – как умения принимать решения и в условиях неопределенности или недостаточной информированности и *рациональности* как направленности на сбор информации.

Результаты

1. В ходе корреляционного анализа были найдены следующие значимые взаимосвязи:

2. Для измеренной с помощью нор-

¹ Таким образом, в дальнейшем мы будем говорить о решениях «для Себя» и решениях «для Других».

мативного опросника СЭ установлены значимые положительные корреляции со следующими ретроспективными самооценками (PCO) «для Себя»: *умение понимать свои эмоции* ($\rho = 0.33, p < 0.05$) и *уверенность* ($\rho = 0.35, p < 0.01$), а также корреляции с PCO *критично-*

Таблица 1

Связи личностных свойств между собой (ρ Спирмена)

Переменная	СЭ	Риск	Рациональность	ТН	ИНТ	МИНТ
Самозффективность (СЭ)		0.34** n=79	0.23* n=79			-0.25* n=80
Риск			-0.30** n=84	0.23* n=80		-0.43** n=80
Рациональность					0.26* n=80	
ТН					-0.27** n=85	
ИНТ						
МИНТ						

Примечание: * <0.05, ** <0.01

сти ($\rho = 0.26$, $p < 0.05$) в позиции принятия решений «для Другого».

Готовность к риску проявила значимую взаимосвязь с РСО «для Себя» умение понимать свои эмоции ($\rho = 0.35$, $p < 0.05$). Значимых связей шкалы готовность к риску с РСО в задачах «для Других» обнаружено не было.

Шкала рациональность значимо связана со следующими РСО «для Себя»: рефлексивность ($\rho = 0.26$, $p < 0.05$) и критичность ($\rho = 0.28$, $p < 0.05$). Толерантность к неопределенности была значимо связана с РСО «для Себя» по шкалам: рациональность ($\rho = -0.24$, $p < 0.05$); ум ($\rho = -0.26$, $p < 0.05$); рефлексивность ($\rho = -0.23$, $p < 0.05$) и уверенность ($\rho = -0.23$, $p < 0.05$).

Для МИНТ обнаружена значимая взаимосвязь с РСО при выборе «для Себя» со шкалой критичность ($\rho =$

0.24, $p < 0.05$). Для интолерантности к неопределенности не было найдено значимых связей ни с РСО «для Себя», ни с РСО «для Других», т.е. ИНТ не представлена в связях с самооценками «для Себя» при личностном выборе, в отличие от ТН и МИНТ.

Все связи, полученные в ходе корреляционных исследований, представленные в табл. 1 и между шкалами нормативных опросников и РСО, можно изобразить в виде схемы (см. схему на с. 12).

3. В рамках исследования также был проведен корреляционный анализ связей РСО «для Себя» с РСО «для Других». Было получено множество значимых взаимосвязей, однако в рамках нашего исследования для нас являются важными и существенным следующие (см. табл. 2).

Обсуждение результатов

1. Связь показателей личностных опросников между собой

Рост показателей общей самооффективности студентов согласуется с ростом показателей как готовности к риску, так и рациональности. Итак,

в целом вторая выдвинутая гипотеза должна быть принята, однако при существенном изменении ее содержания, поскольку принципиально новым и противоречивым оказался тот результат, что при полученной положи-

Схема 1

Связи личностных свойств (круги) с ретроспективными самооценками (прямоугольники)

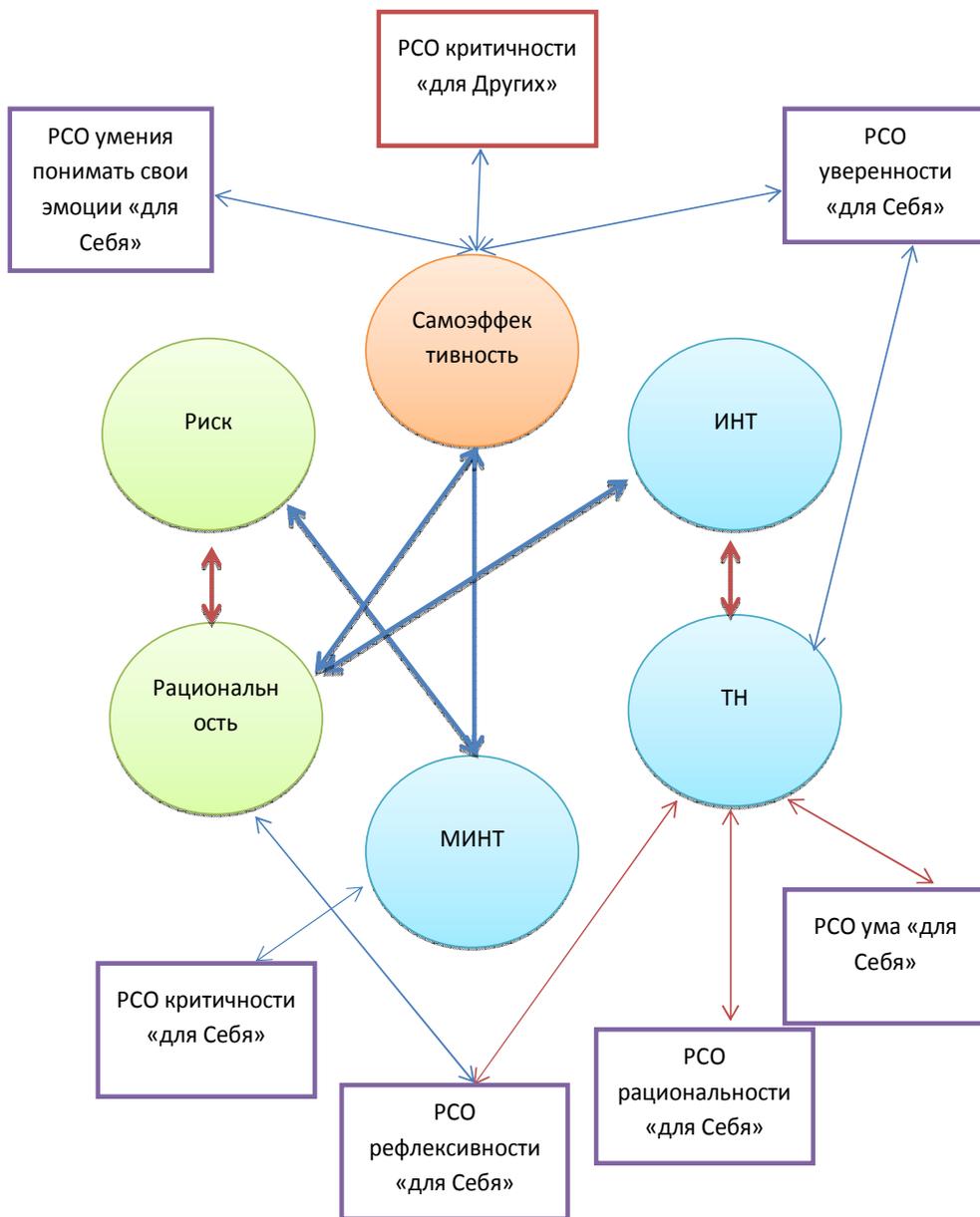

Таблица 2

Связь РСО «для Себя» и «для Других»

n = 96			Шкалы оценивания «для Других»							
			1	2	3	4	5	6	7	8
Шкалы оценивания «для Себя»	1	Эффективность действий		0.20*	0.31**				0.38**	0.24*
	2	Уверенность		0.24*	0.24*				0.32**	0.28**
	3	Ум		0.22*	0.35**				0.27*	0.20*
	4	Рациональность								
	5	Риск действий		0.24*			0.33**			
	6	ТН					0.24*			
	7	Умение понимать свои эмоции		0.31**	0.25*				0.26*	0.35**
	8	Умение понимать других			0.29**					

Примечание: * <0.05, ** <0.01

тельной корреляции обоих свойств с самоэффективностью названные две шкалы личностной саморегуляции опросника ЛФР коррелируют между собой отрицательно.

Интерпретация таких результатов возможна только исходя их предположения о том, что эти свойства относятся к разным уровням личностной регуляции выбора: самоэффективность отражает иной уровень личностных свойств, находящийся выше в иерархиях процессов, обеспечивающих саморегуляцию. Рискованность и рациональность, находясь на подчиненных уровнях (в динамической иерархизации опосредствующих выбор процессов) оказываются связанными с разными аспектами саморегуляции, действуя в этой единой многоуровневой системе нерцепционно, а взаимосвязано – через процессы целеполагания и самооценивания усилий для целедостижения, обеспечивающие СЭ.

Учитывая также положительные связи *толерантности к неопределен-*

ности с готовностью к риску, а интолерантности – с рациональностью, мы можем предполагать их вхождение в разные латентные переменные, что соответствует полученным ранее данным [7; 12]. Наши результаты позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что личностное свойство самоэффективности должно быть выделено в новую латентную переменную. Однако пока объем полученных результатов не позволяет применить к ним средства структурного моделирования, поэтому эмпирическую верификацию этого предположения мы оставляем для дальнейших исследований.

Большая уверенность в возможной успешности собственных действий сопутствует принятию неопределенности во взаимоотношениях с окружающими. Кроме того, общая самоэффективность связана не с объективными характеристиками ситуации неопределенности, а именно с областью межличностных отношений (так МИНТ – единственная шкала

опросника НТН, с которой СЭ имеет значимую связь). Можно сказать (и это позволяет материал наших вербальных задач), что человек, идущий на риск, принимает ситуацию выбора, как ситуацию неопределенности, как ситуацию с неизвестным исходом, включая в неопределенность и источник регуляции межличностных отношений. Вероятно, допущение вариативности в отношениях с окружающими людьми дает дополнительную уверенность в успешном выборе и позволяет быть толерантным собственно к самой ситуации выбора. Это согласуется с установленной значимой отрицательной связью между самоэффективностью и *межличностной интолерантностью к неопределенности*. Рациональный человек, напротив, не приемлет ситуацию неопределенности, старается минимизировать эту неопределенность. И его показатели самоэффективности также могут быть высокими в силу того, что он применяет другие средства преодоления неопределенности, выражающиеся, в частности, в направленности на сбор информации.

2. Связи самоэффективности с ретроспективными самооценками

Полученные результаты позволяют нам принять также первую из наших гипотез – о связи самоэффективности с ретроспективными самооценками, причем сами виды РСО позволяют уточнить аспекты проявляемой при принятии решений саморегуляции. Связь самоэффективности с РСО *уверенности* (при выборе «для Себя») согласуется с интерпретацией, следующей теории А. Бандуры, которая подразумевает под самоэффективностью также веру (уверенность) в успех действий по достижению поставлен-

ных данным человеком целей. Связь самоэффективности с ретроспективной самооценкой (при выборе «для Себя») *умения понимать свои эмоции* показывает, что на уровне самосознания личности присутствует компонент осознания эмоций, как и ориентировка на межличностные отношения. И в задачи следующего исследования должен входить более подробный анализ связи самоэффективности и эмоционального интеллекта, пока представленный только в статье М.Ф. Новиковой и Т.В. Корниловой [13].

Установленная связь самоэффективности с РСО *критичности* при выборе «за Других» позволяет предположить, что человек, обладающий высоким уровнем уверенности в успехе собственных действий по достижению целей, находясь в ситуации выбора за другого, принимает решения с высоким уровнем анализа (с должной критикой рассматривает условия поставленной задачи). Вероятно, решение задачи «за Других» воспринималось студентами, как требующее большей критичности, более кропотливого анализа, чтобы быть уверенным в успехе своего выбора на том же уровне, что и в задачах «для Себя».

3. Связь ретроспективных оценок в ситуациях принятия решений «для Себя» и «для Других»

Наши данные свидетельствуют и в пользу третьей гипотезы – о различиях в значимых связях РСО «для Себя» и «для Других», что говорит о разнице в личностной регуляции, полагаемой для себя и для прогнозируемого решения другого человека.

Любопытно, что одни шкалы РСО в задачах «для Себя» сопутствуют (стоят в связях) не тем же, а другим шкалам

самооценок в задачах «для Других». РСО «для Себя» *эффективности действий* и РСО «для Себя» *уверенности*, за которыми прослеживаются процессуально выраженные аспекты самоэффективности, имеют значимые корреляции с такими РСО «для Других», как *уверенность*, *умение понимать свои эмоции*, *умение понимать других* и *ум*. Иными словами, мы можем предположить, что конструкт самоэффективности, учитывая диапазон шкал ретроспективного самооценивания прилагаемых для принятия решений усилий, интегрирует не только аспекты уверенности, но и проявления интеллекта, включая и эмоциональный интеллект.

Дополнительно скажем о РСО *ума*, поскольку для самооценок интеллекта в зарубежных и отечественных исследованиях накоплено много данных [13; 12]. РСО *ума* при решениях «для Себя» связана положительно с РСО «для Других». Вклад ума в процессы принятия решений оценивается испытуемым в задачах обоего типа согласовано. С какой бы позиции человеку не предлагалось сделать выбор, «за Себя» или «за Другого», если он применяет стратегию, задействующую интеллектуальный уровень в одном случае, он будет опираться тем больше на данный уровень и во втором случае. Наши данные выступают тем самым дополнительным аргументом в понимание репрезентативности самооценок ума для показателей интеллекта.

Следует отметить, что если ретроспективная самооценка проявленного *эмоционального интеллекта* «для Себя» положительно связана с проявлением *ума* при принятии решений «для Других», то самооценка *эмоцио-*

нального интеллекта при принятии решений «для Других» связана с самооценкой *уверенности* «для Себя». То есть чем выше студенты оценивали проявления эмоциональной составляющей в регуляции принятия своих решений, тем выше они оценивали проявляемый *ум* при принятии решения за другого человека. Но чем выше они оценивали проявление эмоционального интеллекта в решениях за другого человека, тем выше оценивалась ими своя уверенность при решении «за Себя». Таким образом, умение понимать свои эмоции и умение понимать других в позиции «Я – Другой» представлены различными динамическими связями.

Однако были и шкалы, которые отражали сходные процессы при принятии решений за себя и другого человека, т. е. это одни и те же переменные в обоих типах задач, которые согласуются между собой: *уверенность*, *ум*, *рискованность* действий. Чем более испытуемый себя оценивает в процессе решения как проявляющего *ум*, уверенность и рискованность в задачах «для Себя», тем выше его соответствующие ретроспективные самооценки в задачах «для Других». Кроме того, существуют 4 переменные РСО «для Себя» (*эффективность действий*, *уверенность*, *ум*, *умение понимать свои эмоции*), каждая из которых состоит в положительной связи с 4 РСО «для Других» (*уверенность*, *ум*, *умение понимать свои эмоции*, *умение понимать других*). Таким образом, мы можем предположить, что за этими измеряемыми переменными стоят процессы саморегуляции – при целеполагании и целедостижении, выступающие общими в регуляции решений «за Себя» и «за Других».

Выводы

1. В процессе принятия решений действительно включаются разные личностные усилия в зависимости от позиции «Я – Другой». Наибольший вклад личностных усилий в выбор является в задачах «для Себя».

2. Общая самооффективность связана с различными ретроспективными самооценками в зависимости от позиции личности: в задачах «для Себя», репрезентирующих собственно личностный выбор, это связано со шкалами умения понимать свои эмоции и уверенности, а в задачах «для Других» – с критичностью.

3. Гипотеза о связи самооффективности с такими свойствами личностной саморегуляции, как рациональность и готовность к риску, нашла поддержку в наших данных. Причем, поскольку между собой названные две шкалы связаны отрицательно, а обе связаны носят положительный характер, целостная интерпретация базируется на принятии положения о динамических регулятивных системах, в которых иерархично организуются процессы, стоящие за разными переменными. Самооффективность при этом полагается на более высокий уровень, интегрирующий разнонаправленные влияния ниже лежащих уровней личностных свойств.

4. Толерантность и интолерантность к неопределенности с самооффективностью не связаны. Но отрицательно связана самооффективность с межличностной интолерантностью, что косвенно свидетельствует о позитивной роли принятия неопределенности в межличностных отношениях для самооффективности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бандура А. Теория социального научения. – СПб., 2000. – 320 с.
2. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М., 1979. – 504 с.
3. Корнилова Т.В. Идеи активности познания в отечественной психологии мышления // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 4. – С. 61–72.
4. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 1. – С. 74–86.
5. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. – М., 2003. – 288 с.
6. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – №3. – С. 89–100.
7. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. – М., 2010. – 334 с.
8. Лекторский В.С. Эпистемология классическая и неклассическая. – 3 изд. – М., 2009. – 256 с.
9. Новикова М.А., Корнилова Т.В. Самооценка интеллекта в структурных связях с психометрическим интеллектом, личностными свойствами и академической успеваемостью [Электронный ресурс] // Психологические исследования [сайт]. – 2012. – Т. 5. № (23). – URL: <http://psystudy.ru/0421200116/0026> (дата обращения: 17.04.2014).
10. Ординова Е.В. ИмPLICITные теории риска в дихотомии Я – ОНИ // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту / Под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Носуленко, Е.С. Самойленко. – М., 2011. – С. 266–274.
11. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. –

1996. – № 7. – С. 71–77.
12. Furnham A., Rawles R. Correlations between self-estimated and psychometrically measured IQ // *Journal of Social Psychology*. – 1995. – V. 139. – P. 405-410.
13. Novikova M.F., Kornilova T.V. Self-Assessed Intelligence, Psychometric Intelligence, Personality, and Academic Achievement: Two Structural Models // In M. Gowda, A. Khanderia (Eds.), *Educational Achievement: Teaching Strategies, Psychological Factors and Economic Impact*. NY: Nova Science Publishers, Inc, – 2013. – P. 197–212.
14. Stone Eric R., Allgainer L. A Social Values Analysis of Self-Other Differences in Decision Making Involving Risk // *Basic and Applied Social Psychology*. – 2008. – V. 30. – P. 114–129.

Приложение

Примеры вербальных задач

1. Ваш лучший друг учится за границей. Он сообщает, что приедет в Ваш город всего на один день – приезжает в четверг утром, а в ночь на пятницу улетает обратно. Вы не виделись полгода, и друг предлагает встретиться. В пятницу утром у Вас сложный и важный экзамен. Как Вы поступите?

<i>Мое решение</i>

Вероятные решения

- ❖ Буду готовиться к экзамену – друг приезжает не в последний раз.
- ❖ Встречусь с другом. В конце концов, жизнь не сводится только к учебе.
- ❖ Постараюсь совместить встречу с другом и подготовку к экзамену.

2. Начало учебного года. Вам предстоит написание курсовой. Однако Вы чувствуете, что хотели бы сменить направление своих исследований, которыми занимались прошлые курсы. Вы понимаете, что заняться новой темой исследований будет трудоемко, у Вас нет четкого плана, есть только желание, но неизвестно, что из этого в целом может получиться. В старом же направлении у Вас есть уже наработки и материал, который можно выгодно описать и представить к защите. Как вы поступите?

<i>Решение «Другого» (большинства)</i>

Вероятные решения

- ❖ Оставлю прошлое направление исследований. Надежней делать то, что я уже знаю и понимаю. «На переправе коней не меняют».
- ❖ Пойду на риск и сменю область исследований. Если есть желание, то все получится.
- ❖ Посоветуюсь с научным руководителем.

РАЗДЕЛ II

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159

Жучкова С.М.

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ЖИЗНЬЮ В ПОЖИЛОМ И СТАРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованиям проблемы удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте. Определена связь удовлетворенности жизни со смысло-жизненными ориентациями, а также с особенностями функционирующих в мотивационно-личностной сфере ценностно-смысловыми образованиями. Особое внимание уделено изменениям в структуре удовлетворенности жизнью на различных стадиях старения личности. Установлено, что на удовлетворенность жизнью оказывают влияние такие факторы, как наличие семьи и работы и уровень образования.

Ключевые слова: пожилой возраст, старческий возраст, удовлетворенность жизнью, смысложизненные ориентации.

S. Zhuchkova

Russian State Social University, Moscow

THE RESEARCH OF INTERRELATION BETWEEN LIFE-MEANING ORIENTATIONS AND LIFE SATISFACTION AT ELDERLY AND SENILE AGES

Abstract. The article is dedicated to the research of the problem of life satisfaction at elderly and senile ages. The interrelation between life satisfaction and life-meaning orientations is indicated, as well as its interrelation with the particular aspects of value-purpose essences functioning in motivational sphere of a person. Special attention is paid to the changes in the structure of life satisfaction at different stages of a person's aging. It is determined that life satisfaction is affected by such factors as level of education and presence of family and work.

Key words: elderly age, senile age, life satisfaction, life-meaning orientations.

Актуальность исследования существующих проблем старения лич-

© Жучкова С.М., 2014.

ности, по мнению В.Э. Чудновского, обусловлена необходимостью научно-го осмысления феноменологии и вы-

явления взаимосвязи смысло-жизненных ориентаций и удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте. Концепция смысло-жизненных ориентаций создает возможность понять проблемы формирования целостной системы взглядов на цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией, представления об умении управлять жизнью и убеждением в возможности подобного контроля [10].

Наличие определенных связей смысло-жизненных образований и человеческого счастья отмечала Т.И. Шульга, утверждая, что «при состоянии абсолютной удовлетворенности жизнью, осуществлению своего человеческого назначения счастье отражает нахождение человеком своего смысла жизни» [11].

В этом аспекте направление научных изысканий приобретает особую значимость в контексте высказываний О.В. Красновой, утверждающей, что «фундаментальное знание социально-психологических механизмов становления и развития личности пожилого человека имеет важное практическое значение в системе подготовки специалистов, работающих с пожилыми людьми, создания достойных условий для автономной и независимой жизни и развития в этом периоде. Социальная практика работы с этой категорией, возникшая за последние 10–15 лет в нашей стране, настоятельно требует изучения личности пожилого человека как самостоятельного предмета социально-психологического исследования. Исследование личности пожилого человека имеет также важнейшее методологическое значение, основополагающие принципы которого долж-

ны раскрывать природу и механизмы взаимодействия стареющего человека и социальной общности» [3, с. 20].

Рассматриваемые вопросы одновременно актуализируют исследования, направленные на изучение особенностей психического старения, с целью создания оптимальных условий, повышающих качество жизни в позднем возрасте, имея в виду отмеченный во всем мире постоянный рост количества стареющих людей, обусловленный существующими демографическими изменениями.

При этом наибольший интерес представляют исследования, выполняемые в аспекте понятия Л.В. Куликова, утверждающего, что удовлетворенность жизнью является показателем, отражающим систему отношения личности к своей жизни, включающим принятие ее содержания, комфорт, состояние психологического благополучия [4].

Зарубежными психологами рассматриваются взаимосвязи психологического феномена удовлетворенности жизнью (понятия: «счастье», «психологическое благополучие», «эмоциональный комфорт») с социальным окружением и условиями проживания, здоровьем, религиозностью и другими факторами [2; 13]. В то время, как Charles с соавторами утверждает, что удовлетворенность жизнью в старости зависит от выбора приоритета в формировании главных целей в жизни, полагая, что уменьшения временной перспективы вызывает желание сохранить эмоциональное благополучие [12].

Е.В. Свердюк утверждая, что взаимосвязь смысла жизни и счастья обнаруживается в том, что наличие

определенного смысла жизни является условием счастья, а с другой стороны, стремление к счастью придает жизни определенный смысл, объектом своих исследований выбрал студентов, т. е. контингент молодого поколения [7]. В то время, как подобные исследования на выборке контингента пожилого и старческого возраста не осуществлялись.

Результаты обзора теоретических и эмпирических исследований свидетельствует, что на современном этапе имеется недостаточное количество исследовательских работ, посвященных изучению феномена удовлетворенности жизнью в позднем возрасте, а также недостаточно исследована взаимосвязь смысложизненных ориентаций и удовлетворенности жизнью.

В целях получения недостающей информации нами осуществлены исследования удовлетворенности жизнью людей пожилого и старческого возраста, характера связей между компонентами удовлетворенности жизнью и смысложизненными ориентациями с учетом возрастных этапов старения и половой принадлежности стареющего контингента.

В исследовании проверялось несколько предположений:

1. Взаимосвязи между уровнем удовлетворенности жизни и смысложизненными ориентациями по мере старения приобретают более выраженный характер.

2. Чем выше уровень удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте, тем выше показатели смысложизненных ориентаций и осмысленность жизни, тем менее выражен уровень дезинтеграции в ценностно-смысловой сфере лично-

сти. И наоборот, чем выше показатели смысложизненных ориентаций, выше осмысленность жизни и ниже уровень дезинтеграции в ценностно-смысловой сфере личности, тем выше уровень удовлетворенности жизнью.

3. Существуют факторы, способствующие сохранению удовлетворенности жизнью.

В исследовании принимали участие члены городского клуба общения людей позднего возраста «Ретро», а также сотрудники пенсионного возраста, работающие в научном учреждении.

Обследуемый контингент составлял 168 человек – женщины в возрасте от 55 до 90 лет и мужчины в возрасте от 60 до 90 лет. Группу 1 составили 103 испытуемых пожилого возраста, а группу 2 составили 65 испытуемых старческого возраста.

В исследовании использовались следующие психодиагностические методики:

1. Методика «Индекс жизненной удовлетворенности» (в адаптации Н.В. Панина) [6]; шкала субъективного благополучия (М.В. Соколова) [8], включающая в свою структуру шесть компонентов субъективного благополучия (напряженность и чувствительность, признаки психологической симптоматики, изменение настроения, значимость социального окружения, самооценка здоровья, степень удовлетворенности повседневной деятельности); шкала удовлетворенности условиями жизни и шкала удовлетворенности основными жизненными потребностями (О.С. Копина) [1].

2. Методика исследования смысложизненных ориентаций Д. Крамбо и Л. Махолика (в адаптации Д.А. Леонтьевым), включающая, наряду с общим

показателем осмысленности жизни, еще пять субшкал (цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь) [5].

3. Методика Е.Б. Фанталовой для выявления дезинтеграции в ценностно-смысловой сфере, внутренних конфликтов и вакуумов личности [9].

Учитывая психовозрастную специфику испытуемых (преклонный возраст), особенности проведения опроса заключались в персональных беседах.

Обработка статистических данных осуществлялась с применением критерия достоверности различий U – Манна-Уитни и критерия различия Крускала-Уоллиса, метода ранговой корреляции r – Спирмена. Расчеты производились в рамках программы «SPSS (версия 19.0)».

По результатам исследований установлено:

1. В группе респондентов пожилого и старческого возраста с высоким индексом жизненной удовлетворенности, по сравнению с респондентами с низким показателем жизненной удовлетворенности, статистически достоверно выше средние значения показателей по всем субшкалам смысло-жизненных ориентаций ($p = 0,000$) и ниже основные показатели конфликтности в ценностно-смысловой сфере ($p = 0,000$).

2. В группе респондентов пожилого и старческого возраста с высоким уровнем субъективного благополучия (низкие оценки) по сравнению с респондентами с низким уровнем субъективного комфорта (высокие оценки), статистически достоверно выше средние значения показателей

по всем субшкалам смысло-жизненных ориентаций ($p = 0,000$) и ниже основные показатели конфликтности в ценностно-смысловой сфере ($p = 0,000$).

Для установления взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и смысло-жизненными ориентациями в группах испытуемых пожилого и старческого возраста по результатам корреляционного анализа была установлена максимальная взаимосвязь основных показателей удовлетворенности жизнью со всеми показателями смысло-жизненных ориентаций в группах респондентов.

Выявленная прямая взаимосвязь показывает, что чем выше показатели по пяти субшкалам смысло-жизненных ориентаций и общему показателю «осмысленность жизни», тем выше показатели «индекс жизненной удовлетворенности», «удовлетворенность условиями жизни» и «удовлетворенность основными жизненными потребностями».

В то же время, чем выше показатели по пяти субшкалам смысло-жизненных ориентаций и общему показателю «осмысленность жизни», тем ниже показатели «напряженность и чувствительность», «психоэмоциональная симптоматика», «изменение настроения», «значимость социального окружения», «самооценка здоровья», «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» и «стены по шкале субъективного благополучия». Таким образом, чем сформированнее смысло-жизненные ориентации и осмысленнее жизнь в позднем возрасте, тем ниже уровень состояния напряженности и чувствительности, менее выражена психоэмоциональная симптоматика и нестабильность настро-

ения, меньше неудовлетворенность социальным окружением и неудовлетворенность здоровьем, менее выражен уровень эмоционального дискомфорта в целом.

В группе пожилого и старческого возраста были выявлены значимые взаимосвязи между показателем индекса удовлетворенности жизнью и уровнем образования в пожилой группе ($r = 0,202$) и в группе людей старческого возраста ($r = 0,234$). Максимальное количество взаимосвязей выявлено в группах испытуемых между всеми показателями удовлетворенности жизнью и наличием семьи и работы. Все корреляционные связи значимы на уровне $p \geq 0,01$.

Таким образом, установлено, что «индекс жизненной удовлетворенности» значимо выше у людей пожилого и старческого возраста с высшим образованием, а также уровень удовлетворенности жизнью значимо выше у тех людей, которые имеют семью и работу¹.

Смыслжизненные ценности пожилого и старческого возраста исследовались с помощью методики «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” (Ц–Д) в различных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталовой). Интегральный показатель индекса расхождения «Ц–Д» отражает степень расогласования, дезинтеграции в жизненно важной сфере, показывает уровень дискомфорта и свидетельствует о степени неудовлетворенности, блокады основных жизненных потребностей.

Глубокий внутриличностный конфликт возникает в том случае, когда ценность выше доступности. Обрат-

ное соотношение (доступность выше ценности) приведет к противоположному состоянию «внутриличностному вакууму», приводящему к снижению побуждений и внутренней опустошенности [9].

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что существует обратная взаимосвязь между уровнем дезинтеграции, показателями «внутриличностный конфликт» и «внутриличностный вакуум» и такими показателями, как «индекс ЖУ», «удовлетворенность условиями жизни», «удовлетворенность основными жизненными потребностями». Отмечена также прямая взаимосвязь показателей ценностно-смысловой сферы со «стенами по шкале субъективного благополучия» и ее шестью субшкалами.

В группе респондентов старческого возраста получены аналогичные результаты, подтверждающие значимые связи удовлетворенности жизнью с показателями ценностно-смысловой сферы: уменьшение показателей: «индекс жизненной удовлетворенности», «удовлетворенность условиями жизни» и «удовлетворенность основными жизненными потребностями» коррелирует с увеличением индекса расхождения «ценность – доступность», уровня внутриличностного конфликта и внутриличностного вакуума.

В то же время увеличение показателей: «напряженность и чувствительность», «психоэмоциональная симптоматика», «изменения настроения», «значимость социального окружения», «самооценка здоровья», «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» и «стены по шкале субъективного благополучия» коррелирует с увеличением индекса расхождения

¹ Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

Ц–Д (дезинтеграции), уровня внутриличностного конфликта и внутриличностного вакуума.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

- Существует устойчивая взаимосвязь удовлетворенности жизнью и смысложизненной сферы. Удовлетворенность жизнью в пожилом и старческом возрасте связана с характеристиками смысложизненных ориентаций и осмысленностью жизни. К характеристикам смысложизненных ориентаций относят: наличие целей в жизни (направленность на будущее), интерес и эмоциональная насыщенность жизни (направленность на процесс, настоящее), локус контроля – Я (веру в свои силы строить и контролировать события) и локус контроля – жизнь (убежденность в свободе принятия решений и управляемости жизнью).

- Существует устойчивая взаимосвязь удовлетворенности жизнью и особенностями ценностно-смысловой сферы. Удовлетворенность жизнью в пожилом и старческом возрасте обратно взаимосвязана с наличием внутриличностных конфликтов, внутриличностных вакуумов и уровнем дезинтеграции (степенью расхождения между ценностью и доступностью) личности.

Выявлена максимальная взаимосвязь основных показателей удовлетворенности жизнью со всеми показателями смысложизненных ориентаций в группах респондентов как пожилого, так и старческого возраста.

Установлено, что уровень удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте значимо выше у тех людей, которые имеет семью и работу. Показано, что «индекс жизненной

удовлетворенности» выше у людей пожилого и старческого возраста с высшим образованием, чем с начальным или средним.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О.С. Копин, Е.А. Сулова, Е.В. Заикин Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников / // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С. 119–133.
2. Крайг Г. [Craig G] Психология развития. – СПб., 2011 – 944 с.
3. Краснова О.В. Проблемы социальной психологии старения // Современная социальная психология: Теоретические подходы и прикладные исследования. – 2008. – № 1. – С. 19–31.
4. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://consult.ru/content/view/101/55> (дата обращения: 05.03.2010).
5. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М., 1992. – 16 с.
6. Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. – М., 1993. – С. 107–114.
7. Свездюк Е.В. Смысложизненные ориентации в контексте жизненного благополучия личности // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XVIII симпозиума 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pirao.ru/images/files/18simp/XVIII.pdf/>. (дата обращения: 03.04.2014)
8. Соколова, М.В. Шкала субъективного благополучия : руководство. – 2-е изд. – Ярославль, 1996. – 17 с.
9. Фанталова Е.Б. Психометрическое исследование показателей методики «Уровень соотношения» «ценности» и «доступности» // Журнал практикующего психолога. – 2010. – Вып. 17. – С. 175-201.
10. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Из-

- бренные труды. – (Серия «Психология России»). – М.; Воронеж, 2006. – 768 с.
11. Шульга Т.И. Представление о счастье у подростков как ценность осмысленной жизни // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XVIII симпозиума 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pirao.ru/images/files/18simp/XVIII.pdf/>. (дата обращения: 03.04.2014)
12. Charles C.T. Strength and vulnerability integration: a model of emotional well [text] – being across adulthood // Psychological Bullrtin. 2010. Voi. 136, № 6. P. 1068–1091.
13. Miquelon P, Vaierand R.J. Goal motives, well – being, and physical health: an integrative model [text] // Canadien psychology. 2008. Vol. 49, № 3. – P. 241–249.

УДК 159.9.075

Кыштымова И.М.*Иркутский государственный университет***ПСИХОСЕМАНТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В РЕКЛАМЕ
(НА ПРИМЕРЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ)**

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования психосемантики прецедентных текстов: музыки П.И. Чайковского из балета «Щелкунчик» («Танец феи Драже»), хореографического фрагмента из этого балета, а также рекламных роликов, использующих данный музыкальный отрывок. Гипотетическим предположением, верификация которого проводилась в процессе исследования, явилось суждение о том, что восприятие телевизионной рекламы, использующей прецедентный музыкальный текст, определяется степенью семантической близости исходных сообщений (визуального и аудиального). Показано, что эффективность производного рекламного текста связана со смысловой согласованностью включенных в него исходных музыкального, языкового и визуального текстов.

Ключевые слова: прецедентный текст, рекламный ролик, полимодальный текст, семантический дифференциал, факторный анализ

I. Kyshtymova*Irkutsk State University***PSYCHOSEMANTICS PARADIGMATIC TEXTS IN ADVERTISING
(BASED ON CLASSICAL MUSIC)**

Abstract. The article presents the results of the comparative study of psychosemantic of precedent-related texts: Chaikosky's music from the ballet «The Nutcracker» (the dance of fairy Dragée), a choreographic fragment from the ballet, as well as commercials which use the mentioned musical fragment. The hypothesis, verified in the process of research, was that it was supposed that the perception of the television advertising which use a precedent-related musical text is determined by the degree of semantic affinity of the initial messages (visual and audio). It is shown that the effectiveness of an advertising text is connected with the semantic co-ordination of musical, linguistic and visual texts.

Key words: paradigmatic text, commercial, poly-modal text, semantic differential, factorial analysis.

Моделирование процессов массовых коммуникаций, роль которых неуклонно возрастает, с неизбежностью предполагает применение средств психологического воздействия. Психологическое знание, таким образом, становится основой, обеспечивающей

коммуникативную эффективность реализуемых на телевидении, радио, в рекламе и интернете технологий. При этом вопрос о продуктивности использования психологических представлений, являющихся основой коммуникативных практик, сегодня является дискуссионным: так, согласно В.М. Ро-

зину, лишь треть практических действий, основанных на психологических знаниях, верна [6], а А.В. Юревич замечает, что психология не оправдывает возлагаемых на нее массовым сознанием ожиданий [6]. Эта проблема связана с распространенностью в среде практических коммуникаторов недостоверных психологических представлений, применением неverified положений, с недостатком строгих исследований психологической эффективности используемых в процессе коммуникации средств воздействия. Изучение условий, обеспечивающих эффективность коммуникативных процессов, представляется в этих обстоятельствах актуальной психологической задачей.

Одним из получивших широкое распространение средств воздействия на получателей сообщений в процессе массовых коммуникаций, в частности, в рекламе, является использование прецедентных (классических, хрестоматийных) текстов. Утилитарно-прагматическая цель рекламного сообщения – актуализировать потребительскую мотивацию – вступает в противоречие со смысловой глубиной прецедентных текстов, и вопрос о степени трансформации исходных сообщений – рекламного и прецедентного – остается открытым, как и вопрос об особенностях влияния производного текста на потребителя.

Объектом исследования, представленного в данной работе, является прецедентный музыкальный текст в рекламном сообщении. Музыкальные произведения часто используются с целью эмоционализации рекламы, причем ее авторы исходят из положения о том, что характерная для музыки

сила эмоционального воздействия может явиться важным фактором активизации потребительской мотивации.

Особенностью прецедентных музыкальных текстов является константность их семантики, сложившейся в процессе долговременной культурной фильтрации. Понимание своеобразия семантики музыкального текста важно для моделирования рекламы, являющейся сложным системным образованием, потому что от характера связи музыкальных знаков с иными (визуальными и вербальными), используемыми в рекламном сообщении, от степени их семантической близости будут зависеть свойства рекламы как производного текста и ее психологическая эффективность, определяемая как характером активизации потребительской мотивации, так и уровнем психологической безопасности информационного сообщения.

Для понимания механизмов системной взаимосвязи музыкальных образов, транслируемых в рекламе, с ее визуальными образами, следует учитывать полимодальный характер восприятия музыки: звуковой образ моделирует определенную эмоцию, которая может сопровождаться визуальным ассоциативным рядом. Таким образом, «согласование» образных рядов в рекламе осложняется наличием внутреннего визуального образа, являющегося системным компонентом музыкального, и он должен быть согласован с внешним визуальным образом рекламного текста: телевизионного или печатного.

Анализируя роль музыки в рекламе, А.В. Крылова замечает, что тексты, созданные в профессиональной музыкальной композиторской тра-

диции, относятся к области высокого искусства и ассоциируются с респектабельностью и представительностью [1], а согласно тенденции, сложившейся в современной рекламе, – транслировать престижные образы, что обусловлено методологической ориентацией на социальное сравнение как основу рекламных коммуникаций [2], включение в рекламу прецедентного музыкального текста позволит на бессознательно-эмоциональном уровне обусловить восприятие рекламируемого продукта как обладающего престижностью. Основанием для использования классической музыки в рекламе является и суждение о том, что смысловые характеристики музыки, использованной как фон для визуальных рекламных образов, переносятся на рекламируемый продукт, причем товар, который рекламируется под музыку, вызывающую положительные эмоции, начинает восприниматься как желанный и наоборот.

Целесообразность использования классической музыки в рекламных роликах обсуждается сегодня не только профессионалами. Участники Интернет-форумов активно дискутируют этот вопрос: «Искусство и реклама – близнецы и братья. Вектор развития направлен именно в эту сторону»; «кроме пользы использования классики в рекламе, никакого вреда»; «классическая музыка в рекламе – практически беспроигрышный ход» [5; 6]. Автор подборок рекламных роликов в сети Интернет, содержащих в своей основе классическую музыку, отмечает, что, апеллируя к классике, реклама стремится соотнести рекламируемый продукт «с чем-то более устойчивым, надежным, проверенным опытом по-

колений» [3]. Один из Интернет-ресурсов о рекламе в своем креативном обзоре также указывает на важность использования классической музыки, придающей роликам особый стиль, «величие и спокойствие» [5].

С другой стороны, интернет-аудитория отстаивает точку зрения о музыке как высоком искусстве, страдающем от неадекватности восприятия зрителями ввиду влияния рекламного видеоряда: «Использовать классику в рекламе – это все равно что в храме рисовать фломастером на иконах!»; «едва ли теперь у этих людей в сознании разорвется связь мелодии песенки Герцога [опера Верди «Риголетто» – И.К.] с пастой «Санино» [рекламируемый продукт – И.К.] и восприятие музыки когда-нибудь станет адекватным. Поэтому использование классики в рекламе – дело вредное для восприятия музыки» [5].

Обсуждаемая проблема является общественно значимой, и авторам предъявляемых миллионной аудитории рекламных текстов следует понимать закономерности сочетания соединяемых ими в один рекламный ролик разномодальных исходных текстов для обеспечения его психологической эффективности.

В процессе исследования, в котором принимала активное участие студентка факультета сервиса рекламы ИГУ Г.В. Ерлыкова, выявлялась семантика восприятия классической музыки и телевизионных рекламных роликов испытуемыми в возрасте от 16 до 23 лет – студентами Иркутского государственного педагогического колледжа. Общее количество респондентов составило 90 человек, из них 82 девушки и 8 юношей.

На предварительном этапе исследования выявлялись особенности отношения молодежи к использованию фрагментов классических музыкальных композиций в коммерческой рекламе товаров и услуг. На вопрос: «Как вы относитесь к классической музыке?» – 73% респондентов ответили положительно, 26% опрошенных остались равнодушными, и лишь 1 человек заявил о своем негативном отношении. Вариант ответа «я ее совсем не знаю» не был отмечен ни в одном из бланков. На вопрос: «Как Вы относитесь к использованию фрагментов классической музыки в коммерческой рекламе товаров или услуг?» – 49% ответили положительно, 46% – равнодушны и 5% дали отрицательный ответ.

В ходе исследования выявлен невысокий уровень осведомленности респондентов о русском музыкальном искусстве XIX века. Узнали прозвучавший фрагмент «Щелкунчика» 46% испытуемых, и только 42% из них смогли указать фамилию композитора. С другой стороны, 87% участников исследования на вопрос: «Слышали ли вы данный музыкальный отрывок ранее?» – дали утвердительные ответы, из них 64% указали источник получения информации – телевизионные рекламные ролики.

Основным гипотетическим предположением, верификация которого проводилась в процессе исследования, явилось суждение о том, что восприятие телевизионной рекламы, использующей прецедентный музыкальный текст, определяется степенью семантической близости исходных – визуального и аудиального – сообщений.

В процессе мониторинга предновогоднего телевизионного эфира (декабрь 2010 г.) основных федеральных

каналов (Первый канал, Россия 1, Россия 2, НТВ) был выявлен наиболее часто используемый в рекламе фрагмент классического музыкального текста – «Танец феи Драже» из балета Петра Ильича Чайковского «Щелкунчик». Так, эта музыка звучала в рекламе шоколадных конфет MM&S продовольственной компании Mars (США), корма для кошек Whiskas компании Incorporated (США), в рекламе МТС телекоммуникационного оператора ОАО «Мобильные ТелеСистемы» (РФ); магазина детских товаров сети детских магазинов ОАО «Детский Мир-Центр» (РФ). В качестве стимульного материала для исследования использованы ролики «Счастливого Нового года» (MM&S), «Снег» (Whiskas), «Безлимит за два рубля» (МТС) и «О чем мечтают ваши дети?» (Детский мир).

Для сравнения особенностей восприятия полимодальных текстов с классическим и рекламным визуальными рядами при условии их единого музыкального сопровождения исследовалась также семантика отрывка «Танца феи Драже» из балета «Щелкунчик» в постановке Мариинского театра (хореография Кирилла Симонова, либретто Мариуса Петипа в редакции Михаила Шемякина, исполнение солистки балета Ирины Голуб) и музыкальный стимул – вариация II (фрагмент: 20 тактов) из балета-феерии Петра Ильича Чайковского «Щелкунчик» в двух действиях, трех картинах, сочинение 71 (оркестр Мариинского театра, дирижер Валерий Гергиев).

Таким образом, музыкальная составляющая семантики рекламных роликов была единой (музыка П.И. Чайковского), визуальная и вербальная составляющие различались (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика стимульных рекламных роликов

Визуальный ряд	Вербальный ряд (диалоги, текст диктора)
1. «Счастливого Нового года!» (15 сек.)	
В полумраке освещенной гирляндами комнаты по направлению к украшенной новогодней ели движутся две фигуры шоколадных конфет: Красный и Желтый. У Красного в руках зажженная свеча, у Желтого – стеклянная чаша, наполненная шоколадными конфетами «ММ&S».	Желтый Красному: – Как ты думаешь, Деду Морозу понравятся наши подарки? Красный: – Я знаю!? Я его не встречал!
Увлеченные разговором герои не замечают присутствия в комнате Санта Клауса. Обнаружив друг друга, персонажи пугаются.	Красный: – Ай, он настоящий! Санта Клаус: – Они настоящие...
Санта Клаус и Красный лишаются чувств.	
	Желтый вопросительно: – Э-э-э, дедушка!?
Герои сохраняют неподвижное положение. В верхней части экрана демонстрируются две пачки конфет «ММ&S» и надпись «Счастливого Нового Года!»	
2. «Снег» (30 сек.)	
Вид из окна дома на белоснежный зимний двор. Хозяйка стирает с запотевшего стекла капельки воды и наблюдает за своим любимцем (серый в темную полоску кот). Во дворе. Хвостатый персонаж, в свою очередь, с любопытством изучает пушистые сугробы и заснеженные предметы: резной стул, стол, детские сани, разглядывает живописные ветви деревьев и прозрачные, сосульки, замуривается от неожиданно свалившегося на его голову колючего снега.	Мужской голос за кадром: «Новый год – это всегда предвкушение и радостное ожидание праздника: вкусные угощения, нарядные украшения и сюрпризы...»
В доме. Крупным планом демонстрируется упаковка «Whiskas» в руках хозяйки, приглашающей кота пообедать, процесс наполнения кормом чашечки для приема пищи и непосредственная кошачья трапеза.	Мужской голос за кадром: «Новый “Whiskas. Жюльен с курицей в сырном соусе”...»
Демонстрация кота на коленях ласкающей его хозяйки.	Мужской голос за кадром: «...вкусный новогодний сюрприз!»
Заставка: фирменная эмблема, логотип, слоган	Мужской голос за кадром: «Ваша киска купила бы Whiskas»
3. «Безлимит за два рубля» (30 сек.)	
Новогодняя ночь. В празднично украшенный дом входят гости, усаживаются за накрытый стол и хвалят хозяйку за приготовленное блюдо. А в это время босоногий, одетый в пижаму мальчуган с очками на носу на цыпочках выбирается из своей комнаты в холл в поисках мобильных телефонов. Он кладет одну трубку под новогоднюю ель в большой комнате с роялем, а вторую – забирает в свою комнату.	Детский голос за кадром: – Хочу услышать, когда придет Дед Мороз...

В ожидании Деда Мороза в большой комнате малыш борется со сном: играет плюшевым медведем, запускает игрушечный паровозик, разглядывает в детский телескоп звездное небо...	Детский голос за кадром: – Ну, где же он?
В большой комнате появляется Дед Мороз с красным мешком за спиной, проходит к елке, ударяясь боком о роуль.	Мужской голос диктора за кадром: «Теперь можно не класть трубку хоть двадцать четыре часа в сутки с новой опцией от МТС “Безлимит за два рубля”».
Заставка: фирменная эмблема, логотип, слоган в правой части экрана. В левой – уснувший от утомительного ожидания ребенок.	Мужской голос диктора за кадром: «МТС. На шаг впереди».
Дед Мороз крупным планом в оставленную под елью трубку:	– Алло?
4. «О чем мечтают ваши дети?» (15 сек.)	
На экране крупным планом демонстрируется золотой шар, на котором изображены фирменная эмблема и логотип сети магазинов «Детский мир».	Женский голос диктора за кадром: «О чем мечтают ваши дети?»
В новогоднюю коробку с подарками заглядывает героиня телевизионного фильма «Щелкунчик и крысиный король 3D» Мария (вид из коробки).	Мужской голос диктора за кадром: «Вау-ля!»
Демонстрация поочередно вылетающих пластиковых карт-сертификатов с номинальной стоимостью «100 рублей», «300 рублей», «500 рублей», «4000 рублей».	Женский голос за кадром: «В магазинах “Детский мир” мечты сбываются! Покупайте подарки в “Детском мире” и получите шанс выиграть до четырех тысяч рублей».
Заставка с эмблемой, логотипом и условиями проведения лотереи на светлом фоне.	Женский голос за кадром: «“Детский мир”. А еще сюрприз от Щелкунчика каждому, кто угадает секретный пароль».

Различия во временной протяженности рекламных роликов, музыкального фрагмента и отрывка из балета «Щелкунчик» (от 6 до 20 музыкальных тактов), темповых и инструментальных отступлений от оригинального симфонического исполнения в рамках данного исследования не принимались во внимание, так как основная музыкальная тема произведения прослеживается во всех рассмотренных вариантах.

Основным методом исследования явился семантический дифференциал, классический 25-шкальный вариант которого был расширен за счет дополнительных шкал: «обаятельный – непривлекательный», «безответственный – добросовестный»,

«упрямый – уступчивый», «замкнутый – открытый», «справедливый – несправедливый», «уверенный – неуверенный», «честный – неискренний», «завершенный – неоконченный», «глубокий – поверхностный», «яркий – тусклый», «рациональный – эмоциональный». Выбор определялся предположительной связанностью признака с классической музыки либо рекламой.

Анализ диагностических данных с помощью коэффициента Краскала-Уоллеса показал, что оценка шести использованных стимулов статистически значимо различается по всем шкалам семантического дифференциала ($p \leq 0,05$), кроме шкалы «упрямый – уступчивый» ($p = 0,322$). Различия в

восприятию рекламных сообщений и музыкального текста варьировались от достоверности различий значений 23 шкал из 36 (при сравнении семантики музыки и рекламы «Безлимит за два рубля») до 15 шкал (при сравнении музыки и ролика «Счастливого Нового года» и «О чем мечтают ваши дети?»).

Минимальны различия в семантике музыкального стимула и балетного: достоверные различия выявлены лишь в значениях 9 шкал. Оценка достоверности различий с помощью критерия Манна-Уитни показала, что музыкальный текст воспринимается как более «легкий» ($p = 0,025$), «радостный» ($p = 0,032$), «слабый» ($p = 0,021$), «активный» ($p = 0,000$), «быстрый» ($p = 0,000$), «обаятельный» ($p = 0,008$), «добросовестный» ($p = 0,013$), «открытый» ($p = 0,046$) и «уверенный» ($p = 0,005$), чем отрывок из балета. Трансформации значений стимула по 27 шкалам не произошло – таким образом, балетная постановка в основном сохраняет семантику исходного музыкального текста.

В отличие от балетного, рекламный текст характеризуется значительными семантическими различиями с музыкальным. Трансформации подверглась семантика 34 шкал из 36. Сохранилась тенденция оценивать музыку как более радостную и быструю, выявленная при сравнении музыкального и балетного текстов. Причем это различие проявилось при сравнении с музыкой всех четырех стимульных рекламных роликов.

Музыка, по оценкам испытуемых, более легка, чем «Безлимит за два рубля»; более активная, чем «Счастливого Нового года» и «Безлимит за два рубля»; более открытая, чем «Безлимит

за два рубля» и более слаба, чем «Снег» и «О чем мечтают ваши дети?». В отличие от музыки и балета, все рекламные тексты более «сложные» и «острые». Интересно, что респонденты надеются музыку более рациональными характеристиками, а рекламу, наоборот, эмоциональными – такие достоверно значимые различия выявлены при сравнении семантики музыки и рекламных текстов «Счастливого Нового года» и «О чем мечтают ваши дети?».

Семантика визуального и вербального компонентов рекламного текста оказывает значительное влияние на оценку рекламного ролика. Причем различие доминантных смысловых установок музыкального текста и рекламы: духовных и утилитарных – приводит к трансформации семантики прецедентного текста в рекламном. Так, музыкальный текст оценивается как более маленький, простой и мелкий, чем рекламные сообщения.

Анализ семантики музыкального отрывка и роликов «Счастливого Нового года» и «Снег» показал, что по шкале «хороший – плохой» ролики получили достоверно более положительную оценку ($p = 0,033$ и $p = 0,000$). Это объясняется наличием в них персонажей, связанных с архетипом «дитя» – котенка, детских игрушек и подарков. Воздействием образа котенка и ласкающей его хозяйки объясняется и более высокая оценка ролика «Снег» по шкале «родной» ($p = 0,003$) и «мягкий» ($p = 0,017$). Интересно, что по шкале «умный – глупый» статистически значимые различия обнаружены между музыкальным текстом и тремя рекламными роликами: «Счастливого Нового года!» ($p = 0,018$), «Снег»

(0,001) и «О чем мечтают ваши дети?» ($p = 0,008$). Причем рекламные ролики оценены как более «умные», чем прецедентный текст. Пошкальный анализ, таким образом, позволяет заключить, что смыслы классической музыки не переносятся на производный текст непосредственно, а, включаясь в более сложную полимодальную текстовую систему, наделяют ее дополнительными свойствами, обусловленными спецификой сочетаемости системных компонентов.

Для обработки диагностических данных использовалась процедура факторного анализа (ФА), которому подверглись показатели семантической оценки шести полимодальных текстов: музыкального, балетного текстов и четырех рекламных роликов. Факторный анализ осуществлялся методом максимального правдоподобия. Вращение факторов производилось методом варимакс. Для оценки надежности вычисления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа использовался тест Кайзера-Мейера-Олкина (КМО), значение которого составило 0,861, что свидетельствует о возможности проведения дальнейшего качественного анализа.

В результате ФА получены 5 факторов, описывающих 58,593% дисперсии: «фактор эмоциональной близости», куда вошли шкалы «дорогой – дешевый», «родной – чужой», «любимый – ненавистный», «гладкий – шершавый», «свежий – гнилой», «мягкий – твердый», «противный – приятный»; «фактор жизнерадостности» («радостный – печальный», «активный – пассивный», «легкий – тяжелый», «простой – сложный», «яркий – тусклый», «тем-

ный – светлый»); «фактор ума» («умный – глупый», «слабый – сильный», «острый – тупой», «завершенный – неоконченный», «безответственный – добросовестный»); «фактор темперамента» («упрямый – уступчивый», «горячий – холодный»); «фактор порядка» («хаотичный – упорядоченный», «быстрый – медленный»).

Достоверность различий в восприятии шести стимулов по четырем выделенным факторам определена с помощью теста Краскала-Уоллиса. Причем наибольшие факторные нагрузки получили прецедентные тексты: музыкальный и балетный. По факторам «эмоциональной близости», «ума» и «порядка» наибольшие значения у балетного стимула (0,319; 0,772 и 0,619), а по факторам «жизнерадостности» и «темперамента» (0,777 и 0,571) – у музыкального. Таким образом, обнаружено, что семантика прецедентных текстов более гармонична, чем рекламных, их восприятие характеризуется большей цельностью и смысловой стабильностью. В балетном полимодальном тексте визуальная составляющая наиболее согласована с музыкальной, что обуславливает самые позитивные семантические оценки этого стимула.

Оценка рекламных стимулов менее согласована, о чем свидетельствует разброс шкальных значений и меньшие факторные нагрузки. Это объясняется стилевой и смысловой разнородностью образов в полимодальных текстах. При этом визуальная и вербальная составляющая являются определяющими для общей оценки рекламы. Наиболее позитивные оценки получил рекламный ролик корма Whiskas. Трогательный образ котенка и его заботливой хозяйки архетипи-

чен и апеллирует к глубинным бессознательным содержаниям и значимым человеческим ценностям. Он в большей степени, нежели образы других исследуемых роликов, согласован с семантикой использованного в ролике музыкального текста. Прагматический пласт семантики ролика завуалирован трансляцией неутилитарных ценностей – любви и заботы. Заметим, что полученные результаты согласуются с комментариями пользователей Интернет-сайтов: «Такая удачная реклама, очень красиво, и котик милый», «всегда, когда смотрю, так умиляюсь! КРАСОТА!», «прикольная реклама, самая красивая и сказочная!» [4].

Наиболее слабым, согласно полученным данным, оказался ролик «О чем мечтают ваши дети?». При этом качественный анализ показывает ценностную разнородность соединенных в ролике образов: музыкального, вербального и визуального. Образ мечты, о которой говорится в рекламе, и образы с демонстрируемых пластиковых карт – сертификатов на суммы от 100 до 4000 рублей – соединены искусственной смысловой связью, и утилитаризм становится доминантной характеристикой этого рекламного текста. Конечно, в противоречие с такой семантикой вступает и использованный музыкальный текст П.И. Чайковского. Эта семантическая несогласованность обусловила низкие оценки ролика испытуемыми.

Исследование показало, что танцевальный фрагмент из балета воспринимается всеми испытуемыми как самый выразительный. При его оценке актуализировался ряд характеристик, внесенных в бланки семантического дифференциала в качестве дополни-

тельных: уверенный (-1,57), добросовестный (1,33), справедливый (-1,06), честный (-1,43). Отметим, что все они принадлежат к числу оппозиционных, то есть не характерных для рекламы в представлении потребителей. Мы полагаем, что таким образом проявляется нравственно-духовный компонент воздействия классической музыки, теряющей свои неутилитарные свойства в случае наложения на нее рекламного визуального ряда.

Восприятие танцевального фрагмента из балета существенно отличается от восприятия прочих стимулов. Оно более сложное и многоплановое, при этом в большей степени гармоничное. Балетный фрагмент обладает более согласованной семантической структурой и способен оказывать создающее, гармонизирующее воздействие на зрителя. Это предположение представляется закономерным, но требует тщательной эмпирической проверки и может стать основой для самостоятельного психологического исследования.

В ходе исследования были обнаружены статистические различия семантики музыкального текста, балета и телевизионных рекламных роликов в зависимости от специальности испытуемого. Сравнивались показатели семантической оценки стимулов студентами математического, гуманитарного и художественного отделений. Статистическая значимость различий в восприятии исследуемых стимулов по групповой переменной «специальность (профессия)» сохраняется по следующим шкалам семантического дифференциала: «слабый – сильный» ($\chi^2 = 16,317$ при $p = 0,000$), «большой – маленький» ($\chi^2 = 11,333$ при $p =$

0,003), «горячий – холодный» ($\chi^2 = 13,237$ при $p = 0,001$), «родной – чужой» ($\chi^2 = 19,617$ при $p = 0,000$), «дорогой – дешевый» ($\chi^2 = 11,378$ при $p = 0,003$), «любимый – ненавистный» ($\chi^2 = 10,347$ при $p = 0,006$), «свежий – гнилой» ($\chi^2 = 30,458$ при $p = 0,000$), «глупый – умный» ($\chi^2 = 9,841$ при $p = 0,007$), «острый – тупой» ($\chi^2 = 21,714$ при $p = 0,000$), «чистый – грязный» ($\chi^2 = 15,149$ при $p = 0,001$), «безответственный – добросовестный» ($\chi^2 = 11,482$ при $p = 0,003$), «справедливый – несправедливый» ($\chi^2 = 13,264$ при $p = 0,001$), «уверенный – неуверенный» ($\chi^2 = 21,481$ при $p = 0,000$), «честный – неискренний» ($\chi^2 = 14,025$ при $p = 0,001$). Выявлены также различия между сравниваемыми группами по факторам эмоциональной близости ($\chi^2 = 9,931$ при $p = 0,007$), ума ($\chi^2 = 23,843$ при $p = 0,000$), темпераментности ($\chi^2 = 8,648$ при $p = 0,013$) и порядка ($\chi^2 = 9,257$ при $p = 0,010$).

Выявлено, что студенты математического отделения дают менее дифференцированную семантическую оценку музыки, балета и телевизионной рекламы в сопровождении классического текста, чем обучающиеся на гуманитарном и художественного отделениях училища. Студенты гуманитарного профиля склонны оценивать рекламные сообщения с классической музыкой как «горячие». Гуманитарии и студенты художественного отделения воспринимают телевизионные рекламные сообщения с классическим музыкальным сопровождением как «сильные», «родные», «дорогие», «любимые», «свежие», «добросовестные», «справедливые», «уверенные» и «честные».

В процессе исследования не нашло подтверждения гипотетическое пред-

положение о зависимости восприятия музыки, балета и телевизионных рекламных роликов в сопровождении классического музыкального текста от музыкальных опыта и образования испытуемых: только по двум из 36 шкалам «горячий – холодный» и «дорогой – дешевый» обнаружена статистическая значимость различий семантической оценки стимулов группами испытуемых, дифференцированными по признаку музыкального опыта (слушают классическую музыку) и образования (учились в музыкальной школе). Ни по одному из пяти факторов различий в восприятии не выявлено.

Предположение о зависимости семантической оценки прецедентных текстов и рекламных роликов с классической музыкой от музыкального образования родителей подтвердилось частично. Так, обнаружено, что студенты, у которых родители имеют музыкальное образование, оценивают стимульные тексты как более сложные, чем испытуемые, родители которых музыкально не подготовлены ($p = 0,007$). Выявлена также значимая разница между этими группами по значению «фактора порядка» ($p = 0,008$) – у респондентов из музыкально образованных семей факторная нагрузка выше. Возможно, это связано с более интенсивными процессами инкультурации-интериоризации культурных ценностей в музыкально образованных семьях: культурно насыщенная среда создает благоприятный контекст для развития восприимчивости к смыслам прецедентных текстов.

Исследование показало, что прагматическая цель рекламного ролика

– актуализировать покупательскую мотивацию – не всегда может быть решена с помощью привлечения прецедентных текстов, обладающих в целом высокими семантическими оценками. Свойства классических произведений не переносятся механически на производный рекламный текст, а становятся его системным компонентом, усиливающим характеристики системы, только в случае смыслового согласования музыкального, языкового и визуального компонентов.

Обладающим наиболее сильным эмоциональным воздействием явилось рекламное сообщение «Снег». Данный ролик вызывает сильные положительные эмоции, что может повлечь за собой и экономическую эффективность рекламного продукта. Причиной успеха рекламного ролика корма Whiskas является более точное, в сравнении с прочими рекламными стимулами, семантическое совпадение его визуального и музыкального ряда, что подтверждается такими описательными характеристиками, как самый «приятный», «расслабленный», «родной», «мягкий», «дорогой», «добрый», «любимый», «свежий», «чистый», «обаятельный», «легкий», «радостный», «хороший», «светлый», «упорядоченный» и «завершенный».

Установлено существенное отличие в восприятии стимула с классическим музыкальным рядом от стимула с рекламным рядом. Восприятие балетного фрагмента в сопровождении

исследуемого музыкального текста оказалось более сложным, но при этом гармоничным и близким восприятию музыки. Балетный фрагмент, соединяя классические музыку и танец, обладает более согласованной семантической структурой и, как следствие, способен оказывать созидающее, гармоничное воздействие на зрителя.

Показана необходимость смыслового и стилистического согласования разномодальных компонентов рекламных текстов, причем следует учитывать доминантность прецедентных текстов, поскольку, как выявлено в процессе исследования, их семантика более согласована и устойчива, а следовательно, должна рассматриваться как системообразующая.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Крылова А.В. Звук в рекламе. – Ростов-на-Дону., 2008. – 320 с.
2. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. – СПб., 2004. – 368 с.
3. Громадин В. Классика в рекламе [Электронный ресурс]. URL: <http://gromadin.com> (дата обращения: 10.05.2013)
4. AdMe. Сайт о творчестве [Электронный ресурс]. URL: www.adme.ru (дата обращения: 10.05.13)
5. ForumKlassika.ru [Электронный ресурс]. URL: www.forumklassika.ru (дата обращения: 10.05.2013)
6. UnivrTV.ru – образовательный видеопортал [Электронный ресурс] // Методологический семинар института психологии РАН [сайт]. URL: <http://www.univrtv.ru> (дата обращения: 15.12.2013).

УДК 2:172.3;2:159.9

Соколовская И.Э.*Московский педагогический государственный университет***ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ**

Аннотация. Религиозность как система коллективных представлений об устройстве мира со времени своего происхождения несла адаптивную функцию и придавала существованию определенный свыше смысл. Насколько помогает или мешает религиозное сознание адаптироваться в современном обществе? Как влияет религиозность на характер и личность современного молодого человека: насколько эти влияния конструктивны или деструктивны? На основе большого экспериментального материала и на примере христианской конфессии автор дает ответы на эти вопросы.

Ключевые слова: религиозность, религиозное сознание, верующая молодежь, адаптивность.

I. Sokolovsky*Moscow State Pedagogical University***THE PHENOMENON OF RELIGIOSNESS
IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL THEORIES**

Abstract. Since the time religiousness first appeared it fulfilled adaptive function as a system of collective representations about the way the world is organized. Besides, it gave certain sense to existence. How much does religious consciousness help or prevent from adapting to modern society? What is the impact of religiousness on the character and personality of the modern young people: to what degree are these impacts constructive or destructive? On the basis of a great number of experimental data and on the example of Christian denominations the author gives the answers to these questions.

Key words: religion, religious conscience, believing youth, adaptability.

В эпоху перемен затруднена адаптация личности, ценностные ориентиры размыты, а необходимая русскому человеку сверхидея отсутствует. Утрата современным человеком опыта религиозных переживаний, мирозерцания в большой степени снижает его психическую толерантность. Каждый сознает, что самое главное в человеке – то, что нельзя увидеть глазами, потрогать руками, нельзя взвесить и измерить – это наши чувства, наши мысли,

© Соколовская И.Э., 2014.

наша совесть. Каждый человек в глубине души тянется к чему-то прекрасному, совершенному, перед чем можно преклониться. Как свойственно людям дышать, мыслить, чувствовать, так свойственно искать и верить в идеал, потому повышается роль стабильного института – церкви, которая в массовом сознании является носителем духовных и нравственных ориентиров.

Кроме того, в современный период в результате усиления миграционных процессов и наводнения России но-

сителями чуждой культуры возникает стремление к объединению под эгидой чего-то общего для всех, архаичного, родового. Русская Православная Церковь лучше всего отвечает данному требованию. Повсеместно наблюдается возросший интерес к религии в обществе, особенно у молодежи, что вызывает необходимость психологического анализа данного явления. Что лежит в основе актуализации религиозного сознания: смена ценностных ориентаций, пропаганда, мода или неуверенность в будущем? Что первично: ценностные ориентации, которые приводят к религии, или, наоборот, религия формирует ценностные ориентации молодежи, давая предписания и советы для повседневной жизни?

Обретение личностью нового качества, в данном случае, религиозного сознания, осознание себя верующим человеком – эти механизмы также представляют проблему для социально-психологического знания. Процессы идентификации и становление религиозной идентичности, их сильные и слабые стороны не раскрыты и представляют научный интерес. Одной из задач настоящего исследования является рассмотрение влияния религии, в частности православия, на личность современного человека и попытка воссоздания целостного образа религиозного человека на примере современной молодежи.

Существует и социальный запрос необходимости изучения религиозного сознания современной молодежи: необходимо выявить, насколько религиозная идентичность согласуется с нормами социальной жизни, каковы различия между религиозной и нерелигиозной личностью, в данном

случае молодого человека, который определит завтрашний день нашей страны? За последние два десятилетия наше общество претерпело сложные и противоречивые социально-психологические изменения. Масштабность и радикальность перемен, полярированность в смене многих установок, стереотипов и ценностей на фоне современной урбанизации, информационной перегруженности и разочаровании в своих социальных ожиданиях основной массы населения ведет к неустойчивости настроений общества, апатии и депрессии. Жесткий регламент корпоративных требований и новых производственных условий также приводят к психологической дезадаптации, хроническому стрессу, страху перед будущим. В полной мере к современности может быть применимо выражение З. Фрейда о «расклеивающемся по швам времени». Потеря людьми духовно-нравственных ориентиров, способности разграничения добра и зла, массовое социально-экономическое неблагополучие порождают психотравмирующие переживания и приводят к значительному росту пограничных нервно-психических расстройств, девиаций, аддикций и противоправного поведения.

Религиозность как система коллективных представлений об устройстве мира со времени своего происхождения несла адаптивную функцию и придавала существованию определенный свыше смысл. Насколько помогает или мешает религиозное сознание адаптироваться в современном обществе? Стремительно изменяющийся мир рождает новые мысли, новые чувства, новые взгляды на мир и бытие. Возникает требование рассмотрения че-

ловека как целого, во всей полноте его физических, психических и духовных проявлений, как духовной личности. Это запрос текущего времени.

Один из основателей современного религиоведения Макс Мюллер сказал: «В наши дни почти невозможно говорить о религии, не обидев кого-нибудь. Некоторым религия кажется слишком священным предметом для научного изучения; другие ставят ее в один ряд с алхимией и астрологией, считая, что она сплетена из ошибок и галлюцинаций, недостойных внимания ученого. В некотором смысле я согласен с этими двумя мнениями. Религия есть священный предмет, и в ее самой совершенной или самой несовершенной форме она заслуживает наивысшего уважения» [5, с. 148]. По мнению авторитетных исследователей, таких, как У. Джеймс, человек без активизированного религиозного чувства способен познавать исключительно одну реальность – мир материи, энергии, пространства и времени. Духовный мир остается за горизонтом познания. Такое положение может быть связано с рядом обстоятельств, например: материальные вещи более наглядны, очевидны; неуверенность в себе, «свободно плавающая тревога» приводит к поиску наиболее легкого пути обретения безопасности в непосредственном окружении; влияние социодинамики современного мира с акцентуацией образа жизни, организованного вокруг продукции и потребления [4, с. 9]. Религиозная вера стимулирует духовную трансформацию. В результате духовной трансформации происходит переориентация себя появляются новые мотивации. Религиозная

вера дает возможность человеку интегрироваться вокруг религиозного чувства, с появлением у него новых возможностей, чувства экзистенциальной уверенности.

Различные психологические течения уделяли феномену религии пристальное внимание. «Психолог должен быть кровно заинтересован в выяснении содержания религии, ибо для него важно, какое человеческое отношение в ней выражается и какое действие – доброе или злое – она оказывает на человека, на развитие человеческих сил. Ему интересно выяснить не только психологические корни различных религий, но и их ценность» [13].

Религия – форма отражения человеком объективной действительности, которая представляет собой особую, специфическую картину мира, предполагающую возможность взаимодействия человека с высшей силой путем выполнения каких-либо ритуалов и, благодаря этому, возможность воздействия на мир. В нецерковной ортодоксальной мысли определение религии так и звучит: Религия – это продукт естественных желаний и человеческого воображения, которое приписывает трансцендентному Высшему бытию то, что человеку хотелось бы найти в Нем согласно своим приземленным интересам и надеждам [2]. Религиозность основывается на вере в высшие силы, которые руководят и управляют личностью. Религиозность сопровождается стремлением к соблюдению религиозных ритуалов и, зачастую, наличием вышеупомянутой картины мира.

У. Джеймс полагал, что религиозное чувство изначально не обладает

какой-то спецификой по сравнению с другими чувствами человека, но его связь с верой придает религии особую функцию – осуществлять переход от душевного страдания к освобождению от него. Такое сознание, соответственно, порождает специфический взгляд на мир [4, с. 10].

Л. Леви-Брюль описывал религиозные представления как разновидность коллективных представлений. В них факт познания сочетается с другими элементами эмоционального или волевого порядка и, таким образом, предполагает иную установку сознания по отношению к представляемым объектам.

По мнению Э Фромма, индивидууму требуется определенная система для ориентации и объект преданности. Эти потребности относятся к одним из самых мощных источников энергии в людях и могут быть удовлетворены различными способами. Единственно простое решение ориентационной потребности – подчинение сильному лидеру, такому как священник, король или бог. Обладая экстраординарными качествами, лидер, как предполагается, имеет и знание, и намерение сделать то, что является лучшим для группы. Чтобы обеспечить себя объектом преданности, который удовлетворяет глубокую потребность принадлежности к окружающему миру, люди вновь возвращаются к «первичным связям» детства с матерью и отцом, с землей, предками, расой, а в более сложных обществах с религией, нацией и классом. За возвращение к природе или к зависимости от фигуры власти, чтобы чувствовать себя как дома во вселенной, человек платит высокую цену: происходит блокировка развития наивысших человеческих способностей

рассуждать, любить и созидать. Исходя из этого, Э Фромм определяет религию как «любую систему взглядов и действий, разделяемых группой» [13, с. 25], которая обеспечивает индивидуума системой ориентации.

Представители психодинамического направления рассматривают вопросы происхождения религиозного феномена, его основу, в глубинных слоях психики, скрытых инстинктах и побуждениях человека. Главные функции религии они видят в формировании картины мира, снижении тревоги, осмыслении собственной жизни и жизни окружающих людей.

З. Фрейд большое значение придавал ожиданию исполнения желания, примешанного к обращению к религии. К.Г. Юнг, рассматривая религию как особую установку сознания, полагал, что она является всеохватывающей системой мироупорядочивающих мыслей, что, по мнению Г.М. Андреевой, может выступать как описание своеобразной схемы, при помощи которой человек воспринимает мир.

З. Фрейд проводит аналогию религии с неврозом навязчивости, при котором человек также путем повторяющихся ритуализированных действий пытается добиться для себя состояния относительного внутреннего комфорта. Однако особенность религии заключается еще и в том, что она носит, как правило, массовый характер, то есть различные люди выполняют примерно одинаковый набор ритуалов. «Религия <...> навязывает всем в равной степени свой путь достижения счастья и защиты от страданий» [12, с. 11]. Мало сказать, что З. Фрейд считает религию неконструктивной, в своей работе «Недовольство культу-

рой» он называет ее формой массового безумия, которое «состоит в умалении ценности жизни и в иллюзорном искажении реальной картины мира – его предпосылкой является запугивание интеллекта» [12, с. 11].

Относясь к феномену религии негативно, З. Фрейд тем не менее признает ее как один из способов достижения людьми счастья, который люди могут выбрать согласно своим индивидуальным особенностям и потребностям и которому «удается спасти многих людей от индивидуального невроза» [12, с. 11].

Анна Фрейд (1895–1982), дочь и последовательница Зигмунда Фрейда, указывает следующие функции религии:

1. Удовлетворяет любознательность (объясняет происхождение и развитие мира).

2. Уменьшает страх перед опасностями и превратностями жизни, вселяет уверенность в благоприятном исходе, утешает в несчастьи.

3. Дает авторитетные предписания, запреты, ограничения, правила и советы для поведения.

Карл Густав Юнг (1875–1961) отмечает, что в первобытных и относительно первобытных обществах сознание весьма непрочное, и люди выполняют целый ряд ритуалов для того, чтобы уменьшить «все время таящуюся в засаде психическую опасность» [15, с. 8]. Основанием религии К.Г. Юнг считал символы бессознательного: «Главные символические фигуры любой религии всегда выражают определенную моральную и интеллектуальную установку» [15, с. 29].

Теоретики экзистенциально-гуманистического направления уделяют

гораздо меньшее внимание вопросам происхождения религии, делая акцент в первую очередь на ее влиянии на личность человека. Обращение людей к религии представляется им вполне естественным, так как духовные стремления присущи каждому человеку. Исследователи данного психологического течения считают религию одним из носителей системы ценностей, смысла жизни и окружающего бытия [8, с. 12].

По мнению В. Франкла, необязательно быть религиозным человеком, чтобы иметь представление о высшем смысле, о смысле жизни. Более того, «даже понятие о боге не обязательно должно быть теистичным» [14, с. 13]. Он использовал понятие религии в столь широком смысле, что оно включало в себя и агностицизм, и даже атеизм – порой религиозным назывался любой человек, задумавшийся о смысле жизни, а бог воспринимается как опора, незримый собеседник, способный помочь, наставить на истинный путь или просто выслушать. В. Франкл отмечает, что постичь сверхсмысл и сверхмир для человека очень трудно: «как животное, находясь в своей среде, не в состоянии понять человека и его мир, так и человек не может иметь представление о сверхмире» [14, с. 12]. Помочь в этом понимании приблизить человека может именно религия. Сама же по себе вера в высший смысл «имеет огромное психотерапевтическое и психогигиеническое значение» [14, с. 13]. Такой человек более жизнеспособен, в жизни у него есть прочная опора, к которой он может прибегнуть в стрессовых ситуациях, каждый прожитый им момент имеет смысл и не остается незамеченным. Особая цен-

ность данной опоры в ее трансцендентности и абсолютности, и лишь осознание человеком своей причастности, возможности прикосновения к чему-то столь великому наполняет его жизнь смыслом.

В. Франкл придавал столь великое значение способности религии наполнить человеческую жизнь смыслом, потому что все основанное им направление психотерапии основывалось на помощи человеку в постижении этого смысла. Он считал, что, зная этот смысл, человек обретает в себе способность противостоять практически любым жизненным трудностям и в отличие от З. Фрейда, писавшего Марии Бонапарт, что «если человек задумался о смысле жизни, значит, он серьезно болен», В. Франкл полагал, что именно утрата смысла – причина нездоровья и человеческих бед вообще.

В. Франкл в своих работах не придавал большого значения историческим истокам религий, считая, что часто они лежат в совести как в творческой способности человека к созданию новых смыслов. Не пытался он и абсолютизировать роль какой-либо одной религии, замечая, что единого бога можно обрести благодаря любой религии также как и «на любом языке человек может прийти к <...> единой истине» [14, с. 12].

Абрахам Маслоу (1908–1970), широко известный благодаря своим исследованиям в области самоактуализации, считал особенностью многих религий антиинтеллектуализм – тенденцию предпочитать веру знаниям, убеждение, что не всякое знание доступно простым смертным. Некоторые знания в религиозных культах считаются прерогативой избранных

или, пуще того, бога. Обычные люди, как правило, должны принимать на веру слова немногих избранных, а в случае бунта, желания стать вровень с богами подвергались наказанию.

Самих же богов А. Маслоу полагал нереальными фигурами и неаморфными понятиями. Скорее он считал их образцами для подражания, которыми должен руководствоваться здоровый самоактуализирующийся человек, так как, по его мнению, в каждом человеке есть часть Бога – Бога, способного «всецело созерцать и объять Бытие и, стало быть, понимать его» [6, с. 55]. Такой Бог, по А. Маслоу, должен воспринимать это Бытие «как доброе, справедливое, необходимое, “зло” же <...> воспринимать как продукт ограниченного или эгоистичного видения и понимания» [6, с. 55]. Он пишет, что человек способен развить в себе этот элемент божественного, хоть это и нелегко, однако самореализующиеся люди (или любой человек в момент пикового переживания) становятся, как это называет А. Маслоу, «богоподобными».

Кроме того, религия – это один из способов получения таких пиковых переживаний, которые А. Маслоу сравнивает с посещением «личного Рая, из которого индивид потом возвращается на землю» [6, с. 67]. Причем такая возможность, содержащаяся в религии, довольно широко известна и зачастую люди, обращающиеся к религии, рассчитывают именно на этот опыт – другими словами, религия дает довольно доступный способ расширить сознание и получить необычные переживания. А. Маслоу отмечает, что «во время пиковых переживаний и как последствие у людей возникает

характерное чувство счастья, успеха, избранности» [6, с. 74], другими словами, помимо своего трансцендирующего и развивающего влияния, данные переживания несут также большой заряд довольно сильных позитивных эмоций. Стоит ли говорить, сколь важен для человека такой опыт? Неудивительно, что он, по мнению А. Маслоу, может способствовать также и дальнейшей интеграции человека в то религиозное общество, в рамках которого индивид испытал данное переживание, формированию поклонения, обожания, стремления к приношению даров тому, кто сделал этот опыт возможным. Более того, А. Маслоу указывает, что очень часто это возникшее чувство перерастает в безграничную любовь ко всему сущему и «восприятие мира как исполненного красоты и добра» [6, с. 74], а именно эти качества, по его мнению, характерны для самореализующейся личности.

Сами существующие религии А. Маслоу считал «выражением человеческих устремлений, то есть выражением того, чем люди хотели бы стать, если бы только могли» [6, с. 97] и усматривал в этой их сущности подтверждение того, что самоактуализация – это естественное и неотъемлемое стремление большинства людей. Обоснование этому предположению он находит в совпадении особенностей самореализующейся личности с идеалами, описываемыми в большинстве религий (например, альтруизм, мудрость, честность, естественность и т. д. и т. п.).

По мнению А. Маслоу, важность религии проявляется в том, что она (наряду с некоторыми другими реалиями) содержит систему ценностей, необ-

ходимых человеку для полноценного существования почти также, как «солнечный свет, кальций или любовь» [6, с. 12].

И.Д. Ялом выделяет следующие функции религии. Во-первых, это упорядочение вселенной, создание картины мира, ибо, как указывает И.Д. Ялом, «люди всегда питали отвращение к неопределенности» [16, с. 15], благодаря же объяснению того или иного явления, феномена облегчается контроль над ним.

Во-вторых, благодаря убеждению человека в личной исключительности и конечном спасителе закладываются основы для формирования стойких защитных структур психики, способствующих сопротивлению различного вида стрессам и, в первую очередь, страху смерти. По мнению И.Д. Ялома, у глубоко религиозных людей по сравнению с нерелигиозными наблюдается более низкий уровень тревоги смерти.

В-третьих, религия дает возможность справиться с ощущением собственной изоляции и одиночества. Происходит это не только благодаря интеграции в новое сообщество, идентификации себя как его члена, но и благодаря обретенной возможности непосредственного общения с Богом, которое может быть осуществлено в любой момент.

В-четвертых, это вера в существование смысла бытия, в том числе и собственной жизни, в существование какого-то «высшего целостного плана, в котором каждый индивид играет свою особую роль» [16, с. 15]. Этот аспект религии приобретает особенно большое значение именно в условиях современной действительности, характеризующейся ценностно-смысло-

вым кризисом. Важно также, что вера не просто наделяет человека ролью, целью и придает его жизни смысл, но, как правило, содержит в себе довольно четкие инструкции, как прожить эту жизнь, чтобы в итоге быть вознагражденным. Так, В.А. Верещак убежден, что существование Бога и Его образа в человеке является свидетельством его нравственности [3, с. 49].

Герман Фейфел также подчеркивал большую роль страха смерти в возникновении религии. Он указывает, что таинство смерти «является сущностью некоторых наиболее значительных религий» [11, с.16], причем знания в этой области имеют большое значение в самых разных жизненных сферах – начиная от политики и заканчивая моралью.

Далее Г. Фейфел разделяет религиозных людей на несколько групп. Он пишет, что одни люди «могут признавать религиозные принципы, но не следовать им. Другие могут принимать религию как способ защиты от “стрел неистойой фортуны”. Далее, есть люди, которые включают свои религиозные верования в ежедневную жизнедеятельность» [11, с. 16], т. е. основой для такого разделения служит глубина, степень интериоризации человеком религиозных верований, а также цель обращения в веру.

В своем исследовании Г. Фейфел получил результаты, согласно которым у религиозных людей страх смерти выше, чем у нерелигиозных. Он пытается объяснить это тем, что «для религиозных людей стресс двойной. Как в связи с постжизненными событиями – “я попаду в ад”, “я еще не искупил свои грехи”, – так и в связи с прекращением земного существования» [11,

с. 16], т. е., знание того, что посмертие зависит от собственных действий человека, постоянное обращение к предписанным данным культом нормам поведения и соотнесение их со своим поведением – все это повышает испытываемое напряжение.

Ролло Мэй, однако, считает, что страх смерти будет меньше у тех людей, для которых религиозные ценности оказываются тесно вплетенными в их жизнь, и следование им является естественным. Те же люди, для которых религия остается набором внешних по отношению к ним предписаний, обращающиеся к вере как к средству защиты, либо веянию моды – такие люди, считает Р. Мэй, будут более испуганными [7, с. 56].

Представители экзистенциально-гуманистического направления рассматривают религию в основном в качестве носителя системы ценностей, смысла жизни и окружающего бытия. Их теория исходит из признания за человеком духовных стремлений, а следовательно – естественности обращения к религии или подобному явлению. Об истоках верований в данной теории говорится вскользь, большее внимание уделяется их влиянию на личность человека. Психологи гуманистического направления, как правило, признают высокую значимость этих влияний и большой конструктивный потенциал, содержащийся в них. Причем, отмечают они, чем полнее человек принимает религию, содержащиеся в ней нормы и идеалы, тем позитивнее оказывается ее влияние.

Обосновывая реальность и ценность религиозной жизни для человека, большинство психологов сходятся во мнении о том, что религиозная вера

есть психологический феномен, присущий человеку от рождения и указывающий путь к нравственному и духовному самосовершенствованию.

Недавно оформившееся в результате попытки синтеза психологии и христианской веры направление православной психологии предлагает свою трактовку религиозности и ее роли в становлении личности.

Становление православной психологии тесно связано с социальными процессами, происходящими в обществе. Конец XX в. охарактеризовался духовным кризисом, многие из ранее существующих ценностей были отвергнуты, причем новых на смену им не пришло. Не минул этот процесс и Россию, более того, в ней он достиг значительных масштабов – здесь сказалось двукратное за неполный век резкое изменение политики и идеологии страны. Многие ученые, в том числе и психологи, всерьез обеспокоились этим. Они предприняли попытки поиска путей выхода из сложившейся ситуации, и, занимаясь этим, некоторые вплотную подошли к системе ценностей и запасу знаний, содержащимся в религии. Согласно специфике Российской Федерации, наиболее сильное влияние на психологическую науку оказало православие. Как отмечает В.А. Верещак, «в последние годы в российской психологии появились работы психологов, сосредоточивших свои исследования в области создания христианской психологии духовности» [3, с. 46]. Несмотря на то, что многие их идеи созвучны с положениями представителей других упомянутых выше направлений психологии, мы сочли необходимым вынести рассмотрение православной психологии в

отдельный параграф. Мы сделали это, так как данная ветвь психологической науки обладает также и рядом уникальных признаков – например, хоть представители гуманистической психологии и указывали на важность религии, но в православной психологии религиозные догматы занимают одну из первоочередных позиций, причем делается выбор в пользу одной, конкретной конфессии – православия.

Вполне естественно, что данное направление, возникнув сравнительно недавно, еще не вполне оформилось, однако было выпущено уже значительное количество работ таких исследователей, как Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, М.Д. Иванов, А.И. Копытин, И.А. Трофимова, Л.Ф. Шеховцова, Т.П. Пухова, А.И. Зеличенко и других. «С начала девяностых годов стали организовываться международные конференции по путям интеграции психологии и христианства, а православная психотерапия как совокупность форм и подходов к врачеванию души, имеющих в основе мировосприятие, покоящееся на православной вере, духовном, аскетическом и литературном опыте Единой, Соборной и Апостольской Церкви (конфессионально-определяемой как «Православная»), находится на стадии своего становления» [3, с. 46].

В.М. Розин указывает, что функции религии и психотерапии схожи – обе «имеют дело с душой человека, помогают ему осмыслить свою жизнь и справиться с трудными ситуациями» [8, с. 13]. Этим он и объясняет, в том числе, взаимный интерес и наметившееся сближение психологии и религии.

Вообще же трудно определить, к чему в большей степени относится православная психология – это в боль-

шей степени ветвь психологической науки или новый вид религии. Ученые, работающие в рамках данной парадигмы, по большей части, приемлют церковные догматы – касательно антропогенеза, биогенеза, норм морали и так далее. Особенно большое значение придается исследованиям аспектов человеческой личности, ее нравственных, моральных, духовных сторон (что вполне естественно, учитывая особенности исходных явлений). Естественно, что все эти исследования преломляются через призму православного учения. Библия, соответственно, воспринимается как послание от Бога, совокупность его мудрости. Бог понимается как некий абсолют, неизменный со временем, как тот идеал, к которому человек должен стремиться для самораскрытия, самореализации. Только христианские ценности считаются истинными, только в рамках религии возможно обрести подлинный смысл своей жизни: «В широком понимании действие, не направленное <...> в конечном итоге ко Христу, оборачивается в результате промахом, минованием смысла, замысла культуры и удовлетворением ложными, преходящими, пустыми целями» [1, с. 50].

Как пишет В.М. Розин, началом нынешнего сближения психологии и православия можно считать опыт работы секции «Христианская антропология» под руководством О.Б. Ничипорова и профессора Б. Братуся. По его свидетельствам, на первых встречах психологов и священников Русской Православной Церкви была заметна неравнозначность их позиций. Так, позиция священников была тверда и заключалась в невозможности спасения

человека вне Бога. Обращаться к накопленным психологией материалам для использования их в практике они тоже считали лишним и, по выражению В.М. Розина, «пришли учить и проповедовать» [8, с. 15]. Большая же часть психологов, присутствовавших на встрече, была склонна согласиться со своим несовершенством, несовершенством своей науки и необходимостью обращения к религии. Видимо, именно такой перекося и обусловил полное принятие церковных догм представителями православной психологии.

Необходимо добавить, что в таком слиянии действительно есть определенная логика, так как христианство содержит в себе четкую систему ценностей, которой, пожалуй, недостает многим людям. В рамках религиозных, богословских изысканий накоплен большой запас знаний о человеке (отражающих специфику православия), теоретических и практических. Стоит, однако, учитывать, что слияние с религией вызывает сомнения относительно степени научности дальнейших работ, что усугубляется принципиальной жесткостью религиозных догм.

Православная психология является попыткой синтеза науки и религии, в ее рамках осуществляется использование опыта, накопленного православной церковью для решения психологических задач. Особый упор делается на важность следования христианским ценностям, а религиозный путь предстает единственно верным и ведущим к спасению души. Однако зачастую в данном направлении приоритет отдается именно религиозной составляющей, в ущерб научности проводимых исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 47–53.
2. Василенко Л. Краткий религиозно-философский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.textfighter.org/teology/Philos/vasil/chelovecheskogo_voobrajeniya.php (дата обращения: 4.04.14)
3. Верещак В.А. Проблема богоискательства и социально-психологические детерминанты становления неопита православия // Прикладная психология. – 2001. – № 2. – С. 46–56.
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. 1990. Политиздат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.koob.ru/james/#books> (дата обращения: 10.03.2014)
5. Классики мирового религиоведения / антология (Коллектив авторов). М., 1996. – 496 с.
6. Маслоу А. Психология бытия; пер. с англ. – М.; К., 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myword.ru>. (дата обращения: 10.03.2014)
7. Мэй Р. Открытие бытия. – М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myword.ru> (дата обращения: 15.03.2014)
8. Розин В.М. Возможен ли кентавр? [Электронный ресурс] // Московский психотерапевтический журнал [сайт] – 1994. – № 2. URL: <http://psylib.kiev.ua/>. (дата обращения: 10.03.2014)
9. Соколовская И.Э. Психологический феномен идентичности религиозной молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2012. № 3. – С. 82–88.
10. Религиозность и ее влияние на характер и личность современного человека. Конструктивные и деструктивные аспекты религиозности современной молодежи / И.Э. Соколовская. – М., 2013. – 170 с.
11. Фейфел Г. Смерть – релевантная переменная в психологии [Электронный ресурс] // Экзистенциальная психология [сайт] / под ред. Р. Мэя; пер с англ. – М., 2001 // <http://www.myword.ru> (дата обращения: 04.03.2014)
12. Фрейд З. Будущее одной иллюзии [Электронный ресурс] / URL: <http://www.myword.ru>. (дата обращения: 25.02.2014)
13. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж. П. Сартр; пер. с англ. А.А. Яковлева. – М., 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Psihol/Fromm_Ps_Rel/biblioteka_fromm_e_psihoanaliz_i_religiya.php. (дата обращения: 10.02.2014)
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myword.ru> (дата обращения: 10.03.2014)
15. Юнг К.Г. Психология и религия. Архетип и символ. – М., 1991. – 304 с.
16. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия [Электронный ресурс] // <http://www.myword.ru>. (дата обращения: 19.03.2014)

УДК 347.633:314.96

Читао Р.А.*Частное образовательное учреждение «Семья» (г. Краснодар)***ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ЗАМЕЩАЮЩИХ РОДИТЕЛЯХ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье актуализируется необходимость планомерного и тщательного исследования комплекса вопросов, сопряженных с функционированием института замещающей семьи и замещающего родительства. Приводятся результаты психосемантического исследования представлений мужчин и женщин о людях, взявших на себя миссию замещающих родителей. Эмпирические данные рассмотрены в двух вариантах семантического пространства: полученного при использовании шкал семантического дифференциала с максимально абстрактными оценочными характеристиками и при использовании более конкретных оценочных шкал. Результаты свидетельствуют о приоритетно положительном восприятии мужчинами и женщинами замещающих родителей в небольшой гендерной специфике, что позволяет прогнозировать возможную успешность социальной работы, ориентированной на активизацию приема в семьи обездоленных детей.

Ключевые слова: замещающее родительство, научное изучение, семантика, представления, личность приемного родителя, пространство, факторы, гендерные особенности.

R. Chitao*Private educational institution «Family», Krasnodar***PECULIARITIES OF SUBJECTIVE UNDERSTANDING
OF FOSTER FAMILIES: GENDER ASPECT**

Abstract. The article makes actual the need for systematic and careful research of a complex of questions related to the functioning of the institution of a foster family and foster parenthood. The results of psychosemantic research of the way men and women understand people who undertake the mission of foster parents are given. The empirical data are considered in two options of semantic space: received when using scales of semantic differential with the most abstract estimated characteristics and when using more concrete estimated scales. The results testify the priority of men and women's positive perception of foster parents in small gender specifics. This allows to predict possible success of social work focused on making the accepting of deprived children into foster families more active.

Key words: foster parenthood, scientific studying, semantics, understanding, foster parent's personality, space, factors, gender peculiarities.

В последние годы в России отмечается повышенный государственный и общественный интерес к проблеме усыновления и опеки детей, оставших-

ся без попечения родителей. В общественном сознании данный вопрос получил активное и настойчивое распространение. Действительно, по замечанию ряда авторов (Р.В. Овчаровой,

В.Н. Ослон, Л.С. Печниковой, М.И. Розеновой, В.В. Печниковой, Т.И. Шульги), на сегодняшний день в мировой практике замещающее родительство – практически единственное средство для того, чтобы общество не имело обездоленных детей и все дети имели возможность нормального полноценного детства [2; 3; 4; 6; 7; 11; 12; 13].

Безусловным благом в этом смысле следует считать открытие на территории нашей страны значительного (хотя пока и полностью не достаточного) количества центров подготовки кандидатов в приемные родители или опекуны и центров социально-психолого-педагогического сопровождения замещающих семей. В одной из наших более ранних работ мы уже раскрывали потенциалы и трудности такой подготовки и нюансы функционирования подобных центров [10; 11]. Кроме того, в работах М.И. Розеновой, настойчиво актуализируются вопросы, связанные с необходимостью пристального научного изучения и анализа (научной рефлексии) комплекса проблем, сопряженных с формированием, развитием и функционированием замещающей семьи как системы и отдельной личности в ситуации роли приемного родителя, а так же с необходимостью переосмысления самих методов исследования замещающей семьи [6].

Проблемы, связанные с сиротством, безусловно, требуют непрямого участия большой науки в их решении [11; 12; 13; 14].

В научной и практической психологии, в отношении сферы замещающего родительства, важно не упустить целый ряд основных направлений, которые были комплексно сформулированы в одной из работ М.И. Розено-

вой [6]. В частности, одним из таких направлений было определено максимально возможное научное изучение этой актуальной проблематики во всех ее аспектах (исследование личности человека в роли замещающего родителя (показания, противопоказания, ресурсы, ограничения и т. п.); изучение динамики мотивации приемного родительства и динамики принятия роли замещающего родителя (существует ли специфика и отличия этого параметра от ситуации обычного родительства); изучение факторов принятия решения о замещающем родительстве, изучение факторов риска и возможностей их корректировки или снятия и многое другое) [6].

Названное направление призвано обеспечить прочный научный фундамент и максимальную эффективность всей практической работы в области работы с замещающими семьями и замещающими родителями. Научные исследования и рефлексивное осмысление проблемы, выявление важных тенденций и закономерностей, обнаружение тупиковых зон и перспективных направлений – залог адекватного и надежного развития практической деятельности в любой сфере [6; 8; 9].

Мы полагаем, что для социально-перспективного решения проблем замещающего родительства и создания полноценного института замещающей семьи, конечно же, необходимо начинать с исследования поля субъективных представлений обычных людей в отношении данного феномена. Только определив уровень наличных субъективных представлений людей в отношении замещающей семьи, приемных родителей и приемных детей, можно планомерно, верно и точно выстраи-

вать конкретную системную работу в этом направлении. Результаты исследований в сфере обыденного сознания всегда выступали базой уже не просто интуитивно-хаотичной, а научно-обоснованной, грамотной, поэтапной просветительской и пропагандистской работы, а также рекрутинговой деятельности в области создания и формирования профессиональных и обычных замещающих семей.

В этом направлении нами и были предприняты исследовательские усилия. Мы сосредоточились на изучении гендерных особенностей представлений людей о «приемном родителе». В качестве основного исследовательского метода была применена техника семантического дифференциала (Ч. Осгуд) в «классическом»¹ (а именно, в абстрактном) и модифицированном (содержащем более конкретные и понятные оценочные шкалы-характеристики) варианте. Оценка личности приемного родителя осуществлялась в «классическом» (абстрактном) варианте по 14 шкалам, а в модифицированном автором (более конкретном по содержанию характеристик) – по 27 шкалам, которые были составлены с учетом включения эмоционально-личностных, поведенческих и интеллектуальных характеристик.

Абстрактный вариант семантического дифференциала был составлен шкалами: 1) «острый – тупой», 2) «сильный – слабый», 3) «белый – черный», 4)

«высокий – низкий», 5) «твердый – мягкий», 6) «красный – черный», 7) «быстрый – медленный», 8) «светлый – темный», 9) «красивый – некрасивый», 10) «белый – красный», 11) «прерывный – непрерывный», 12) «большой – маленький», 13) «бесконечный – конечный», 14) «сложный – простой».

Шкалы модифицированного варианта методики были представлены следующими парами антонимичных характеристик: 1) «гибкий – ригидный (негибкий)», 2) «умелый – неумелый», 3) «компетентный – некомпетентный», 4) «активный – пассивный», 5) «развитый – примитивный», 6) «умный – глупый», 7) «нормальный – ненормальный», 8. «образовательный – туповатый», 9) «образованный – необразованный», 10) «ответственный – безответственный», 11) «добрый – жестокий», 12) «открытый – замкнутый», 13) «искренний – лживый», 14) «приветливый – неприветливый», 15) «оптимистичный – пессимистичный», 16) «веселый – печальный», 17) «серьезный – несерьезный», 18) «сдержанный – импульсивный», 19) «моральный – аморальный», 20) «уравновешенный – неуравновешенный», 21) «отзывчивый – равнодушный», 22) «доминантный – покорный», 23) «неравнодушный – равнодушный», 24) «успешный – неуспешный», 25) «корыстный – бескорыстный», 26) «смелый – трусливый», 27) «везучий – невезучий». В исследовании приняла участие 132 человека обоего пола (71 женщина и 61 мужчина) в возрасте от 30 до 48 лет.

Процедура исследования проводилась в два этапа: в первый день испытуемым было предложено сделать оценку

¹ В данном контексте под «классическим» вариантом семантического дифференциала мы будем понимать не дословно тот вариант семантического дифференциала, который был разработан Ч. Осгудом и включал 12 шкал, а созданный на его основе, чуть более расширенный (до 14 шкал) вариант, содержащий максимально абстрактные шкалы оценки.

личности приемного родителя (человека, который взял на усыновление или под опеку ребенка, утратившего родную семью) по модифицированному варианту методики, а через 3 дня те же испытуемые оценивали приемных родителей по абстрактным шкалам.

Полученные данные были подвергнуты процедурам факторизации (по

методу главных компонент с последующим вращением результирующей нормированной матрицы факторных нагрузок методом Varimax).

Обобщенные результаты приведены нами в таблицах (табл. 1–7) и показывают весьма интересную картину мнений обычных людей относительно личности приемного родителя¹.

Таблица 1

Факторы-модели представлений о приемном родителе, выделенные на основе факторизации данных, полученных по методу семантического дифференциала (модифицированный вариант, 27 шкал) на всех испытуемых (общая выборка, n = 132)

Фактор (% объясненной дисперсии)	Выделенные факторы			
	Фактор 1 (5,98)	Фактор 2 (4,56)	Фактор 3 (2,82)	Фактор 4 (2,03)
Шкалы фактора и их факторные нагрузки и качество	11 (834)	8 (753)	15 (778)	22 (738)
	13 (796)	6 (752)	23 (690)	25 (541)
	20 (786)	5 (742)	10 (562)	
	12 (785)	2 (654)	14 (546)	
	7 (733)			
	18 (707)			
Название фактора	Доброта и самоконтроль	Интеллект и умелость	Позитивное неравнодушие и активная жизненная позиция	Власть и корысть

Таблица 2

Факторы-модели представлений о приемных родителях, выделенные в результате факторизации данных, полученных по методу семантического дифференциала (абстрактный вариант, 14 шкал) на всех испытуемых (общая выборка, n = 132)

Фактор (% объясненной дисперсии)	Выделенные факторы			
	Фактор 1 (2,14)	Фактор 2 (1,72)	Фактор 3 (2,38)	Фактор 4 (2,12)
Шкалы фактора и их факторные нагрузки и качество	3 (713)	5 (687)	7 (805)	6 (826)
	10 (612)		1 (754)	8 (796)
	12 (557)		2 (613)	
Название фактора	Большой белый	Твердый	Скорость и сила	Яркий свет

¹ В таблицах и описаниях мы приводим шкалы факторов, имеющих максимальные факторные нагрузки (не менее 0,500)

Из табл. 1 видно, что, согласно распределению доли вклада каждого фактора в общее решение, наиболее значительным весом обладают первый и второй факторы (5,98 и 4,56, соответственно), т. е. именно в этих факторах отражено доминирующее мнение большинства респондентов из нашей выборки о человеке, взявшем на себя роль приемного родителя.

Значимое большинство испытуемых позиционирует такого человека как доброго, искреннего и уравновешенно-сдержанного (первый фактор «доброта и самоконтроль»). Чуть меньшее количество респондентов считает такого человека умным, развитым и умелым (второй фактор «интеллекта и умелости»). Меньшая часть респондентов видит в личности приемного родителя человека оптимистичного, неравнодушного, ответственного и приветливого (третий фактор «позитивное равнодушие и ответственная жизненная позиция»). И наконец, самая небольшая часть испытуемых воспринимает приемных родителей как людей доминантных и корыстных (четвертый фактор «власть и корысть»).

Сравнительный анализ представленных данных с результатами, полученными в результате применения «классического» абстрактного варианта семантического дифференциала, показал следующее (табл. 2):

В отличие от предыдущего варианта (модифицированного семантического дифференциала), где распределение процента объясненной дисперсии по факторам выделяло приоритетность в мнении респондентов, по результатам факторизации данных классическо-абстрактного семантического дифференциала такая приоритетность не выделя-

ется: все факторы по своему значению приблизительно равны, а значит, мы можем констатировать разнородность и равноправность полученных мнений.

Первый фактор (2,14) «классического» семантического пространства составлен шкалами, отражающими эмоциональную оценку: «белый» (относительно «красного» и «черного») и «большой». Этот фактор мы условно определяем как «большой белый». Второй фактор, имеющий наименьшее значение в сравнении с остальными (1,72) представлен шкалой «твердый» (шкала «силы») и определен нами как фактор «твердости». Третий фактор (2,38) скорее сопряжен с характеристиками «активности и силы», поскольку представлен шкалами: «быстрый», «острый», «сильный». Мы обозначили его как фактор «скорости и силы». Четвертый фактор (2,12) составлен такими шкалами, как «красный» и «светлый», и несет эмоционально-оценочный компонент. Мы обозначили данный фактор как «яркий свет».

Качественно-смысловое соотнесение результатов, полученных на более абстрактном и более конкретном материале оценки личности замещающего родителя свидетельствует во-первых, о преобладании в обоих вариантах позитивного восприятия личности приемного родителя; во-вторых, о сильном семантическом совпадении мнений-характеристик идентично распределенных по выделенным факторам, за исключением четвертого фактора, где в модифицированном варианте выделена негативная позиция (доминантный и корыстный) в отношении оценки приемного родителя, а в абстрактном варианте присутствует все тоже позитивное мнение («красный» и «светлый»).

Таким образом, в ходе исследования мы получили некий смысловой срез не проявленных социально-психологических представлений респондентов о тех людях, которые берут на усыновление чужих обездоленных детей. По итогам нашей работы можно констатировать, что большинство участников исследования оценивают приемных родителей весьма позитивно и высоко: приоритет качеств доброты, искренности, оптимистичности и приветливости, равнодушия, ответственности и интеллекта (по «конкретному» модифицированному варианту методики) и характеристики «света», «белизны», «твердости», «большого», «быстрого», «сильного», «красного» и «светлого» (по более абстрактному варианту методики). Лишь самая малая часть наших респондентов подозревает, что люди, усыновляющие или берущие в опеку чужих детей, скорее могут быть определены как властные и корыстные.

Результаты, полученные на женской выборке (табл. 3), отличаются некото-

рой спецификой. Прежде всего, это касается особенностей распределения факторного решения, в котором все четыре выделенные фактора обладают примерно равной значимостью, т. е. вносят почти одинаковый вклад в процент объясненной дисперсии данных. В этой связи, мы можем говорить о разнообразии и неодинаковости женских представлений, касающихся образа приемного родителя. Одна часть исследуемой женской аудитории склонна позиционировать приемного родителя как везучего, умелого, компетентного, открытого, развитого и активного человека (первый фактор «способный счастливчик»). Другая часть (примерно равная первой) респондентов-женщин считает, что приемный родитель это развитый, оптимистичный, приветливый, искренний человек (второй фактор «позитивный оптимист»). Еще часть женской выборки в качестве первостепенных у приемного родителя выделяет свойства самоконтроля: сдержанность, уравновешенность

Таблица 3

Факторы-модели представлений о приемных родителях, выделенные в результате факторизации данных, полученных по методу семантического дифференциала (модифицированный вариант, 27 шкал) на женской группе испытуемых (n = 71)

Фактор (% объясненной дисперсии)	Выделенные факторы			
	Фактор 1 (3,94)	Фактор 2 (3,31)	Фактор 3 (3,14)	Фактор 4 (3,58)
Шкалы фактора и их факторные нагрузки	27 (690)	5 (793)	18 (816)	7 (756)
	2 (638)	15 (792)	20 (738)	10 (671)
	3 (637)	14 (759)	9 (571)	11 (644)
	4 (612)	13 (685)		6 (635)
	12 (565)			
	14 (556)			
	5 (556)			
Название фактора	Везение и личные способности	Позитивный оптимизм	Самоконтроль	Адекватность

и образованность (третий фактор «контролирующий себя»). И еще одна группа испытуемых-женщин определяет приемного родителя как человека адекватного (четвертый фактор «адекватный»): нормального, ответственного, доброго, умного.

Таким образом, в женском восприятии приемного родителя сохраняются общие тенденции позитивной оценки личности людей, взявших на себя эту роль, но отмечается разнообразие в определении совокупности приоритетных качеств в психологическом портрете такого человека.

Что же касается результатов, полученных с помощью более абстрактных шкал, то здесь получена следующая картина данных (табл. 4): первый фактор образован характеристиками «светлый», «красный» и «большой» с правомерным добавлением характеристики «бесконечный». Этот фактор мы объединили в условном названии «Яркий большой».

Второй фактор образован более однородно в приоритетности шкалы «сложный» с добавлением характери-

стики «прерывный». Название фактора мы сохранили в соответствии с приоритетной шкалой – «Сложный».

Третий фактор образован шкалами «быстрый» и «острый», что мы определили бы как «Небезопасный». Когда мы задумались об объединении названных характеристик в едином понятии, то ассоциативно быстрым и острым представился нож – предмет, имеющий потенциал опасности в некоторых случаях. Поэтому данный фактор мы и обозначили близко к этой ассоциации опасности, но сделали смягчение в «небезопасный», потому как в факторе есть и другие шкалы, которые несколько сглаживают ощущение опасности.

Результаты, полученные на мужской выборке респондентов (табл. 5), свидетельствуют о наличии двух основных доминирующих мнений относительно качеств личности приемного родителя (первый и второй факторы; 8,23 и 6,50, соответственно, по проценту объясненной дисперсии). Первая наиболее значительная часть мужчин считает, что приемный родитель это,

Таблица 4

Факторы-модели представлений о приемных родителях, выделенные в результате факторизации данных, полученных по методу семантического дифференциала (абстрактный вариант, 14 шкал) на женской группе испытуемых (n = 71)

Фактор (% объясненной им дисперсии)	Выделенные факторы			
	Фактор 1 (2,67)	Фактор 2 (1,55)	Фактор 3 (2,33)	Фактор 4 (1,88)
Шкалы фактора и их факторные нагрузки	8 (777)	14 (835)	7 (834)	10 (801)
	6 (746)	11 (632)	1 (793)	3 (564)
	12 (612)		4 (602)	9 (523)
	13 (568)		2 (505)	
Название фактора	Яркий большой	Сложный (прерывистый)	Небезопасный	Привлекательный

Таблица 5

**Факторы-модели представлений о приемных родителях,
выделенные в результате факторизации данных, полученных по методу
семантического дифференциала (модифицированный вариант, 27 шкал)
на мужской группе испытуемых (n = 61)**

Фактор (% объясненной дисперсии)	Выделенные факторы			
	Фактор 1 (8,23)	Фактор 2 (6,50)	Фактор 3 (1,53)	Фактор 4 (2,01)
Шкалы фактора и их факторные нагрузки	11 (909)	8 (852)	25 (- 797)	23 (723)
	13 (901)	5 (824)	23 (690)	21 (610)
	17 (887)	6 (777)	10 (562)	
	12 (863)	19 (746)	14 (546)	
	20 (796)			
	18 (758)			
	3 (750)			
Название фактора	Доброта и адекватность	Ум	Бескорыстие	Нравнодушие и отзывчивость

прежде всего человек добрый и искренний (0,909 и 0,901 по факторной нагрузке шкал), а также нормальный, открытый, уравновешенный, сдержанный, компетентный (первый фактор «добрый и адекватный»). Другая значительная часть мужской аудитории полагает, что в приемном родителе первостепенны качества интеллекта: сообразительный, развитый, умный, моральный (второй фактор «умный»).

Меньшая часть мужчин считает приемного родителя равнодушным и отзывчивым (четвертый фактор «равнодушно-отзывчивый»). Самая малая часть респондентов из мужской группы отмечает бескорыстность в личности приемного родителя (третий фактор «бескорыстный»).

Результаты факторизации данных, полученных на классическом (более абстрактном) варианте семантического дифференциала в группе мужчин представлены в таблице 6. Сразу бросается в глаза распределение факторов в отношении процента объясненной

дисперсии: в отличие от предыдущего (модифицированного) варианта семантического пространства, где выделилось два приоритетных мнения, здесь все факторы мало отличаются друг от друга и не имеют значительных показателей. Возможно, что ситуация абстракции в отношении оценки объекта для мужского сознания представляется более непонятной и результаты имеют размытый характер (табл. 6).

Первый фактор, полученный на мужской выборке, идентичен первому фактору, выделенному на женской выборке, и содержит шкалы «красный», «светлый», «бесконечный». Второй фактор составлен шкалами «твердый», «сложный», «большой», которые мы объединяем в фактор «Сложности». Третий фактор объединил характеристики «непрерывный» и «белый», что можно ассоциировать с «надежностью» («белый» – цвет чистоты и отсутствия негативно-мрачного, а «непрерывность» – символ постоянства и определенности). Четвертый

Таблица 6

**Факторы-модели представлений о приемных родителях,
выделенные в результате факторизации данных, полученных по методу
семантического дифференциала (абстрактный вариант, 14 шкал)
на мужской группе испытуемых (n = 61)**

Фактор (% объясненной дисперсии)	Выделенные факторы			
	Фактор 1 (2,87)	Фактор 2 (2,09)	Фактор 3 (1,58)	Фактор 4 (2,68)
Шкалы фактора и их фактор- ные нагрузки	6 (913)	5 (751)	11 (- 733)	1 (753)
	8 (791)	14 (684)	3 (707)	2 (726)
	13 (719)	12 (612)		9 (680)
				7 (669)
Название фактора	Яркий большой	Сложный (твер- дый большой)	Надежный	Скорость и сила

фактор составлен шкалами «острый», «сильный», «красивый», «быстрый». Поскольку здесь характеристики остроты, быстроты и силы «разбавлены» характеристикой красоты, то с опасностью этот фактор не ассоцииру-

ется, и мы предпочли назвать фактор как «Скорость и сила».

Для удобства анализа данных мы составили обобщенную таблицу выделенных и семантически определенных факторов (табл. 7).

Таблица 7

**Сравнительные семантические обобщения представлений о приемном роди-
теле, полученные на основе применения техники семантического дифферен-
циала в модифицированном (с более конкретными характеристиками)
и «классическом» (с более абстрактными характеристиками) варианте**

Факторы	Варианты методики семан- тического дифференциала	Все испытуемые	Женщины	Мужчины
Фактор 1.	<i>Абстрактный вариант СД</i>	большой белый	яркий большой	яркий большой
	<i>Модифицированный вари- ант СД</i>	доброта и самоконтроль	везение и личные способности	доброта и адек- ватность
Фактор 2.	<i>Абстрактный вариант СД</i>	твердость	сложный (пре- рывный)	сложный (твер- дый, большой)
	<i>Модифицированный вари- ант СД</i>	интеллект и уме- лость	позитивный оп- тимизм	ум
Фактор 3.	<i>Абстрактный вариант СД</i>	скорость и сила	небезопасный	надежный
	<i>Модифицированный вари- ант СД</i>	позитивное не- равнодушие и активная жиз- ненная позиция	самоконтроль	бескорыстие
Фактор 4.	<i>Абстрактный вариант СД</i>	яркий свет	привлекательный	скорость и сила
	<i>Модифицированный вари- ант СД</i>	власть и корысть	адекватность	неравнодушие и отзывчивость

Полученные в нашем исследовании данные позволяют говорить о том, что основные характеристики, даваемые обычными людьми лицам, выполняющим роль приемных родителей, отличаются позитивным содержанием и приоритетами качеств доброты, адекватности, ума, самоконтроля, неравнодушия, оптимизма (в более конкретных характеристиках) и качествами яркого, белого, большого, быстрого, острого, сильного (в абстрактных характеристиках). В общем потоке положительного видения личности приемного родителя все-таки встречается отдельное мнение, ставящее под сомнение идеальность человека в такой роли. Это мнение выражено фактором «Власть и корысть», полученном на материале применения модифицированного (более конкретного) варианта семантического дифференциала и фактором «Небезопасность», полученном в результате применения более абстрактного («классического») варианта методики.

Женщины в приемном родителе часто видят человека, обладающего жизненным везением (видимо, того, у которого все хорошо сложилось), но которое обусловлено, скорее всего, его личными способностями (развитостью, активностью, компетентностью). В варианте оценки личности приемного родителя более абстрактными шкалами именно у женщин выделяется фактор «небезопасность», который видимо отражает имеющуюся настороженность к отдельным людям, выполняющим функции приемного родителя.

Мужчины приоритетно полагают в приемном родителе человека доброго, адекватного во всех отношениях и

умного, а также яркого, большого, надежного, хотя и сложного. Корыстные, властные и иные негативные характеристики практически не усматриваются.

Обобщая полученные в ходе нашего исследования результаты, мы можем констатировать:

1. В субъективных семантических оценках личность человека, выполняющего роль приемного родителя, окрашена приоритетно положительными и позитивными характеристиками (доброта и самоконтроль, интеллект, активность и неравнодушие). Лишь самая малая часть респондентов отмечает негативные (корыстные и доминантно-властные) качества в людях, принимающих на воспитание чужих детей.

2. Женские представления о приемном родителе отличаются большим разбросом (нет единого ведущего представления) и позиционируют такого человека как способного и удачливого в жизни, как позитивно-оптимистичного, как уравновешенного и выдержанного, как нормального и адекватного.

3. В мужских представлениях о приемном родителе значительно больше однообразия в сравнении с женской выборкой. Выделяется два приоритетных мнения, с преобладанием первого: приемный родитель – это первостепенно человек добрый и адекватный (первая позиция) и это человек, прежде всего, умный (вторая позиция). Наименьшая часть мужчин склонны оценивать приемного родителя как бескорыстного и неравнодушно-отзывчивого.

4. На общей и особенно мужской выборке отмечено существенное раз-

личие в распределении значимости факторов, полученных при применении разных вариантов методики семантического дифференциала (с более абстрактными шкалами и более конкретными шкалами): при факторизации данных семантического дифференциала с более конкретными шкалами первые два фактора являются доминирующими и объясняют наибольший процент дисперсии в общем решении, а при применении более абстрактного варианта семантического дифференциала все факторы обладают примерно равной значимостью и объясняют похожий процент дисперсии. Данный факт соотносится с результатами некоторых других психосемантических исследований и должен быть интерпретирован в аспекте особенностей работы сознания, что задает перспективные линии изучения и понимания особенностей работы психики.

5. Высокий уровень позитивности представлений о приемных родителях в сознании россиян задает хорошие основания популяризации, пропагандирования и развития института замещающей семьи в обществе, несмотря на известные случаи негативного (а иногда и преступного) поведения приемных родителей, о которых широко было распространено в средствах массовой информации. Вместе с тем общая позитивность в оценках людей, выполняющих роль усыновителей или опекунов, не должна помешать пристальному вниманию специалистов, занимающихся подбором замещающих родителей, в реалистичности оценки личности кандидатов на роль приемных родителей для детей, оставшихся без родной семьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен : учеб. пособие. – М., 2006. – 496 с.
2. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья : монография. – М., 2006. – 366 с.
3. Печникова Л.С. Приемные семьи в пространстве детско-родительских отношений / Л.С. Печникова, Е.Б. Жуйкова [Электронный ресурс] // Психологические исследования [сайт]. – 2008. – № 2(2). Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/108-pechnikova2> (дата обращения: 26.03.2014)
4. Нагоева Р.А. Замещающая семья: возможности и проблемы социальной и психолого-педагогической подготовки // Психология и Психотехника. – 2014. – № 1. – С. 91–97.
5. Нагоева Р.А. Социально-психологические проблемы замещающего родительства // Актуальные проблемы психологии и психологических исследований: сборник материалов ежегодной конференции преподавателей и аспирантов психологического факультета МГГУ им. М.А. Шолохова (26 апреля 2012 года) / отв. ред. А.Ф. Ануфриев, М.И. Розенова. – М., 2012. – С. 66–76.
6. Розенова М.И. Институт замещающего родительства в России: необходимость, проблемы и возможности системного изучения // Психология и психотехника. – 2013. – № 12. – С. 1218–1223.
7. Розенова М.И. Неосознаваемые установки отношения родителей к детям : монография. – Омск, 2011. – 160 с.
8. Розенова М.И. Проективные механизмы зависти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2014. № 1. – С. 30–39.
9. Розенова М.И. Семантика восприя-

- тия современной молодежью базовых отношений личности // Психология и психотехника. – 2013. – № 6 (57). – С. 536–545.
10. Читао Р.А. Институт замещающего родительства в аспекте классификаций и типологий / Материалы V Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» (отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.А. Харламенкова, К.Б. Зув). Институт психологии РАН. Москва, 28–29 ноября 2013 года. – М., 2013. – С. 682–683.
 11. Шпакова В.В. Социально-психологические характеристики приемных родителей, взявших на воспитание детей, оставшихся без попечения // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 6. – С. 184–186.
 12. Шульга Т.И. Особенности сопровождения замещающих семей с детьми разного возраста. – М., 2013.
 13. Шульга Т.И. Социально-психологические проблемы выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 3. – С. 68–75.
 14. Япарова О.Г. Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях / Е.И. Николаева, О.Г. Япарова // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 37–43.

РАЗДЕЛ III

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:37.015.3

Барановская И.В.
МБОУ «Гимназия № 1»
(г. Балашиха, Московская область)

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития терминологии педагогической психологии во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Начальный этап нового направления мы связываем с педагогической деятельностью Л.Н. Толстого и введением в научный оборот ряда специальных лексем, отражающих взгляды выдающегося русского писателя на воздействие общественной жизни, формирующей человека. Обращение к трудам П.Ф. Каптерева, В.И. Бехтерева, А.Ф. Лазурского раскрыло роль отечественных психологов в становлении и развитии ряда теоретических понятий и соответствующих средств выражения в области практической психологии образования в аспекте психологии воздействия, арт-терапии и артпедагогике.

Ключевые слова: педагогическая психология, практическая психология образования, психология воздействия, арт-терапия, артпедагогика, влияние, внушение (вкоренение).

I. Baranowskaya
МБЕI “Grammar school №1”, Balashikha, Moscow Region

COMING INTO BEING OF THE TERMINOLOGY OF PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Abstract. The article takes into consideration the questions of the terminology of pedagogical psychology in the second half of the 19th- the beginning of the 20th centuries. The author connects the initial step of that tendency with L. Tolstoy’s pedagogical activity, as well as with the introduction a number of specific lexemes into scientific rotation. These lexemes reflect the views of the outstanding Russian writer on the impact of social life on people’s outlook. The use of works of P. Kapterev, V.I. Behterev and A.F. Lazursky revealed the role of Russian psychologists introducing and development of some theoretical concepts and means ways of their expression in the sphere of practical psychology of education in the aspect of psychology of influence, art- therapy and art-pedagogy.

© Барановская И.В., 2014.

Key words: psychology of education, practical psychology of education, psychology of influence, art-therapy, art-pedagogy, influence, suggestion.

В истории зарубежной и отечественной школьной психологии выделяются три этапа [1]. Началом первого этапа развития отечественной *практической психологии образования*, мы, в отличие от Л.В. Лежминой [10], считаем педагогическую деятельность Л.Н. Толстого (60-е годы XIX в.), включающую изучение *воспитательных воздействий общественной жизни*, формирующих человека. Л.Н. Толстой использует термин *педагогия*. *Педагогия* (греч. *Paidagogia* – от *pais*, *paidos* – ‘дит’, и *ago* – ‘веду’) – воспитание, обучение [12, с. 524]. Это была не только новая система образования народа: писатель надеялся таким путем воздвигнуть идеальный социальный строй, выступая против немецкой педагогики. Л.Н. Толстой в статье «О народном образовании» (1874) отстаивал не только необходимость народных школ, но и право народа самому решать свою судьбу, в частности – «великое дело своего умственного развития». Его педагогическая программа призвала обратиться к основам народного (т. е. патриархально-крестьянского) мироощущения и опираться только на них. Она оказалась, таким образом, направленной и против консервативной «петербургской педагогики» министра просвещения Д. Толстого, и против «хождения в народ» передовой интеллигенции.

Во 2-й половине XIX в. расширялись собственно историко-педагогические исследования и активизировалось привлечение историко-педагогических знаний для фундаментальной разработки теоретико-педагогических,

социально-педагогических и психолого-педагогических проблем [6]. Первоначально термин *педагогическая психология*, предложенный П.Ф. Каптеревым в 1874 г. [8], существовал наряду с другими терминами, принятыми для обозначения дисциплин, занимающих пограничное положение между педагогикой и психологией: *педология* (О. Хрисман, 1892), *экспериментальная педагогика* (Э. Мейман, 1907). Ж. Годфруа упоминает в своей монографии специальное обозначение *школьная психология* (*school psychology*) как частотный в 90-е годы XIX века [3]. *Педагогическая психология* – это отрасль психологии, изучающая закономерности развития человека в условиях обучения и воспитания, которая тесно связана с педагогикой, детской и дифференциальной психологией.

Экспериментальная педагогика и *педагогическая психология* сначала трактовались как разные названия одной и той же области знания. На протяжении первой трети XX в. их значения были дифференцированы [7].

В 1901 г. в Петербурге под руководством профессора А.П. Нечаева была организована лаборатория *экспериментальной педагогической психологии*. В 1906 г. созван I Всероссийский съезд по *педагогической психологии* с проведением краткосрочных курсов *педологов* (*педология* – от греч. *paides* – ‘дети’, *logos* – ‘понятие, учение’). *Педология* – наука о растущем и развивающемся ребенке и подростке, изучающая закономерности развития в определенной социально-исторической классовой среде. Некоторые ав-

торы считают первым провозвестником педологических идей Д. Тидемана, написавшего в 1787 г. «Наблюдения о развитии душевных способностей у детей», а начало *педологии* как науки ведут с конца XIX в., когда Стенли Холл в 1893 г. на педагогическом конгрессе в Чикаго организовал секцию изучения ребенка [11].

В 1910 году состоялся II Всероссийский съезд по *педагогической психологии*, на котором с программной речью выступил В.М. Бехтерев, подчеркнувший возможность применять выводы этой науки (психологии) к различным отраслям практической жизни. Выдающийся психолог доложил результаты разработки одной из важнейших проблем *педагогической психологии* – роли *педагогически направленных внушений* как приема воспитания в раннем детстве, в школе. В.М. Бехтерев расширяет понятийную сферу специальной лексемы *внушение* и ставит вопрос не только о *правильно понятом и выполняемом внушении* в процессе «правильного» воспитания, но и о его результатах – создании не *внушаемых* характеров, а, наоборот, характеров, не поддающихся *стороннему влиянию*. *Педагогическое внушение* способно вызывать *желаемое изменение* психики и устранять *противодействующие явления* не только в школьном возрасте, но и во взрослой жизни. Первые основные эстетические и этические понятия закладываются у ребенка путем восприятия *представлений, которые мы у них возбуждаем* (с опорой на антитезу: это хорошо, а это дурно и под.) и которые они усваивают без соответствующей проверки их правильности и смысла соответствующих средств выражения [2].

Поднимая вопрос о роли *внушения в воспитании*, В.М. Бехтерев привлекает специальную лексику, принципиально важную для специалистов организованного им в Петербурге Психоневрологического института (1908) и Института по изучению мозга и психической деятельности (1918). Хотя в названии публикации вынесена специальная лексема *внушение*, повторяемая в самом тексте статьи, здесь же мы отмечаем специализированные конструкции: «Многое из того, что ребенок *выучивает*, он выучивает *подражанием*, но подражание основывается главным образом на *внушающем влиянии воображения*»; «*Психическое воздействие в форме внушения и примера, возбуждающего подражание*, играет видную роль. Наше воспитание вообще основывается в значительной мере на *внушении и вызывании подражания* как неизбежных *способах воздействия родителей и вообще старших лиц на детей и подростков*. Ребенок всегда склонен воспринимать более при посредстве *прямого перенимания и безотчетного подражания*, нежели путем *осмысленного усвоения*»; «применение *внушения* к воспитанию предназначено для *вкоренения* тех или других положительных сторон личности и исправления недостатков ребенка, *привившихся* к нему путем дурных условий и по другим причинам» (курсив наш – И.Б.) [2].

Как свидетельствуют фактические материалы, ученый использует лексемы *внушение, влияние, внушающее влияние, воздействие* в качестве синонимов. Кроме того, отметим исконные средства выражения специальных понятий: *вкоренение*, ср.: *вкоренять* – «поселять въ мысляхъ,

понятияхъ, убѣжденіяхъ; укрѣплять, впечатлѣвать, укоренять»; *вкореніе* – «вкореняетъ въ другомъ что либо» [4, с. 211]; *подражаніе*, ср.: подражать – «слѣдовать примѣру, образцу, стараться уподобиться» [5, с. 199].

Особого внимания заслуживает положение автора, относящееся к предыстории *арт-терапии* и *артпедагогики*. В работе «Внушение и воспитание», которая не привлекает внимания современных специалистов, ученый поднимает вопросы *психологического склада* ребенка, выступает за создание эстетической обстановки в детских комнатах, которая должна быть обязательна и в школе, говорит о необходимости невербального воздействия (соответствующих возрасту ребенка изящных рисунков, художественных игрушек, музыкальных инструментов, музыкальных пьес и песенок и т. д.). Цель воспитателей – *передать ребенку все доступное ему музыкально-художественное*. Музыкальное воспитание не только развивает слух, но и способствует развитию воображения, лучшему настроению и опозитизированию окружающей природы, равно как и облагораживанию взаимоотношений между людьми, что возвышает нравственную сторону будущей личности. Кроме музыки, по В.М. Бехтереву, облагораживание души достигается путем чтения книг, которое оказывает на детей огромное внушающее влияние [2].

Специальная лексема *внушение* и ее синоним *воздействие* отмечена нами в лекциях профессора А.Ф. Лазурского, современника В.М. Бехтерева, который определяет этот процесс, как восприятие человеком извне идеи, побуждения (или раздражения), которые

принимаются и выполняются им без критики и обсуждения, не вытекающие из его желаний, чувств, впечатлений и всего склада его личности, а противоречащие этому складу. Автор отмечает, что процесс *внушения* всегда предполагает введение в сознательную или подсознательную сферу извне некоего содержания, не соответствующего общему складу личности, тому запасу идей, чувств и впечатлений, который у данного субъекта уже имеется [9, с. 273]. Ученый различает *прямое* и *косвенное внушение*. Особенностью *косвенного внушения* является введение в сознание внушаемого идеи или побуждения не в прямо, а в замаскированном виде [Там же].

Таким образом, в первой четверти XX в. наблюдается процесс углубления теоретических и практических знаний по проблемам *педагогической психологии*, что потребовало усовершенствования метаязыкового аппарата, окончательную разработку которого мы связываем с концом XX – началом XXI в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барановская И.В. Терминология практической психологии образования // Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции, посвященной 70-летию юбилею проф. Л.Ф. Копосова // Русский язык и литература: история и современность. – М., 2010. – С. 231–235.
2. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни [Электронный ресурс] Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) [сайт]. URL: <http://psylib.org.ua/books/behtv01/index.htm> (дата обращения: 12.10.2012).
3. Годфруа Ж. Что такое психология: в 2 т. – Т. 1. – М., 1992. – 496 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 3. – М., 1990. – 555 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1. – М., 1989. – 699 с.
6. Демков М.И. История русской педагогики. Ч. III. Новая русская педагогика (XIX век). – М., 2011. – 699 с.
7. Ильяшенко Е.Г. Развитие антропо-педагогических идей в России (вторая пол. XIX – первая треть XX в.) // Вестник Университета российской академии образования. – 2003. – № 1. – С. 104–155.
8. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – СПб., 2004. – 560 с.
9. Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. – Л., 1925. – 290 с.
10. Лежнина Л.В. Психологическая наука и образование. – 2008. – № 1. – С. 38.
11. Медицинская энциклопедия. Педология [Электронный ресурс]. – URL: <http://medencpred.ru/> (дата обращения: 19.09.2013).
12. Словарь иностранных слов. – М., 1954. – 853 с.

УДК 378.015.3.025

Евенко С.Л.*Московский государственный областной университет*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У ПОДРОСТКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния типов семейных отношений на формирование черт перфекционизма у подростков. На основе анализа результатов психолого-педагогического исследования выявлено, что уровень сформированности черт перфекционизма максимален в «авторитарном типе» семейных отношений и минимален в «либеральном типе». «Здоровый» перфекционизм достигает большего развития в «демократическом типе» семейных отношений. В работе показано частотное распределение условий семейных отношений, в которых проживают испытуемые.

Ключевые слова: типы семейных отношений, перфекционизм, уровень сформированности черт перфекционизма, зависимость перфекционизма подростков от типа семейных отношений.

S. Yevenko*Moscow State Regional University*

FEATURES OF DEVELOPMENT OF PERFECTIONISM IN ADOLESCENTS, DEPENDING ON THE TYPE OF FAMILY RELATIONS

Abstract. The article is devoted to the study of correlation between the formation of perfectionism and types of family relations. Based on the analysis of results of psychological and pedagogical research it is revealed that the level of formation of perfectionism is maximal in an "authoritarian type" of a family relations and is minimal in a "liberal type" family. "Healthy" perfectionism reaches its maximum in a "democratic type" of family relations. The article shows frequency distribution of relations in the families of people tested.

Key words: types of family relations, perfectionism, level of perfectionism development, dependence of teenagers' perfectionism on different types of family relations.

Расширение экономических и социальных возможностей для россиян реализовать себя в основных сферах жизнедеятельности выступает мощным стимулом для человека применять максимально разнообразный арсенал поведенческих паттернов, знаний и умений для эффективного вхождения в социальную среду, занять в ней достойное положение.

Значительным потенциалом в решении данных задач является молодое

поколение, которое, обучаясь в школе, начинает планировать собственные действия относительно выстраивания траектории субъектного развития для достижения общественно-полезных и лично значимых целей.

Качество такого планирования определяется умением стремиться к достижению высоких результатов, при этом сохраняя физическое и психическое здоровье, что в конечном счете обеспечивает высокое качество жизни

человека. Однако стремление значительной части молодых россиян к достижению успеха в максимально короткие сроки приводит к негативным последствиям. Современные исследования ученых патологических стремлений к безупречным результатам при достижении цели свидетельствуют о том, что 34% учеников старших классов, склонных к безупречности при достижении цели в личностном развитии и обучении, испытывают негативные состояния, 18% отмечают, что несостоятельность идеальных жизненных планов является предметом навязчивых мыслей о собственной несостоятельности, 28% неудовлетворенны своим положением в социальных институтах семьи и образования [2]. В этих условиях существенно возрастает актуальность проблем взаимосвязи между перфекционизмом у подростков и особенностями отношений в семье.

В основе перфекционизма (от фр. *perfection*) лежит убеждение в возможности достижения безукоризненных результатов. Значимым для понимания сущности перфекционизма является определение К. Хорни признаков данного феномена, к которым она относит: а) избыточную пунктуальность, б) стремление к наведению идеального порядка, в) достижение безупречных результатов в работе, г) отсутствие недостатков во всех сферах жизнедеятельности, д) склонность к высоким моральными и интеллектуальными стандартами [10].

В отечественной психологии исследования перфекционизма связаны с именами психологов Б.С. Братусь, В.В. Гульдана, Н.С. Курек, Б.В. Зейгарник.

Исследуя психологические процессы личности при решении задач, Б.В. Зейгарник выявила взаимосвязь между уровнем притязаний и качеством запоминания текста. Честолюбивые испытуемые продемонстрировали наибольшее число незаконченных действий при запоминании [6]. В данном случае рассматривается ситуация, в которой стремление к идеальной цели определяется структурой задания, т. е. глобализация целей без их детализации (реальные цели) снижает качество выполнения задания, тогда как меньшие расхождения в целях дают положительные результаты.

Проблема детского перфекционизма активно разрабатывается в рамках педагогической психологии, учеными (С.В. Гани [3]; Е.В. Есиной, Л.А. Кислицкой [7]; Д.Г. Козиным, В.В. Назаренко [8]) активно изучается познавательная активность ребенка в школе. Ученые вводят понятие «комплекс отличника», «синдром отличника», «идеальный ученик», «круглый отличник» и в своих научных рассуждениях пытаются ответить на вопрос: насколько есть необходимость доводить обучение детей до самых высоких вершин – быть отличником.

Подводя итоги теоретического анализа подходов к изучению перфекционизма можно сделать вывод, что изучаемое явление представляет собой *чрезмерную (патологическую) устремленность к совершенству, которое проявляется в отношении к собственной личности* (высокая требовательность к себе, гипермотивация на успех, избегание неудач) и *результатам своей деятельности. Однако перфекционизм у подростков как личностное образование, обусловленный особенностями*

семейных отношений, исследовался не в полной мере.

Изучение средовых условий (тип семейных отношений), способствующих/препятствующих формированию перфекционизма у подростков, осуществлялось при помощи теста родительские отношения, для диагностики перфекционизма использовался опросник Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой [4; 9].

Последующее изучение психолого-педагогических установок по отношению к детям, выступающих в роли средовых предпосылок развития черт патологического стремления подростков к идеальным результатам, позволило выделить и описать типы семейных отношений, детерминирующих изучаемое явление.

На основе сочетания шкал опросника первый тип семейных отношений можно охарактеризовать как *авторитарный тип*. Данному типу свойственно: высокие показатели по шкале «отвержение», свидетельствующие о том, что взрослый испытывает по отношению к ребенку в основном

отрицательные чувства (раздражение, злость, досаду и пр.); низкие значения по шкале «симбиоз» указывают на то, что родители устанавливают значительную психологическую дистанцию между собой и ребенком; высокие баллы по шкале «контроль» говорят, что родители требуют от ребенка безоговорочного послушания [5]. К данному типу относится 37% обследованных семей (см. рис. 1).

Второй тип можно охарактеризовать как *либеральный*. Высокие значения по шкалам «кооперация» и «принятие» свидетельствуют о том, что родители принимают ребенка таким, какой он есть, уважает и признает его индивидуальность; низкие значения по шкале «контроль» указывают на предоставление ребенку почти во всем своей воле – 19% опрошенных семей.

Демократический тип семейных отношений характеризуется высокими показателями по шкале «симбиоз», т. е. между родителями и подростком отсутствует психологическая дистанция, они стараются всегда быть ближе к нему, удовлетворять его базовые

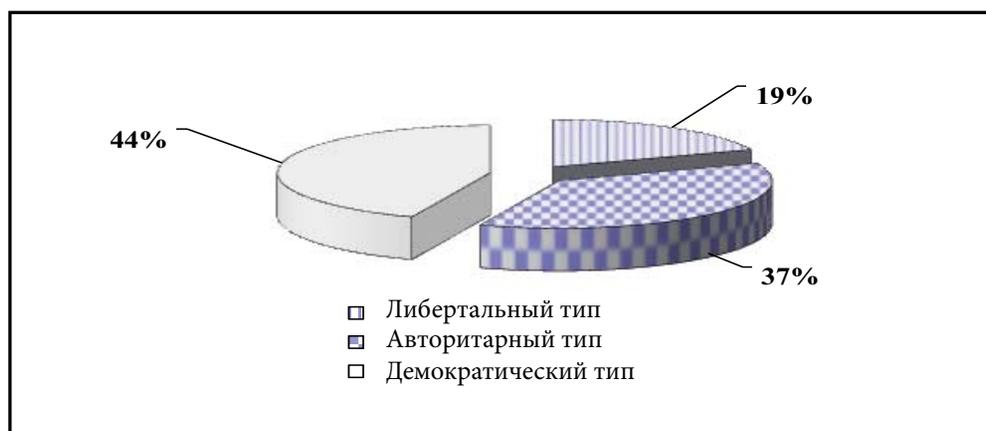

Рис. 1. Распределение типов условий семейных отношений (в %)

потребности, ограждать от неприятностей, в сочетании с разумным контролем поведения. К данному типу относится 44% обследованных семей.

Анализ распределения уровней сформированности черт перфекционизма у подростков в зависимости от типов условий семейных отношений свидетельствует об определенной взаимосвязи между данными признаками (см. рис. 2.).

Так, наблюдается обратно пропорциональная линейная зависимость формирования перфекционизма у подростков: уровень сформированности черт патологического уровня перфекционизма максимален в «авторитарном типе» и минимален в «либеральном типе» (61% и 9% соответственно).

Исходя из данного распределения, можно сделать вывод, что, подросток, выбирая стратегии поведения, жестко контролируется со стороны роди-

телей, подвергаясь мерам порицания за ошибки, и теряет всякий интерес к успеху, так как он не поощряется, его сознание в основном сосредоточено на избегании неудач, что в свою очередь порождает негативные эмоциональные состояния.

Существует прямо пропорциональная линейная взаимосвязь имплицитного уровня перфекционизма от типа семейных отношений: число подростков с плохо выраженными чертами перфекционизма максимально в «либеральном типе» (66%) семейных отношений и снижаются в «авторитарном типе» (12%).

В ситуации этого взаимодействия семья нежестко транслирует нормативные способы регуляции поведения подростка, подкрепляя положительные его формы позитивными санкциями, дети, имеющие ясные представления о целях своей деятельности, достаточно хорошо понимают свои

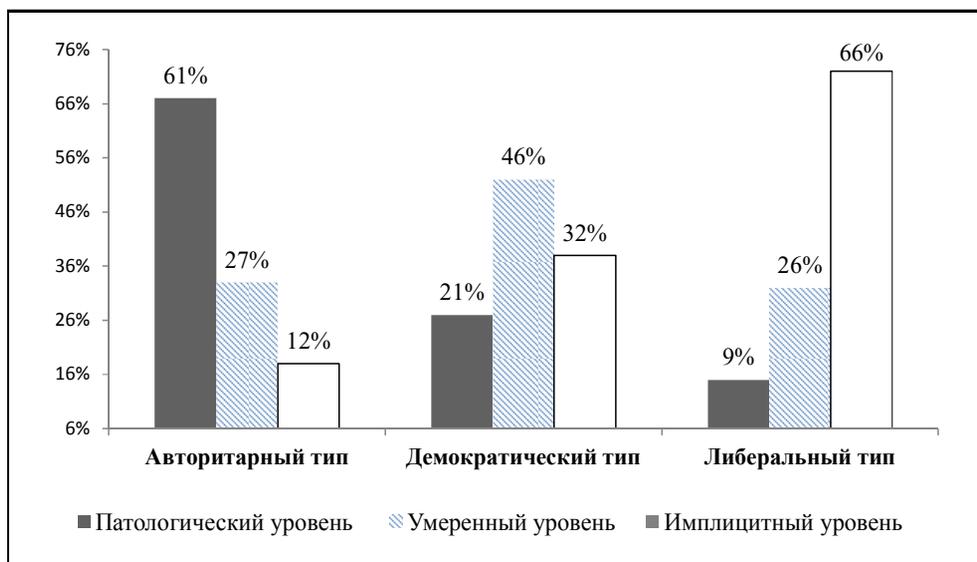

Рис. 2. Соотношение типов семейных отношений, способствующих/препятствующих развитию перфекционизма у подростков (в %)

эмоции и вырабатывают навык управления ими.

В «демократическом типе» преобладает умеренный уровень развитости черт перфекционизма (46%), неярко выражены патологический и имплицитный уровни перфекционизма (21% и 32% соответственно).

Распределение уровней перфекционизма у подростков в семьях с различными типами отношений свидетельствует о закономерности соответствия наличия семейных особенностей и чрезмерным стремлениям к безупречным результатам. Значимость различий в распределении уровней перфекционизма в зависимости от типа семейных отношений определялась по критерию хи-квадрат Пирсона на уровне $P < 0,01$ (для «авторитарного типа» $\chi^2 = 15,2$; «либерального типа» $\chi^2 = 14,6$ при $\chi^2 = 14,1$; для «демократического типа» $\chi^2 = 12,8$ – закономерностей не выявлено).

Распределение уровней перфекционизма подростков в семьях с различными типами отношений свидетельствует о наличии взаимосвязи между семейными отношениями и стремлением к безупречным результатам деятельности. Данные закономерности могут служить базовым принципом предупреждения и психолого-педагогической профилактики черт перфекционизма у подростков различными психотерапевтическими игровыми средствами [1].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богатырева М.Б. Семейное консультирование и игра как средства снижения высокого уровня тревожности у детей 5-6 лет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 1. – С. 19–23.
2. Воликова С.В. Современные исследования детского перфекционизма // Социальная и клиническая психиатрия, 2012. № 2. – С. 21–27.
3. Гани С.В. Развитие мотивации в младшем школьном возрасте. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 24 с.
4. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. – М., 2010. – 45 с.
5. Ефимова И.Н. Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 4. – С. 31–40.
6. Зейгарник Б.В. Патопсихология : учебник для бакалавров. – 3-е изд., пер. и доп. – М., 2013. – 470 с.
7. Кислицкая Л.А. Личностное развитие первоклассников, психологически готовых и не готовых к школьному обучению. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 24 с.
8. Назаренко В.В. Развитие мотивационной сферы детей 5-7 лет. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 23 с.
9. Холмогорова А.Б. Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. – М., 2006. – 54 с.
10. Хорни К. Самоанализ. – СПб., 2011. – 448 с.

УДК 159.9:37.015.3

Зотова Л.Э.*Московский государственный областной университет***ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ
УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования ведущих терминальных ценностей студентов-психологов. Показано, что приоритетными жизненными сферами студентов являются профессия и обучение. Выявлены значимые ценности в каждой из двух ведущих сфер жизни студентов. Эмпирическим путем доказано, что терминальные ценности в сфере учебной деятельности связаны с такими характеристиками, как учебная мотивация и удовлетворенность учебой в вузе. Особое внимание уделено ценностям творческой активности и духовного удовлетворения в сфере учебной деятельности и их взаимосвязям с параметрами мотивации и удовлетворенности обучением в вузе.

Ключевые слова: терминальные ценности, профессиональная и учебная жизненные сферы, учебные мотивы, удовлетворенность учебным процессом, креативность.

L. Zotova*Moscow State Regional University***INTERRELATION BETWEEN TERMINAL VALUES
OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS AND CHARACTERISTICS
OF THEIR STUDY ACTIVITIES**

Abstract. The article represents the results of an empirical study of the most important terminal values of students-psychologists. It is shown that profession and education are the priority vital fields for students. Some values important for students are identified in both leading fields. Empirically it is proven that terminal values in the field of education are related to motivation for studying and satisfaction with the results of studying at a university. Special attention is paid to the values of creative activity and moral satisfaction in the sphere of education and their interrelation with the parameters of motivation and satisfaction with the study.

Key words: terminal values, professional and educational spheres of life, motivation for studying, satisfaction with the process of study, creativity.

Современная концепция профессионального образования ориентирована на повышение уровня профессионализма будущих специалистов-психологов, что предусматривает овладение студентами целым арсеналом общекультурных и профессиональных компетенций.

От современного специалиста-психолога требуется не только достойный уровень знаний, но и моральная ответственность за последствия своей деятельности, отношение к человеку как ценности высшего порядка, творческого, нестандартного подхода к исполнению профессиональных задач.

© Зотова Л.Э., 2014.

Актуальность данного исследования определена тем, что подготовка специалиста, деятельность которого связана с оказанием психологической помощи населению, требует пристального внимания к формированию его мировоззрения, нравственных критериев и ценностей студентов. Этап обучения в вузе является сензитивным периодом для формирования ценностно-смысловой сферы будущих специалистов. Студенты, попадая в вуз, стремятся выработать и принять такие общечеловеческие и профессиональные ценности, которые позволили бы им найти свое место в будущей профессии и в жизни в целом.

Как отмечает Н.А. Коваль, образовательное пространство вуза является определяющим для формирования личности студента как будущего специалиста и происходит в контексте его профессионального становления в нравственной, познавательной, эстетической сферах в форме процесса восхождения к вершинам мастерства [2].

Современный подход к обучению в вузе направлен на формирование профессиональных ценностей, которые включены с иерархическую систему жизненных ценностных ориентаций личности. С.Ю. Шалова отмечает: «Для человека принадлежность к определенной профессии означает, с одной стороны, принятие ее общественно признанных ценностей, а с другой – очерчивает некое ценностное пространство, определяющее нормы и принципы профессиональной деятельности и поведения» [8].

На взаимосвязь профессиональных стратегий и ценностных ориентаций молодежи указывают Л.Н. Банникова, Ю.Р. Вишневецкий, М.В. Певная:

«Опираясь на сложившуюся систему ценностных ориентаций, молодежь выбирает вуз, факультет, будущую специальность, то есть самоопределяется в профессии. Поступление в вуз не снимает для молодого человека вопросы профессионального выбора, поиска своего профессионального пути. Начинается сложный процесс переосмысления студентами своего выбора, его оценки с учетом новых знаний, полученного опыта учебы в вузе по выбранной профессии, взаимодействия с преподавателями, студентами старших курсов, одногруппниками» [7, с. 4].

Немаловажное значение в становлении ценностных ориентаций, в том числе и профессиональных ценностей, отводится таким характеристикам учебной деятельности, как удовлетворенность и мотивация учебной деятельности студентов. Так, в диссертационном исследовании О.В. Гавриловой выявлено, что компоненты ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности студентов содержанием и процессом обучения оказывают непосредственное взаимное воздействие друг на друга [3].

Одним из компонентов удовлетворенности студентов процессом обучения в вузе является удовлетворенность взаимодействием с преподавателями. По мнению Н.А. Коваль, среда в вузе, взаимодействие с преподавателями представляет собой пространство, в котором происходит взаимообмен духовными ценностями. Преподаватель, осуществляя педагогическое и воспитательное воздействие, является ключевой фигурой в образовательном процессе, от качества этого взаимодействия зависит удовлетворенность студентов учебной деятельностью,

формируются внутренние или внешние учебные мотивы, определяется его ценности [2].

Проблема данного исследования состоит в том, что существует противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, процесс обучения в вузе направлен на формирование профессиональных ценностей студентов, которые помогают им осознать себя в мире профессии, развивать профессиональное мировоззрение; с другой стороны, формирование профессиональных ценностей в процессе обучения происходит опосредованно, через ряд характеристик учебной деятельности, в частности таких, как учебная мотивация и удовлетворенность учебой. Направленность образовательного процесса на формирование профессиональных ценностей может приходиться в противоречие с низкой удовлетворенностью студентов учебой и внешней учебной мотивацией.

Проблема ценностей человека отражена в работах Б.Г. Афаньева, Е.А. Афиногеновой, Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, Б.И. Доданова, А.И. Донцова, Г.Е. Залесского, Е.А. Климова, И.С. Кона, Б.С. Круглова, В.Н. Куницыной, Д.А. Леонтьева, В.С. Мухиной, Л.М. Смирнова, В.С. Собкина, В.В. Столина, Е.В. Шороховой, В.А. Ядова и др.

Исследование взаимосвязи ценностных ориентаций студентов и характеристик учебной деятельности (мотивации и удовлетворенности обучением) базируется на понимании ценностных ориентаций студентов, изучением которых занимались А.А. Крылов, Н.А. Коваль, В.А. Латышев, Н.Н. Мачурова, А.В. Петровский, Э.И. Рау, Т.П. Турина и др.

Проблемой учебной мотивации студентов занимались: Н.А. Бакшаева, А.А. Вербицкий, Н.М. Владимировна, Г.А. Габайдулина, Н.В. Камусова, Н.И. Мешков, А.Ю. Попова, А.А. Реан, В.И. Чирков, В.А. Якунин и др.

Удовлетворенность студентов учебной деятельностью изучали: Г.В. Акопов, И.А. Бахтина, Р.Р. Бибрих, О.В. Гаврилова, Т.А. Иванова, М.М. Лапшин, А.Я. Левин, Л.В. Мищенко, Ю.М. Орлов и др.

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие психологических работ, посвященных изучению отдельных характеристик обучения в вузе, проблема, касающаяся взаимосвязи ценностной сферы с мотивацией и удовлетворенностью студентов учебной деятельностью, недостаточно исследована.

Объектом исследования явилась система терминальных ценностей студентов.

Предметом – взаимосвязь терминальных ценностей студентов с учебной мотивацией и удовлетворенностью студентов учебной деятельностью в вузе.

Целью исследования явилось выявление взаимосвязи ценностей студентов с характеристиками учебной деятельности и ее анализ.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Выявить ценностные предпочтения студентов и ведущие жизненные сферы.
2. Определить ведущие учебные мотивы студентов.
3. Исследовать уровень удовлетворенности студентов учебной деятельностью.
4. Выявить взаимосвязь терминальных ценностей студентов с веду-

щими учебными мотивами и удовлетворенностью учебной деятельностью.

В исследовании приняли участие 57 студентов 2 и 4 курсов факультета психологии МГОУ.

Студентам был предложен блок методик:

1) опросник терминальных ценностей И.Г. Сенина;

2) опросник на определение учебной мотивации студентов А.А. Реана и В.А. Якунина;

3) опросник удовлетворенности учебной деятельностью (УУД) Л.В. Мищенко;

4) опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана.

Анализ ценностей студентов показал, что по двум видам терминальных ценностей: «развитие себя» и «высокое материальное положение», большая часть студентов отметила высокую степень направленности.

Ориентация на материальные ценности отражает стремление молодежи к получению материальных благ, и студенты с направленностью данного типа рассматривают достаток как необходимое условие «успешности» жизни. Выявлено, что 80% студентов ориентированы на повышение уровня своего благосостояния. Направленность на данную ценность может объясняться бытовой и материальной неустроенностью студентов.

Высокий уровень ориентации на ценность «развитие себя» выявлен у 74% студентов, а это указывает на то, что студенты проявляют интерес к своей личности, умеют давать себе психологические характеристики, выявлять свои потенциальные возможности, стремиться к самосовершенствованию. Вероятно, включенность студен-

тов в процесс обучения на факультете психологии развивает у студентов навыки саморефлексии и стремление к самопознанию.

Таким образом, студенты-психологи ориентированы на поиск баланса между диаметрально противоположными ценностями: материальным благополучием и саморазвитием. Успешное продвижение в жизни направлений обеих этих ценностей рассматривается студентами как условие достижения гармоничной жизни.

Выявлено, что из пяти рассматриваемых жизненных сфер: профессиональной, обучения, семьи, общественной жизни и увлечений, самыми значимыми для студентов являются ориентация на профессию и обучение (образование). Именно этим жизненным сферам студенты посвящают большую часть своего времени, в них находятся основные интересы и чаяния студентов, именно они определяют их будущее: становление профессионального «Я», материальный достаток, уровень профессиональных знаний, умение преломить эти знания для личностного саморазвития.

При рассмотрении этих двух жизненных сфер молодежи оказалось, что представленность терминальных ценностей в них различна.

Так, в сфере профессиональной жизни 80% студентов отметили как значимые ценности духовное удовлетворение, высокое материальное положение (по 55% опрошиваемых), 45% студентов высоко оценили в равной степени такие ценности, как развитие себя, собственный престиж и сохранение индивидуальности.

Несколько по-другому студенты указали на ценности в сфере обуче-

ния: чаще всего студенты упоминали высокое материальное положение (75%), активные социальные контакты (68%), достижения (64%) и развитие себя (56%).

Таким образом, мы можем констатировать, что как в сфере профессиональной жизни, так и в сфере обучения студентам присущи различные по своей направленности ценности: материального порядка, социальные и духовные. Однако в сфере обучения материальные и социальные ценности преобладают над духовными.

Интересным является факт, что такая ценность, как «креативность» чаще всего связывается студентами со сферой обучения (39%).

Исходя из высокой значимости для студентов сферы обучения и будущей профессиональной жизни, необходимо отметить особую роль процесса обучения студента в вузе и его качественные характеристики: направленность учебной мотивации и удовлетворенность студентов учебной деятельностью.

Под учебной мотивацией студентов мы понимаем частный вид мотивации студентов, включенный в учебную деятельность.

Выявлено, что ведущим мотивом у студентов является профессиональный мотив (74%), следующие по значимости – коммуникативный и социальный мотивы, далее – мотив престижа.

Тревожащим фактом является то, что такие внешние мотивы, как коммуникативный, социальный и мотив престижа в большей степени характеризуют выборку студентов, чем внутренние мотивы – учебно-познавательный и творческой самореализации. Страх быть неуспешным, смешным, желание избежать неприятностей, получить

похвалу и одобрение одногруппников и преподавателей – вот те лидирующие мотивы, которые определяют учебную деятельность студентов.

При изучении мотивации учебной деятельности, мы опирались на понимание того, что она находится в тесной взаимосвязи с другой характеристикой учебной деятельности: удовлетворенности студентов учебным процессом. О взаимосвязи данных характеристик говорили Ю.М. Орлов, Н.Д. Творогова, В.И. Шкуркин, понимая под удовлетворенностью эмоциональное содержание учебной деятельности, являющееся необходимым условием обучения, рассматривая это понятие как интегральное переживание, возникающее вследствие удовлетворения потребностей, вовлеченных в учебную деятельность. Ю.М. Орлов указывает на определяющую роль удовлетворенности потребностей в развитии мотивационных процессов. Удовлетворенность повышает мотивацию учения, а неудовлетворенность – снижает. Также авторы отмечают, что неудовлетворенность усиливает внешнюю, защитную мотивацию в ущерб внутренней – познавательной, творческой [5].

Исследование удовлетворенности студентов учебной деятельностью выявило, что студенты наибольшую степень удовлетворенности испытывают от выбранной профессии (14% – показали высокий уровень удовлетворенности, 64% – средний) и организации учебной деятельности (7% и 64% – соответственно). Меньше всего студенты удовлетворены воспитательной работой в вузе (66% студентов имеют низкий уровень удовлетворенности), своим бытом, досугом и здоровьем (56%), а также взаимодействием с пре-

подавателями и руководством факультета (49%).

Таким образом, были определены проблемные звенья в эмоциональном принятии студентами учебной деятельности.

Далее мы обратились к вопросу, каким образом связаны характеристики учебной деятельности студентов (мотивация и удовлетворенность учебной деятельностью) с ведущими терминальными ценностями студентов и приоритетными сферами их жизни. Мы анализировали взаимосвязи только двух ведущих жизненных сфер студентов: профессиональной и сферы обучения. Полученные данные представлены в табл. 1 и 2.

Оказалось, что чем больше студенты направлены на самореализацию в профессиональной сфере и сфере обучения, тем более для них значим мотив творческой реализации.

Напомним, выше мы уже отмечали, что креативность как терминальную ценность молодежь связывает чаще именно со сферой обучения, по сравнению с другими жизненными сферами.

Данный факт может информировать преподавателя о важности предоставления поля для творческой работы студентов с целью удовлетворения их потребности в креативности в процессе обучения.

Интересным является факт, что чем более значима профессиональная сфера для студентов, тем более для них важен внутренний мотив творческой реализации и менее значимыми становятся внешние мотивы. В сфере обучения выявлены корреляционные связи как с внутренними, так и с внешними мотивами: то есть действует такой тип детерминации поведения, когда иницирующие и регулирующие факторы находятся во внешней среде.

Далее мы анализировали взаимосвязь удовлетворенности учебной деятельностью и жизненных ценностей студентов только в тех сферах, которые являются наиболее значимыми для студентов-психологов. Данные корреляционного анализа представлены в табл. 2.

Выявлено, что наибольшее количество взаимосвязей терминальных ценностей в ведущих жизненных сферах студентов выявлено с такой характеристикой обучения в вузе, как удовлетворенность воспитательным процессом. С удовлетворенностью воспитательным процессом связаны креативность в профессиональной деятельности и в сфере обучения, активные социальные контакты и духовное удовлетворение в сфере обучения. К сожалению, выявленная нами (как отмечалось выше) низкая степень удовлетворенности студентов

Таблица 1

**Взаимосвязь ведущих сфер жизни студентов с учебными мотивами
(по результатам корреляционного анализа*)**

Сфера жизни / учебный мотив	Мотив творч. самореал.	Мотив избегания	Мотив престижа	Социальный мотив
Профес.	+ ,295	-,005	-,007	
Образов.	+ ,358	+ ,125	+ ,198	+ ,196

*Корреляции значимы на уровне 0,01

Таблица 2

**Взаимосвязь терминальных ценностей в сфере обучения
и профессиональной жизни с удовлетворенностью студентов
учебной деятельностью (по результатам корреляционного анализа*)**

Удовлетвор. учебной деятельностью и мотивы / Терминальные ценности	Удовл. учебн. процессом	Удовл. воспитат. процессом	Удовл. профессией	Удовл. бытом	Мотив творч. реализацией	Мотив избегания	Мотив престижа
Креативность в профессиональн. жизни	+ , 023	+ , 092			+ ,309		
Креативность в обучении		+ , 192	+ , 086		+ , 436		
Активные социальные контакты в обучении		+ , 032	- , 062				
Развитие себя в сфере обучения				+ , 189	+ ,396		
Духовное удовлетворение в сфере обучения	+ ,220	+ ,084	+ ,034	+ ,067			
Собственный престиж в сфере обучения						+ ,528	+ ,389

*Корреляции значимы на уровне 0,01

этой формой работы может негативно отражаться на становлении у студентов ценностных ориентиров в профессиональной и образовательной сфере.

Как отмечает Л.В. Мищенко, «удовлетворенность воспитательным процессом возникает, если воспитательная работа помогает научиться успешно жить в данном обществе; стать преуспевающим современником данной эпохи, удачливым сверстником своего поколения; формировать умение видеть проблемы современной жизни и решать их в меру своих сил и возможностей; сформировать и развить социально-значимые качества» [4, с. 123]. В связи с этим необходимость повышения качества воспитательной работы является одним из приоритетных направлений работы вуза.

Анализ корреляционных связей позволил акцентировать внимание на

еще одной закономерности – ряд характеристик учебной деятельности, в частности, такие, как удовлетворенность учебным и воспитательным процессом, удовлетворенность выбранной профессией и бытом, а также мотив творческой реализации, имеют положительную корреляцию с терминальной ценностью «креативность» в профессиональной и учебной сфере. Креативность в обучении и профессиональной деятельности является показателем готовности студента нестандартно подходить к решению творческих профессиональных задач, сохранять гибкость при выполнении различных видов учебной и профессиональной деятельности. Вполне естественно, что креативность студентов является результатом педагогической деятельности, ее учебной и воспитательной составляющей, по формиро-

ванию у студентов мотивации творческой реализации.

Также следует обратить внимание на взаимосвязи таких характеристик учебной деятельности, как удовлетворенность студентов учебным и воспитательным процессом, удовлетворенность профессией и бытом с терминальной ценностью «духовное удовлетворение в сфере обучения». Под духовным удовлетворением в обучении понимается руководство морально-нравственными принципами, преобладание духовных потребностей над материальными. Специфика обучения на психологическом факультете состоит в том, что за время обучения студенты имеют возможность раскрыть свой личностный потенциал с целью повышения своих возможностей оказания профессиональной помощи населению, научаются навыкам эмпатии и присоединения, умения принимать и понимать другого. В исследовании Е.А. Лариной доказано, что студенты-психологи характеризуются направленностью на творческую самореализацию, эмпатию и духовное удовлетворение в обучении [3].

Таким образом, создание условий в вузе, повышающих удовлетворенность студентов учебной деятельностью, может рассматриваться в связи с формированием одной из необходимых терминальных ценностей в сфере обучения – ценности духовного удовлетворения.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:

1. Самыми важными жизненными сферами для студентов являются профессиональная сфера и сфера образования. Как в сфере профессиональной

жизни, так и в сфере обучения студентам присущи различные по своей направленности ценности: материального порядка, социальные и духовные. Однако в сфере обучения материальные и социальные ценности преобладают над духовными.

2. У студентов-психологов преобладают внешние учебные мотивы (коммуникативный, социальный и мотив престижа) над внутренними (учебно-познавательный и творческой самореализации).

3. Наибольшую степень удовлетворенности в учебе студенты испытывают от выбранной профессии и организации учебной деятельности. Меньше всего студенты удовлетворены воспитательной работой в вузе, своим бытом, досугом и здоровьем, а также взаимодействием с преподавателями и руководством факультета.

4. Корреляционный анализ терминальных ценностей студентов с характеристиками учебной деятельности позволил обратить особое внимание на ценность творческого подхода в учебной и профессиональной сфере. Чем больше студенты направлены на самореализацию в профессиональной сфере и сфере обучения, тем более для них значим мотив творческой реализации в вузе. Креативность связана и с такими характеристиками, как удовлетворенность студентов учебным и воспитательным процессом, выбранной профессией и бытом.

5. Духовное удовлетворение студентов-психологов в сфере обучения связано с их удовлетворенностью учебным и воспитательным процессом в вузе, удовлетворенностью выбранной профессией, бытом и здоровьем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаврилова О.В. Взаимосвязь удовлетворенности и мотивации учебной деятельности студентов в системе многоуровневого образования: Дис. ...канд. психол. наук. – Казань, 2000. – 270с.
2. Коваль Н.А. Духовность в системе профессионального становления специалиста: Дис. ...докт. психол. наук. – М., 1997. – 464 с.
3. Ларина Е.А. Структура и динамика мотивационной сферы личности студентов разных направлений профессионального образования. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. – М., 2010. – 29 с.
4. Мищенко Л.В. К проблеме диагностики отношения студентов к учебной деятельности // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 3. – С. 122-128.
5. Орлов Ю.М., Творогова Н.Д., Шкуркин В.И. Стимулирование побуждения к учению. – М., 1988. – 120 с.
6. Плахотникова И.В., Зотова Л.Э. Особенности личности преподавателя высшей школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2011. №2. – С. 149–156.
7. Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса: информационно-аналитический отчет / под ред. Ю.Р. Вишневого, Л.Н. Банниковой, М.В. Певной. – Екатеринбург, 2010. – 194 с.
8. Шалова С.Ю. Профессиональные ценности в системе ценностных ориентаций студентов педвуза [Электронный ресурс]. URL: <http://publ.naukovedenie.ru> (дата обращения: 13.03.2014).

УДК 159.9.072.423

Чигринова И.А., Новикова М.А.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова***СВЯЗИ РИГИДНОСТИ, ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И УРОВНЕЙ НРАВСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ
С АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТЬЮ СТУДЕНТОВ¹**

Аннотация. В статье показано, как связаны между собой личностное свойство ригидности, толерантности к неопределенности и уровни нравственного самосознания личности, также установлена их связь с успеваемостью студентов, выделены некоторые возможные предикторы успеваемости. Также были выявлены гендерные различия в непринятии неопределенности в межличностных отношениях и в выраженности некоторых форм ригидности. Кроме того, результаты исследования позволяют расширить выделенную ранее латентную переменную интолерантности к неопределенности за счет включения в нее свойства ригидности.

Ключевые слова: ригидность, толерантность к неопределенности, уровни нравственного самосознания, успеваемость, гендерные различия.

I. Chigrinova, M. Novikova*Lomonosov Moscow State University***CONNECTIONS OF RIGIDITY AND TOLERANCE
WITH UNCERTAINTY AND OF MORAL SELF-CONSCIOUSNESS
LEVELS WITH STUDENTS' PROGRESS IN STUDIES**

Abstract. In this article the connections between personal characteristics of rigidity and tolerance to uncertainty are shown, as well as the levels of moral self-consciousness. The connection of each personal characteristic with students' progress in studies is discovered and some possible predictors of the progress are shown. Likewise the gender differences in intolerance in personal relationships and in some forms of rigidity were brought out. Besides, the results of the research allow to extend earlier extracted latent variable of Intolerance to uncertainty due to including personal characteristic of rigidity in it.

Key words: rigidity, tolerance to uncertainty, levels of moral self-consciousness, progress in studies, gender differences.

Принцип неопределенности, открытие которого принадлежит изначально области квантовой механики (см. работы Гейзенберга), претерпевает развитие в рамках философии

науки и ко второй половине XX-го в. уже становится новым принципом понимания мира в целом, а также места в нем человека. В рамках психологии принцип неопределенности неразрывно связан с эволюцией взглядов на проблемы детерминизма – индетерминизма, субъективного-объективного,

© Чигринова И.А., Новикова М.А., 2014.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-06-00049).

а также развитием таких понятий, как толерантная личность (А.Г. Асмолов) и функционально-уровневая организация регуляции принятия решений (Т.В. Корнилова). Неопределенность для психологии – это, между тем, не только фундаментальный принцип, но еще и характеристика реальности, с которой постоянно сталкивается субъект. Соответственно, вопрос о личностных предпосылках того или иного типа отношения к ней развивается с середины XX-го века – начиная с работ Э. Френкель-Брунsvик, введшей в психологию понятие «толерантности к неопределенности» (ТН), понимаемой как толерантность к неясности, двусмысленности, многозначности стимулов, сложности их интерпретации [9]. Годом позже она же ввела в науку понятие «интолерантности к неопределенности» (ИТН), как стремления к ясности. В рамках апробации на российской выборке «Нового опросника толерантности к неопределенности» (НТН) [2], объединившего, согласно схеме А. Фёрнхема, 4 наиболее известные ранее в зарубежной литературе шкалы принятия/непринятия неопределенности, было показано, что ТН и ИТН являются отдельными, самостоятельными свойствами (а не полюсами одной шкалы). В качестве отдельного свойства также была выделена интолерантность к неопределенности в межличностных отношениях – МИТН [2].

Введенные Э. Френкель-Брунsvик понятия толерантности и интолерантности к неопределенности (ТН и ИТН), а также выделенное понятие «интолерантности к неопределенности в межличностных отношениях» (МИТН) [9] рассматриваются в совре-

менных отечественных исследованиях в качестве важнейших составляющих интеллектуально-личностного потенциала человека, реализуемого им при принятии решений. В рамках исследований, проведенных коллективом под руководством Т.В. Корниловой (к которому принадлежат авторы), проверялись гипотезы о соотношении ТН и ИТН в регуляции морального выбора [4], в связях с самооценкой интеллекта и психометрическим интеллектом [3], а также в связях с академической успеваемостью [7].

В последнее время внимание исследователей привлекает соотнесение конструктов ТН и ригидности, традиционно рассматриваемых скорее как разнонаправленные в регуляции выбора, ведь если ТН предполагает «стремление к изменениям, новизне и оригинальности <...> иметь возможность выхода за рамки принятых ограничений» [5, с. 52], то ригидность, напротив, определяется как «неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания и т. п.» [1, с. 39] и связывается с фиксированными формами поведения. Ранее нами была установлена связь ТН и ИТН с выделенными «доличностным» и «личностным» уровнями [4] на уровне измеряемых переменных, показано влияние латентных переменных ТН, ИТН и уровней нравственного самосознания на выбор в моральных дилеммах [8], показана связь ТН, самооценки интеллекта и академической успеваемости [3; 7]. Отдельными исследовательскими вопросами становятся а) взаимосвязь личностного свойства ригидности, толерантности и интолерантности к неопределенности

и уровней нравственного самосознания, б) возможное влияние выделенных свойств на академическую успеваемость, в) возможность выделения общего латентного фактора (или факторов), стоящих за получаемыми связями [3; 4; 7; 8].

Гипотезы исследования:

1. Личностное свойство ТН отрицательно связано с показателями ригидности, ИТН и МИТН – положительно связаны с показателями ригидности, соответственно.

2. Ригидность как личностное свойство положительно связана с выраженностью измеряемых переменных, входящих в «доличностные» уровни нравственного самосознания.

3. «Доличностные» уровни и ригидность отрицательно влияют на академическую успеваемость за счет невозможности поставить себя на другую точку зрения.

В исследовании принял участие 91 студент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, из них 45 мужчин и 46 женщин, средний возраст 19,7 лет.

Испытуемые тестировались по следующим личностным методикам: а) «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой [2], включающий три шкалы – толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности; б) Томский опросник ригидности – ТОРЗ Г.В. Залевского [1], состоящий из следующих шкал: симптомокомплекс ригидности (СКР), чувствительная ригидность (СР), установочная ригидность (УР), ригидность как состояние (РСО), преморбидная ригидность (ПМР) и двух контроль-

ных шкал – шкалы лжи (ШЛ) и шкалы реальности (ШР); в) опросник Справедливость – Забота (С-3) в апробации С.В. Молчанова [6], включающий такие шкалы, как доконвенционный уровень, конвенционный уровень, постконвенционный уровень, самозабоченность, самопожертвование, самоуважение. Показателем академической успеваемости выступал индекс GPA (Grade Point Average).

В ходе исследования были достигнуты следующие результаты:

1. Выявлены значимые отрицательные связи между ТН и установочной ригидностью ($\rho = -0.39$, $p = 0.00$); также показаны значимые положительные связи большинства субшкал опросника ТОРЗ с ИНТ и МИТН: ИТН и симптомокомплекс ригидности, чувствительной ригидности, установочной ригидности, преморбидной ригидности; МИТН и симптомокомплекс ригидности, актуальной ригидности, чувствительной ригидности, ригидности как состояния и преморбидной ригидности (см. табл. 1), а также МИТН с успеваемостью $\rho = 0,26$, $p = 0,02$. Таким образом, мы принимаем нашу первую гипотезу.

2. Гипотеза о связи ригидности с «доличностными» уровнями нравственного самосознания частично принимается: две шкалы ригидности СКР и СР оказались связанными с одной шкалой «доличностного» уровня, конвенциональным уровнем ($\rho = 0.31$, $p = 0.016$ и $\rho = 0.36$, $p = 0.00$ соответственно).

3. Были выявлены уже описанные ранее связи между шкалами ИТН и С-3 [4; 8], что лишнее раз говорит в пользу надежности данных.

4. С помощью метода линейной регрессии, позволяющего, в отличие от

корреляционного анализа, не просто выявлять связи, но и устанавливая их направленность, то есть выделять некоторые переменные в качестве предикторов и на этом основании строить прогнозы, было выявлено влияние шкалы МИТН на академическую успеваемость ($Успеваемость = 0,018 * МИТН + 3,663$, $p = 0,03$, $R^2 = 0,06$).

5. Метод логистической регрессии (с предварительным созданием дихотомической шкалы успеваемости (высокая и низкая)) подтвердил влияние МИТН, но также выявил отрицательный вклад доконвенционального уровня. При этом, включение в анализ доконвенционального уровня повышает предсказательную силу модели (с $R^2 = 0,074$ до $R^2 = 0,137$). Таким об-

разом, $Успеваемость = 0,097 * МИТН - 0,206 * Доконвенциональный\ уровень + 0,206$; третья гипотеза принимается лишь частично, поскольку влияния шкал ригидности на успеваемость не выявлено.

6. Нами также был проведен анализ гендерных различий. Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) выявил значимое различие между выборками мужчин и женщин по шкале МИТН ($F = 4,096$, $p = 0,05$), шкале СКР ($F = 4,053$, $p = 0,05$), шкале АР ($F = 6,063$, $p = 0,02$), шкале УР на уровне тенденции ($F = 3,223$, $p = 0,08$), а также по успеваемости ($F = 9,916$, $p = 0,00$) – выраженность всех указанных шкал выше в женской выборке.

Таблица 1

Матрица корреляций шкал НТН и ТОРЗ

	СКР	АР	СР	УР	PCO	ПМР
ТН				$\rho = -0.39$, $p = 0.00$		
ИТН	$\rho = 0.22$, $p = 0.04$		$\rho = 0.21$, $p = 0.05$	$\rho = 0.38$, $p = 0.00$		$\rho = 0.26$, $p = 0.01$
МИТН	$\rho = 0.33$, $p = 0.00$	$\rho = 0.29$, $p = 0.00$	$\rho = 0.43$, $p = 0.00$		$\rho = 0.40$, $p = 0.00$	$\rho = 0.22$, $p = 0.04$

Основываясь на статическом анализе, мы принимаем первую гипотезу нашего исследования, две другие принимаются частично. Так, в соответствии с первой гипотезой, было показано, что более ригидные люди, т. е. те, кто не готов менять свое мнение, установки, те, кто склонны к повторению одних и тех же эмоциональных реакций, не приемлют неопределенность в своей жизни. Люди, не переносящие неопределенности в межличностных отношениях, с высокой долей вероятности воспринимают ситуации, в ко-

торых им не удастся однозначно проинтерпретировать или предугадать поведение партнера как стрессовые, что «запускает» в них фиксированные формы поведения (например, конфликт).

В рамках проверки второй гипотезы было показано, что неспособность подстроить себя под требования ситуации связана со склонностью ориентироваться на авторитеты (конвенциональный уровень самосознания), где не требуется принятие нового или изменения собственного мнения под

влиянием ситуации. Однако предполагаемых связей ригидности с другими показателями «доличностного» уровня выявлено не было, что говорит о том, что склонность ориентироваться на собственные интересы и удовольствие не предполагает ригидности, и наоборот.

Было также показано: на академическую успеваемость положительно влияет межличностная интолерантность к неопределенности, что, скорее всего, связано с недопущением студентами с выраженной МИТН двусмысленных ситуаций в общении с преподавателем, четким выполнением субординации. Это предположение подтверждает выявленный отрицательный вклад доконвенционального уровня: ориентация только на собственные эгоистичные интересы и неспособность относиться к другому как ценности, т.е. с должным уважением, не способствует повышению успеваемости, поскольку образовательная система включает в себя не только объективный факт наличия знаний, но и построение некоторой системы отношений студент – преподаватель.

Наконец, анализ гендерных различий показал, что женская выборка по сравнению с мужской в большей степени не терпит неопределенности в межличностных отношениях, у женщин выше склонность к ригидному поведению в целом, а также они реже готовы принимать новое и менять собственное мнение и установки. Вероятно, это в большей степени связано с системой воспитания и восприятия женщины в обществе, где ей отводится четкая роль, с которой связаны определенные ожидания, которые интроецируются женщинами, в то время как для муж-

чин существует более широкое пространство для самоопределения.

Таким образом, на основе полученных связей можно предположить, что ригидность может являться одной из составляющих латентной переменной ИТН, выделенной в наших работах (те же работы), что также может объяснять связь ригидности и «доличностных» уровней самосознания. Кроме того, полученные данные показывают также, что не только интеллект является предиктором успеваемости, но и система взаимоотношений студентов с преподавателями также оказывает влияние на успеваемость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). – М., 2004. – 460 с.
2. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. № 1. – С. 74–86.
3. Корнилова Т.В., Новикова М.А. Самооценка интеллекта в структурных связях с психометрическим интеллектом, личностными свойствами и академической успеваемостью [Электронный ресурс]. Психологические исследования [сайт]. – 2012, 5(23), 2. – URL: <http://psystudy.ru>. 0421200116/0026. (дата обращения: 17.03.2014)
4. Корнилова Т.В., Чигринова И.А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 2. – С. 69–87.
5. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. – М., 2010. – 334 с.

6. Молчанов С.В. Структура морального поведения в концепции Дж. Реста // Психология и школа. – 2005. – № 1. – С. 111–132.
7. Новикова М.А. Гендерные особенности связи самооценки интеллекта, успеваемости и личностных свойств студентов // Вестник Московского университета, серия 14 «Психология». 2011. № 3. – С. 76–86.
8. Чигринова И.А. Принятие неопределенности и макиавеллизм в регуляции морального выбора [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал [сайт]. – 2010. – № 5(13). URL: <http://psystudy.ru>
9. Frenkel-Brunswik E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable // American Psychologist. – 1948. – V. 3. – P. 268–269.

Приложение 1

Пример задачи на манипулятивный выбор

4. Вы увидели в магазине потрясающую вещь, о которой всегда мечтали. Эта вещь дорогая, но, имея дисконтную карту, можно получить хорошую скидку. У Вас нет такой дисконтной карты. Будете ли Вы заигрывать с продавцами, чтобы заполучить эту дисконтную карту?

- А) Да, постараюсь понравиться продавцу, мне так хочется эту вещь.
- Б) Нет, не буду завоевывать симпатию, лучше останусь без карточки и скидки.
- В) Да, буду заигрывать с продавцом, но по другой причине (укажите, по какой).

Г) Нет, не буду заигрывать с продавцом, но по другой причине (укажите, по какой).

Контрольная задача на выбор, связанный с неопределенностью

5. Вы летите из Москвы в Нью-Йорк с пересадкой в Цюрихе. Время между рейсами 4 часа. У Вас есть открытая Шенгенская виза, которая позволяет Вам провести эти 4 часа в городе, а не сидеть в аэропорту. От аэропорта до города 40 минут езды. Поедете ли Вы в город?

- А) Останусь в аэропорту – точно никуда не опоздаю.
- Б) Поеду в город – какое-никакое приключение.
- В) Останусь в аэропорту, но по другой причине (укажите, по какой).

Г) Поеду в город – но по другой причине (укажите, по какой).

РАЗДЕЛ IV

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.9+347.97

Кобец А.В.

Национальная академия прокуратуры Украины (г. Киев)

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОТБОР КАДРОВ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. Потребность в значительном улучшении деятельности правоохранительных органов в обеспечении качественного надзора за соблюдением закона стала стимулом для рассмотрения проблемы психологической оценки и профессионального отбора кандидатов на должность в системе прокуратуры. В статье формулируются основные требования, предъявляемые к системе психологической оценки прогнозирования профессиональной пригодности прокурорско-следственных работников, выделяются основные этапы разработки системы психологической оценки на основе профессиографического подхода.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профессионально-психологический отбор, профессиональная пригодность, профессиональная успешность, прокурорско-следственные работники.

A. Kobets

The National Academy of Public Prosecutor's Office of Ukraine, Kiev

PROFESSIONAL-PSYCHOLOGICAL PERSONNEL SELECTION INTO PUBLIC PROSECUTION BODIES

Abstract. The need for considerable improvement of law enforcement body in ensuring proper supervision of adherence of law has become the main stimulus for studying the problem of psychological evaluation and professional selection of candidates for a position in the prosecutor's office. The article presents the main requirements for the system of psychological assessment forecasting professional suitability of prosecutors and investigators. Besides, the author highlights the main stages of the designing the system of psychological assessment based on professional-graphic approach.

Key words: vocational guidance, vocational and psychological selection, professional suitability, professional success, prosecutors and investigators.

© Кобец А.В., 2014.

Актуальность исследования определяется насущной необходимостью подбора квалифицированных кадров в органы прокуратуры, их рациональной расстановкой, способностью работника в оптимально короткие сроки адаптироваться к качественному выполнению своих профессиональных обязанностей. Важность психологической оценки кадров в органах прокуратуры диктуется спецификой прокурорской деятельности, которая предъявляет повышенные требования к личностным качествам прокурора и является одним из важных звеньев социально-правовых отношений в обществе. Существенную помощь в решении этой проблемы может оказать научно обоснованная система психологического анализа как при профессиональном отборе кандидатов на должность в системе прокуратуры, так и при прогнозировании успешности их деятельности.

При разработке системы психологической оценки кадров прокуратуры использовался положительный опыт, накопленный в правоохранительной системе Украины, с учетом специфических особенностей функционирования и строения органов прокуратуры. Изучением проблемы совершенствования профессионального отбора и профессиональной подготовки будущих работников правоохранительной системы и прокуратуры занимались А.М. Бандурка [1], В.Л. Васильев [2], М.В. Кроза [5], Я.И. Радзивидло [7], В.В. Романов [8], Н.К. Якимчук [9]. Эти авторы исследовали вопросы психологических средств оптимизации отбора, адаптации и аттестации прокурорских кадров, совершенствования организационно-правовых основ работы с

персоналом в органах прокуратуры, личностно-профессионального становления и успешности деятельности работников прокуратуры, психологическое обеспечение кадровой службы в органах прокуратуры.

Ряд исследователей выделяют следующие виды профессионального отбора в органы прокуратуры: социально-правовой, медицинский, психологический и образовательный [3; 5; 8]. Среди этих направлений наименее разработан психологический, поскольку проводится в основном кадровыми прокурорскими работниками, а не квалифицированными специалистами-психологами и, как следствие, сопровождается рядом негативизмов: нарушения правовой дисциплины, увольнения из органов прокуратуры.

Проведенный анализ последних исследований позволяет сформулировать ряд задач:

- исследовать подходы к проведению психологической оценки и профессионального отбора кандидатов на должность прокурорско-следственных работников;
- сформулировать основные требования, предъявляемые к системе психологической оценки профессиональной пригодности прокурорско-следственных работников;
- выделить основные этапы разработки системы психологической оценки на основе профессиографического подхода.

Современный подход к формированию кадрового корпуса органов прокуратуры, комплектование их специалистами, в максимальной степени пригодными к правоохранительной деятельности по своим индивидуально-психологическим, нравственным

качествам, требует проведения научно обоснованного профессионального психологического отбора, оценки и расстановки кандидатов, направляемых в органы прокуратуры, комплектования кадрового резерва при выдвижении на руководящую работу из числа наиболее способных и перспективных прокурорских работников [8].

Как отмечает М.В. Кроз, разработке научно обоснованной системы психологической оценки и отбора кадров в органы прокуратуры должно предшествовать психологическое изучение профессиональной деятельности различных категорий прокурорских работников для определения комплекса требований, выдвигаемых к психологическим особенностям исполнителей. Прежде всего, это жесткая правовая регламентация труда, подчинение его деятельности нормам закона, повышенная ответственность работников за свои решения и действия. Особой характеристикой является обладание властью, обязательный характер полномочий, применение которых требует умения пользоваться властью в пределах норм закона, общественной морали и профессиональной этики [5].

В.В. Романов, М.В. Кроз подчеркивают экстремальный характер работы прокурора, которая связана с большими психическими нагрузками из-за действий в условиях конфликтных ситуаций, большого количества контактов с представителями различных слоев населения, ненормированного рабочего дня, дефицита времени для оперативного решения нестандартных профессиональных задач [8].

Процессуальная самостоятельность и высокий уровень ответственности за свои действия и решения также тре-

буют от личности прокурорского работника интенсивной мобилизации интеллектуальных, эмоционально-волевых и моральных качеств [12].

Согласно статье 2 Общих положений Дисциплинарного устава прокуратуры Украины, «работники прокуратуры должны иметь высокие моральные качества, быть принципиальными и непримиримыми к нарушениям законов, совмещать выполнение своих профессиональных обязанностей по граждански с мужеством, справедливостью и неподкупностью. Они должны лично соблюдать требования закона, проявлять инициативу в работе, повышать ее качество и эффективность, способствовать своей деятельностью утверждению верховенства закона, обеспечению демократии, формированию правосознания граждан, уважения к закону, нормам и правилам общественной жизни» [11].

Анализ особенностей профессиональной деятельности прокурорско-следственных работников позволяет определить профессионально важные свойства личности прокурора, которые играют существенную роль в успешности его деятельности. Так, исследователи А.Н. Бандурка, С.П. Бочарова, Е.В. Землянская прежде всего к ним отнесли когнитивные процессы: аналитико-синтетические свойства мышления, его теоретичность, логичность, высокая культура речи, лаконичность, хорошая дикция, твердость; устойчивость и концентрация внимания; прочность и большой объем долговременной памяти, прогнозирования; творческое воображение; регуляторные процессы: эмоциональные качества, волевые качества; коммуникативные процессы: соци-

альная активность; экстравертированность; вербальная активность; внушаемость воздействия; выразительность и моторная сдержанность мимики и пантомимики. Авторы отмечают, что в мотивационной сфере прокурора особо значимы такие стимулы, как убеждение в правоте закона о необходимости борьбы с преступностью, профессиональный долг, патриотизм, бескомпромиссность. В сфере профессиональных целей и принятия решений у прокурора доминируют такие задачи, как наказание преступников и защита потерпевших, борьба за справедливость, контроль за соблюдением закона, защита интересов граждан и государства. К особенностям практической деятельности прокурора ученые относят подготовку выступления в суде, работу с документацией, ведение допроса лиц в судебном заседании, дискуссию с адвокатом, изучение выводов экспертов [1].

По мнению И.В. Озерского, оценка результатов собственных действий, а также действий защиты и вынесенного судом приговора дает прокурору определенный объем результативной информации. С учетом этой информации прокурор определяет, достигнута ли его стратегическая цель в конкретном судебном процессе и в связи с этим считает дело успешно завершённым или организует систему следующих действий с целью изменить нежелательный для него результат [13].

На основе анализа основных особенностей профессиональной деятельности прокурорско-следственных работников В.В. Романовым и М.В. Крозом была построена профессиограмма прокурорско-следственной деятельности (описание различных

объективных характеристик деятельности) и составлена психограмма (профессионально значимые свойства) личности прокурорско-следственного работника. Также исследователями произведена операционализация указанных профессионально значимых психических свойств личности работника прокуратуры до уровня эмпирических индикаторов, доступных непосредственному измерению и оценке. Это в свою очередь позволило создать надежную систему оценки и отбора кандидатов на службу в подразделения прокуратуры [8].

А.Ю. Екименко подчеркивает, что окончательно решать вопрос о профпригодности человека к деятельности до того, как он начал работать, очень трудно. До включения в профессиональную деятельность можно говорить лишь о прогнозировании профессиональной пригодности [3].

Вопрос о профессиональной пригодности М.М. Бурбика рассматривает с трех сторон: при подборе и отборе кадров, при выборе профессии, при обучении профессии. Такой подход к рассмотрению профессиональной пригодности имеет очень актуальное значение. Всегда возникает вопрос о соответствии человека данной профессии, на этапах выбора профессии, обучения в высшем учебном заведении, оценке его как профессионала при приеме на работу, при аттестации [10].

На сегодня в органах прокуратуры разработано и внедрено в практику несколько систем психологической оценки кадров: для прогнозирования профессиональной пригодности кандидатов на службу, претендентов на руководящие должности, а также

абитуриентов, поступающих в высшие учебные юридические заведения. Описывая эти подходы, И.В. Озерский считает, что эта система психологической оценки является актуальной, поскольку качество профессиональной подготовки юристов определяет эффективность деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Автор особо отмечает большую и ответственную роль юридического вуза, который должен не только выявлять в ходе отбора задатки, но и развивать их в результате обучения и воспитания в личности будущего прокурора системы качеств, навыков и умений, готовить специалиста к сложным условиям практической деятельности [13].

Именно на это обращает внимание Т.Ф. Погорелова, утверждая, что профессиональная подготовка прокурора должна базироваться на принципах и нормах профессиональной этики, способствующих формированию его морально-этических компетенций [14]. Эту задачу автор предлагает решать путем развития этической компетенции будущего прокурора. Исследователь определяет структуру, содержание и методы формирования профессионально-этической культуры специалиста в условиях магистерской подготовки. Им разработана структура и критерии оценки уровня сформированности этической компетенции работника прокуратуры, позволяющая более эффективно выполнять свой профессиональный долг и способствовать повышению его авторитета среди коллег и населения. Автор утверждает, что готовность человека к профессиональной деятельности в правоприменительной системе, будучи целостным

личностным образованием, включает в себя мотивационные, познавательные, эмоциональные и волевые компоненты. Так, мотивы отражают стремление будущего специалиста стать следователем, адвокатом, нотариусом или прокурором, чтобы успешно выполнять свои должностные обязанности по раскрытию преступлений, всестороннего и полного расследования уголовных дел, осознанию причин преступности и их квалифицированной профилактики. В этой же сфере находится стремление выпускника ВУЗа к достижению профессиональных успехов, необходимость зарекомендовать себя с наилучшей стороны. К познавательным аспектам относится понимание выпускником профессиональных задач, психологических особенностей его труда, представление о профессиональных ситуациях.

Т.Ф. Погорелова считает, что эмоциональной стороной готовности является чувство личной ответственности будущего специалиста за результаты деятельности в сфере борьбы с преступностью, а также уверенность в своих силах, способность преодолевать объективные и субъективные препятствия, возникающие в процессе достижения профессиональных целей. Важны также чувства удовлетворенности результатами труда: социальная справедливость, достижение торжества закона над беззаконием [14].

Волевые компоненты, по мнению В.Л. Васильева, отражают сосредоточенность человека на выполнении профессиональной задачи, на достижении гармонии между требованиями профессии и своей личностью, что предполагает совмещение профессиональной ориентации с профотбором. Оба эти

направления решают одну и ту же проблему, но с разных сторон. Профессиональная ориентация идет «от человека» и отвечает на вопрос «Какая профессия больше всего подходит для данного человека?». Профессиональный же отбор идет «от требований профессии» и его задачей является выбор из ряда кандидатов того, который лучше подходит (в силу своих личных особенностей и свойств) для данной профессии [2].

М.В. Крозом были сформулированы основные требования, предъявляемые к системе психологической оценки профессиональной пригодности прокурорско-следственных работников. Научное обоснование обеспечивает валидность и достоверность полученных результатов, точность прогноза профессиональной успешности конкретных кандидатов, гарантирует надежность системы, защищенность ее от сбоев, случайных и систематических ошибок, высокую селективную способность, позволяющую дифференцировать кандидатов по степени их профессиональной пригодности. Система оценки должна соответствовать конкретным организационным, материальным, финансовым и другим возможностям, условиям и временным ресурсам. С их учетом осуществляется на практике психологическая оценка кадров в органах прокуратуры, разрабатываются мероприятия, необходимые для прогнозирования профессиональной пригодности прокурорских работников, кандидатов на службу по психологическим критериям [5].

По мнению Н.К. Якимчук, система психологической оценки для прогнозирования профессиональной пригодности кандидатов на службу в органы прокуратуры, претендентов

на руководящие должности в органах прокуратуры состоит из функционально взаимосвязанных элементов. Профессиограмма деятельности прокурорско-следственных работников органов прокуратуры включает следующие характеристики: жесткая правовая регламентация профессиональной деятельности и принимаемых решений; властный, обязательный характер профессиональных полномочий; экстремальный характер профессиональной деятельности; творческий, нестандартный характер профессиональной деятельности; разнообразие решаемых задач; процессуальная самостоятельность и высокая персональная ответственность прокурора за свои действия и решения. К структурным компонентам относятся подструктуры профессиональной деятельности: познавательная, коммуникативная, организационно-управленческая и воспитательная. Психограмма профессионально успешных прокуроров, руководителей органов прокуратуры включает такие факторы профессиональной пригодности: высокий уровень социализации личности прокурора, руководителя органов прокуратуры; развитые познавательные способности, высокая эмоционально-волевая устойчивость; развитые коммуникативные способности, выраженные организаторские способности. Комплекс психодиагностических методов и методик, которые позволяют эмпирически диагностировать и оценивать качества работников прокуратуры, отражен в психограмме. Критерии оценки профессиональной успешности прокуроров, руководителей органов основаны на анализе материалов их личных дел и рассматри-

ваются путем обобщения первичных данных психологического изучения кандидатов в интегральную оценку профессиональной пригодности [9].

Весьма ценным в рамках рассмотрения вопроса выработки критериев успешности профессиональной деятельности субъектов правоохранительной деятельности и его психологического мониторинга является исследование А.Н. Желого [4]. Автор отмечает, что психологический мониторинг успешности профессионального становления специалиста (на примере командира подразделения внутренних войск) является средством определения его результативности, а также обеспечения обратной связи процесса профессионализации субъекта. Его осуществление определяется наличием следующих компонентов: 1) обоснованных критериев и показателей успешности профессионального становления; 2) оптимального набора валидных и надежных методов и методик для оценки феноменов, являющихся показателями успешности профессионального становления; 3) способа выявления динамики критериев и показателей успешности профессионального становления специалиста в процессе его труда и их сравнения. В этом контексте проблема профессионально-психологического отбора работника прокуратуры приобретает еще одну не менее важную целевую направленность.

Также нужно отметить, что на современном этапе развития исследований в области психологической оценки прогнозирования профессиональной пригодности прокуроров использование акмеологического подхода, позволяет рассматривать образ деятельности.

В этой связи, как отмечает И.Н. Носс [6], базовым положением акмеодиагностики является интерпретационная представленность субъекта деятельности как проявление динамики преобразования и развития как человека, так и профессии. Это дает возможность выработать психодиагностический инструментарий для оценивания и формирования образа деятельности в виде требований к специалисту. Исследователь приходит к выводу, что профессиональная пригодность как некое соответствие профессионально-психологических качеств человека требованиям профессии не является жестко детерминированной характеристикой, а имеет вероятностный характер и может изменяться (деформироваться) в процессе личностно-профессионального развития. Деформация образа профессии и, как следствие, изменение требований профессиональной деятельности к человеку, а также динамика индивидуально-личностных характеристик персонала в процессе социализации и жизнедеятельности предполагают их целостное совместное изучение и одномоментное оценивание.

Таким образом, проблема соответствия личности и профессии может быть адекватно разрешена, если учитываются как требования личности работника прокуратуры к деятельности, так и профессиональной деятельности к личности прокурора. Реализация данного подхода на практике является важным условием и предпосылкой совершенствования всей системы профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов юридической деятельности и кадрового обеспечения органов прокуратуры.

На основе всего сказанного можем сделать следующие выводы:

1. Необходимость эффективного правового регулирования социальных отношений в государстве, потребность в значительном улучшении деятельности правоохранительных органов в обеспечении качественного надзора за законностью ставят как одну из ведущих задачу полноценного кадрового комплектования структур, осуществляющих эти функции.

2. Профессионально-психологический отбор в органы прокуратуры требует детальной разработки проблем психологического обеспечения эффективности профессиональной деятельности в органах прокуратуры с учетом новых современных условий развития общества и государства.

3. Перспективы дальнейших научных поисков заключаются в раскрытии организационных особенностей психологического обеспечения служебной деятельности работников прокуратуры, определении ее содержания и структуры, а также в разработке соответствующих теоретических и практических методов и средств психологического обеспечения работы юридических органов. Это должно привести к созданию целостной системы отбора и особенно психологической оценки профессиональной деятельности работников прокуратуры и практических рекомендаций к ее оптимизации.

4. Экспериментальные исследования различных аспектов организации психологического обеспечения профессионального отбора прокурорских кадров позволяют обобщать и анализировать современный научно-практический опыт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология: учебник. – Харьков, 2001. – 640 с.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. – 6-е изд., перераб. и доп. – СПб.: 2009. – 608 с.
3. Екименко А.Ю., Добрянская Р.Г. Психологическое обеспечение кадровой службы в органах прокуратуры // Законность. – 2009. – № 8. – С. 76–84.
4. Желого А.Н. Особенности реализации психологического мониторинга успешности профессионального становления командира подразделения внутренних войск на стадии самостоятельной профессиональной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 2. – М. – С. 63–70.
5. Кроз М.В. Система психологической оценки прокурорских работников: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. – М., 1999. – 24 с.
6. Носс И.Н. Деформация образа профессии в процессе личностно-профессиональной диагностики персонала // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2014. № 1. – М. – С. 106–113.
7. Радзивидло Я.И. Личностно-профессиональное становление работников прокуратуры в процессе деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 179 с.
8. Романов В.В., Кроз М.В. Психологическая оценка при профессиональном отборе кадров для прокуратуры (современное состояние и перспективы) // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 94–108.
9. Якимчук Н.К. Проблемы управления в органах прокуратуры Украины: теория и практика: монография. – К., 2001. – 440 с.
10. Бурбика М.М. Работа с персоналом в органах прокуратуры: дис. ... канд. юрид. наук. – Х., 2007. – 195 с.

11. Дисциплінарний статут прокуратури України: Збірник нормативно-правових актів та рекомендацій з питань кадрової роботи в органах прокуратури Вінницької області. – Вінниця, 2009. – С. 181–189.
12. Закон про прокуратуру: Бюлетень законодавства і юридичної практики України, 2009 – № 12. – С. 6–44.
13. Озерський І.В. Професіографічні дослідження особистості прокурора // Законодавство України: недоліки, проблеми систематизації та перспективи розвитку: матеріали Міжнар. наук-практ. конфер. (м. Херсон, 1-2 березня 2013 р.) – Херсон, 2013 – С. 159–161.
14. Погорелова Т.Ф. Проблема розвитку професійних ціннісних орієнтацій у майбутніх прокурорів в умовах магістратури // Педагогічний процес: теорія і практика. – Вип. 1. – К., 2010. – С. 6–103.

УДК 316.628:331.108

Шахова И.П.*Пензенский филиал Международного
эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ)***ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ
ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается структура трудовой мотивации персонала предприятия. Составляющими предметно-содержательной стороны мотивации выступали значимые факторы социального и предметного окружения. Личностная значимость факторов: внешняя/внутренняя мотивация, стремление к творчеству, служению обществу, реализации способностей, с одной стороны, и материальная обеспеченность, стремление к покровительству, сохранение здоровья, ориентация на традиции – с другой. Представлены уровни (низкий, средний, высокий) развития трудовой мотивации персонала предприятия. По результатам выраженность составляющих структуры трудовой мотивации персонала предприятия сравнивается с «идеальной» мотивацией для данной профессиональной категории. Большинство сотрудников предприятия обращают внимание на мотивацию сохранения здоровья, что является тревожным показателем для руководства предприятия. *Ключевые слова:* структура трудовой мотивации, направленность, интерес, творчество, помощь людям, служение обществу, общение, включенность в команду, карьерный рост, общественное признание, материальная обеспеченность, поиск покровительства, сохранение здоровья, ориентация на традиции.

I. Shakhova*Penza Branch of International Independent University
of Environment and Political Sciences (The Academy IUUEPS)***STUDYING THE STRUCTURE OF WORK MOTIVATION
OF ENTERPRISE PERSONNEL**

Abstract. The article describes the structure of personnel's motivation. The components of the subject-content aspect of motivation were significant factors of social and objective environment. Personal significance of factors: external / internal motivation, desire for creativity, service to society, and the realization of abilities, on the one hand, and material security, desire for protection, preservation of health, focus on tradition, on the other. The article presents the levels (low, medium, high) of development of personnel's motivation. According to the results of the research the intensity of the components of personnel's motivation is compared with the "ideal" motivation for this occupational category. Most of the company's employees pay attention to the motivation for preservation of health, which is a disturbing factor for the company's management.

Key words: structure of work motivation, orientation, interest, creativity, assistance to people, service to society, communication, involvement in the team, promotion track, public recognition, financial well-being, seeking for patronage, health preservation, tradition orientation.

Структура трудовой мотивации интересует не только специалистов по психологии, но и руководителей предприятий. Вопросы трудовой мотивации разработаны рядом зарубежных авторов, одним из которых является Ф. Герцбергер.

К мотивационным критериям в двухфакторной теории Ф. Герцбергера относят собственно содержательные характеристики трудовой деятельности, успехи и достижения личности или группы в труде, перспективы квалификационно-профессионального, в том числе и карьерного роста, признание со стороны социального окружения. К гигиеническим критериям относят эргономические условия труда, уровень материального вознаграждения, стиль руководства, характер межличностных отношений в трудовом коллективе. Иногда именно последние факторы выступают в качестве определяющих. Для групп низкого уровня развития решающим нередко становится такой показатель, как заработная плата.

К диспозиционным мотивационным теориям, описывающим структуру трудовой мотивации, относят иерархическую модель потребностей А. Маслоу, ERG-теорию С. Алдерфера и теорию потребностей в достижениях Д. Мак-Келланда [2, с. 249–253].

В теории С. Алдерфера, выделяются потребности в существовании (*existence* — E), отношениях с другими людьми (*relatedness* — R) и росте (*growth* — G). Если потребность не удовлетворится, то человек может регрессировать. Сотрудник, который не способен в рамках своей трудовой деятельности удовлетворить потребности в личностном росте, может остановиться на том, что будет выполнять

свою работу лишь настолько, насколько необходимо, чтобы не потерять место и удовлетворять социальные потребности, например потребность в общении, то есть потребности более низкого уровня [2, с. 173–174].

В теории потребностей в достижениях Д. Мак-Келланда говорится о возникновении потребности в достижении через развитие. Люди, у которых имеется потребность в достижении, работают усерднее [2, с. 173–174].

Потребности в диспозиционных теориях не всегда осознаются. В когнитивных теориях мотивация труда имеет сознательный выбор.

Поэтому она зависит от реального результата деятельности сотрудника.

К когнитивной теории трудовой мотивации относится теория справедливости Дж. Адамса, состоящая в том, что люди пытаются поддерживать баланс между усилиями, которые они вкладывают в работу, и достигнутыми результатами. К результатам относятся заработная плата, статус и должностной уровень. Процесс сравнения выглядит так: собственные результаты сравниваются с результатами других. Если результаты равны, то имеет место справедливость, и работник будет продолжать выполнять работу на том же уровне.

Структура трудовой мотивации меняется в соответствии со стадиями социальной зрелости работника. Меняются акценты и доминанты мотивации, но структура трудовой мотивации остается относительно устойчивой, так как работник выбирает формы поведения в сфере труда, опираясь на весь жизненный опыт, зафиксированный в структуре личностных диспозиций.

Любой мотив является мотиватором. Мотиваторами выступают значимые факторы социального и предметного окружения или устойчивые потребности, интересы, ценностные и иные установки и т. п.

Используя мотивационно-иерархическую модель А. Маслоу, О.В. Ромашов показал, как потребности различного уровня проявляются в трудовой сфере [4].

Потребности стимулируют поведение, когда осознаются работниками. В этом случае они принимают форму интереса к тем или иным видам деятельности, объектам и предметам. Интерес – это конкретное выражение осознанных потребностей. В отличие от потребности, интерес направлен на социальные отношения, от которых зависит удовлетворение нужд работника. Потребности показывают, что нужно человеку для нормальной жизни, интерес отвечает на вопрос, как действовать, чтобы удовлетворить данную потребность [5].

Если говорить о социальных установках, то они формируются под воздействием социального опыта.

В.И. Верховин рассматривает мотивационную систему личности в сфере труда. Речь идет о трудовой направленности. Он выделяет уровни мотивации в зависимости от того, какие виды потребностей (материальные, культурные, социальные) доминируют в той или иной фазе трудового цикла [1].

Цель исследования – изучить структуру трудовой мотивации персонала организации «Городской центр контроля и учета энергетических ресурсов» ЖКХ города Пензы и дать рекомендации по развитию трудовой направленности персонала.

Мы предполагали, что уровни развития компонентов в структуре трудовой мотивации должны учитываться для обеспечения успешности выполнения профессиональной деятельности каждым сотрудником организации. Руководитель должен учитывать трудовую мотивацию как группы в целом, так и каждого сотрудника в отдельности, так как, не владея этой картиной в полном объеме, он будет не в состоянии ни адекватно стимулировать просоциальную активность сотрудников, ни прогнозировать процессы личного развития персонала.

При исследовании были использованы методы наблюдения, беседы, тестирование. Для анализа структуры трудовой мотивации персонала предприятия (инженеров и ведущих специалистов) была использована компьютерная диагностика для изучения структуры трудовой мотивации (СТМ – Форма А). В исследовании участвовало 7 инженеров и ведущих специалистов предприятия. Средний возраст испытуемых – 39 лет. Такая выборка была оправдана практической значимостью исследования для конкретного предприятия и компьютерной обработкой данных методики СТМ.

В качестве инструментария оценки структуры трудовой мотивации в исследовании использовалась методика, определяющая структуру трудовой мотивации (СТМ) [3].

Мотиваторами предметно-содержательной стороны мотивации выступали значимые факторы социального и предметного окружения – составляющие структуры трудовой мотивации: 1) интегральный показатель направленности трудовой мотивации; 2) интерес к процессу труда и удовольствия от работы;

3) мотивация к творчеству, новаторству; 4) мотивация оказания помощи людям; 5) мотивация служения обществу; 6) мотивация общения; 7) мотивация включенности в команду; 8) мотивация общественного признания; 9) мотивация самоутверждения, роста статуса; 10) мотивация материальной обеспеченности; 11) мотивация неденежной формы обеспечения материального и социального благополучия; 12) мотивация сохранения здоровья; 13) мотивационная ориентация на традиции.

По результатам тестирования строился профиль из 12 основных и 1 дополнительного интегрального показателя (соотношение внутренней и внешней мотивации к работе).

Значимый подъем или провал профиля по одной из тематических категорий-шкал свидетельствовал о повышенной или пониженной значимости соответствующего мотива.

По результатам исследования были выявлены уровни (низкий, средний, высокий) развития трудовой мотивации в процентах с учетом ее составляющих и количества персонала (инженеров и ведущих специалистов) обладающих тем или иным уровнем развития мотивации (табл. 1). Низкие значения мотивации составили от 2,5 до 4,4 стенов, средние значения – от 4,5 до 6,5 стенов, высокие значения – от 6,6 до 8,5 стенов.

По результатам выраженности составляющих структуры трудовой мотивации персонала предприятия можно говорить о развитии мотивации в целом и сравнить с «идеальной» мотивацией для данной профессиональной категории.

Мы считали, что идеальная структура трудовой мотивации включает

такие показатели развития трудовой мотивации: 1) наличие внутренней мотивации; 2) высокий интерес к процессу труда и удовольствию от работы; 3) высокую мотивацию к творчеству и новаторству; 4) высокую мотивацию оказания помощи людям; 5) высокую мотивацию служения обществу; 6) высокую мотивацию общения; 7) высокую мотивацию включенности в команду; 8) высокую мотивацию общественного признания; 9) высокую мотивацию самоутверждения, роста статуса; 10) высокую мотивацию материальной обеспеченности; 11) высокую мотивацию неденежной формы обеспечения материального и социального благополучия; 12) высокую мотивацию сохранения здоровья; 13) средний уровень развития мотивации на традиции.

По интегральному показателю направленности трудовой мотивации преобладают сотрудники (57,1%) с высоким уровнем развития внутренней мотивации, а 42,9% сотрудников имеют низкий уровень развития мотивации (внешней). Подобное соотношение внутренней и внешней мотивации можно считать **нормой** в работе персонала предприятия.

По показателю «интерес к процессу труда, и удовольствие от работы» 28,5% сотрудников имеют низкий уровень развития мотивации интереса к процессу труда. Количество сотрудников со средним и высоким уровнем развития интереса к процессу труда – 71,3%, что можно считать **«хорошим фактом»** в работе персонала предприятия.

По показателю «уровень развития мотивации к творчеству, новаторству» 14,4% сотрудников имеют низкий уровень развития мотивации к творчеству

Таблица 1

**Структура трудовой мотивации персонала организации
(инженеров и ведущих специалистов)**

Составляющие структуры трудовой мотивации	Уровни развития трудовой мотивации	Количество персонала в %
1. Интегральный показатель направленности трудовой мотивации	Внешняя мотивация	42,9
	Средняя выраженность внешней/внутренней мотивации	0
	Внутренняя мотивация	57,1
2. Интерес к процессу труда и удовольствия от работы	Низкая выраженность	28,5
	Средняя выраженность	28,5
	Высокая выраженность	42,8
3. Мотивация к творчеству, новаторству	Низкая выраженность	14,4
	Средняя выраженность	42,8
	Высокая выраженность	42,8
4. Мотивация оказания помощи людям	Низкая выраженность	14,3
	Средняя выраженность	57,1
	Высокая выраженность	28,6
5. Мотивация служения обществу	Низкая выраженность	14,4
	Средняя выраженность	42,8
	Высокая выраженность	42,8
6. Мотивация общения	Низкая выраженность	42,8
	Средняя выраженность	0,0
	Высокая выраженность	57,2
7. Мотивация включенности в команду	Низкая выраженность	42,8
	Средняя выраженность	42,8
	Высокая выраженность	14,4
8. Мотивация общественного признания	Низкая выраженность	57,1
	Средняя выраженность	14,3
	Высокая выраженность	28,6
9. Мотивация самоутверждения, роста статуса	Низкая выраженность	71,4
	Средняя выраженность	14,3
	Высокая выраженность	14,3
10. Мотивация материальной обеспеченности	Низкая выраженность	28,6
	Средняя выраженность	14,3
	Высокая выраженность	57,1
11. Мотивация неденежной формы обеспечения материального и социального благополучия	Низкая выраженность	57,1
	Средняя выраженность	28,6
	Высокая выраженность	14,3
12. Мотивация сохранения здоровья	Низкая выраженность	28,6
	Средняя выраженность	0
	Высокая выраженность	71,4
13. Мотивационная ориентация на традиции	Низкая выраженность	14,3
	Средняя выраженность	57,1
	Высокая выраженность	28,6

и новаторству. Количество сотрудников со средним и высоким уровнем развития мотивации к творчеству – 85,6%, что можно считать **«отличным фактом»** в работе персонала предприятия.

По показателю «уровень развития мотивации оказания помощи людям» 14,3% сотрудников имеют низкий уровень развития мотивации оказания помощи людям. Количество сотрудников со средним и высоким уровнем развития мотивации оказания помощи людям – 85,7%, что можно считать **«положительным фактом»** в работе персонала предприятия при сравнении с «идеальной» мотивацией.

По показателю «уровень развития мотивации служения обществу» 14,4% сотрудников имеют низкий уровень развития мотивации служения обществу. Количество сотрудников со средним и высоким уровнем развития мотивации служения обществу – 85,6%, что можно считать **«положительным фактом»** в работе персонала предприятия.

По показателю «уровень развития мотивации общения» преобладают сотрудники (57,2%) с высоким уровнем мотивации общения. 42,8% сотрудников имеют низкий уровень развития мотивации общения, что можно считать **«нормальным фактом»** в работе персонала предприятия.

По показателю «мотивация принадлежности к определенной команде (включенность в команду)» – 42,8% сотрудников имеют низкий уровень развития мотивации включенности в команду. Количество сотрудников со средним (42,8%) и высоким уровнем развития мотивации включенности в команду – 14,4%, что можно считать **«отрицательным фактом»** в работе персонала предприятия.

По показателю «мотивация общественного признания (тщеславие)» большинство сотрудников имеют низкий уровень развития (57,1%). Количество сотрудников со средним и высоким уровнем развития мотивации общественного признания – 42,9%, что можно считать **«отрицательным фактом»** в работе персонала предприятия. Это говорит об излишней скромности и отсутствии тщеславия у сотрудников.

По показателю «мотивация на самоутверждение, реализацию своих способностей, роста статуса» большинство сотрудников имеют низкий уровень развития (71,4%), что можно считать **«отрицательным фактом»** в работе персонала предприятия, так как это может говорить о некоторой неуверенности в себе, ощущении собственной некомпетентности в выбранной профессиональной области.

По показателю «мотивация материальной обеспеченности» с высоким уровнем материальной мотивации – 57,1% сотрудников. Количество сотрудников со средним и высоким уровнем развития материальной мотивации – 71,4%, что можно считать **«нормальным фактом»** в работе персонала предприятия.

По показателю «мотивация неденежной формы обеспечения материального и социального благополучия, поиск поддержки, покровительства» большинство сотрудников имеют низкий уровень развития неденежной формы мотивации (57,1%), что можно считать **«отрицательным фактом»** в работе персонала предприятия. Возможно, средний уровень развития неденежной формы мотивации даст возможность не так зависеть от покровительства, да и полезные знакомства, например с профессионалом в

данной области знаний, могут принести свои преимущества.

По показателю «мотивация сохранения здоровья» большинство сотрудников имеет высокий уровень – 71,4%. Средний показатель развития данной мотивации у сотрудников отсутствует, а низкий имеют 28,6% сотрудников. На сегодняшний день во многих современных организациях одним из главных преимуществ сотрудника считается работоспособность, поэтому либо придется пересматривать свои взгляды, либо не рассчитывать зарабатывать больше. Можно считать, что для организации это «**отрицательный**» показатель. Возможно, есть необходимость организации обратить внимание на использование здоровьесберегающих технологий.

По показателю «мотивационная ориентация на традиции» большинство сотрудников имеют средний уровень развития мотивации сохранения мотивационной ориентации на традиции (57,1%). При выборе места работы сотрудники игнорируют фактор традиционности или принципиальную новизну выполняемого труда. Это достаточно гибкая позиция, далекая от крайностей (консерватизма или нигилизма, отрицания всего традиционного), что можно считать «**нормальным фактом**» в работе персонала предприятия.

Анализ структуры трудовой мотивации персонала предприятия показал, что необходимо развивать, мотивацию включенности в команду, мотивацию общественного признания, мотивацию на реализацию своих способностей, роста статуса, мотивацию неденежной формы обеспечения и материального социального благополучия.

Особое внимание необходимо уделить компоненту в структуре трудовой мотивации – мотивации сохранения здоровья.

Установлено, что пик трудовой мотивации приходится на возраст около 40 лет. За этим периодом следует «кризис середины карьеры», который обычно наблюдается в возрасте от 45 до 50 лет. После разрешения этого кризиса уровень трудовой мотивации опять повышается, но снова начинает падать, когда человек готовится к уходу на пенсию.

Учитывая влияние трудовой мотивации на рабочее состояние человека, руководитель должен знать структуру трудовой мотивации, т.е. факторы, оказывающие влияние на степень вовлеченности сотрудника в процесс деятельности, и, следовательно, выбрать оптимальные направления работы по развитию компонентов в структуре трудовой мотивации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Верховин В.И., В.И. Зубков. Экономическая социология. – М., 2001. – 460 с.
2. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. – СПб. – 2001. – 509 с.
3. Лаборатория «Гуманитарные технологии» [Электронный ресурс]. – URL: <http://maintest.ru/tests/motiv/stm/>.
4. Ромашов О.В. Социология труда. – М., 2003. – 320 с.
5. Шахова И.П. Исследование трудовой мотивации сотрудников административно-управленческого персонала жилищно-коммунальной сферы // Международный научный альманах. Выпуск 7. Сборник статей преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов / Под ред. В.И. Журко, А.А. Калюжного. – Галле; Минск; Бишкек; Актобе, 2010. – С. 473–478.

НАШИ АВТОРЫ

Барановская Иванна Валериевна – соискатель кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, педагог-психолог МБОУ «Гимназия № 1» (г. Балашиха, Московская область); e-mail: biv1972biv@yandex.ru

Веденева Нина Владимировна – педагог-психолог Средней образовательной школы № 2056 г. Москвы; e-mail: to.vedeneeva@gmail.com

Евенко Сергей Леонидович – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета; e-mail: slevenko@yandex.ru

Жучкова Светлана Михайловна – аспирант кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета (г. Москва); e-mail: fotine@mail.ru

Зотова Лариса Эдуардовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета; e-mail: zolar@yandex.ru

Кобец Александр Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, старший советник юстиции, доцент кафедры надзора представительства и защиты интересов Украины Национальной академии прокуратуры Украины (г. Киев); e-mail: kononenko2006sv@mail.ru

Корнилова Татьяна Васильевна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: tvkornilova@mail.ru

Кыштымова Ирина Михайловна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и культурологии Иркутского государственного университета; e-mail: info@creativity.ru

Новикова Мария Александровна – кандидат психологических наук, инженер первой категории кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: to.chigrinova@gmail.com

Соколовская Ирина Эдуардовна – кандидат психологических наук, докторант кафедры социальной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: Iren3d@yandex.ru

Чигринова Ирина Александровна – аспирант кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: to.chigrinova@gmail.com

Читао Рузана Аслановна – педагог-психолог Частного образовательного учреждения «Семья» (г. Краснодар); e-mail: ruzanatext@yandex.ru

Шахова Инна Павловна – кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики Пензенского филиала Международного эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ); e-mail: 53shll@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2014. № 2

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор Т.С. Павлова
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 6, усл. п.л. 6,5.

Подписано в печать 30.05.2014. Заказ № 65.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а